

Артур Конан Дойл

Долина ужаса

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Трагедия в Бирлстоуне

1. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Я склонен думать...

— Думайте, думайте, — нетерпеливо бросил Холмс.

Я убежден, что принадлежу к числу самых терпеливых людей, но это насмешливое замечание меня задело.

— Послушайте, Холмс, — сказал я ворчливо, — вы иногда слишком испытываете мое терпение.

Но он был чересчур занят собственными мыслями, чтобы мне ответить, и целиком погрузился в изучение прибывшего по почте листка бумаги, вынутого из конверта. Затем он взял конверт и стал так же внимательно рассматривать его.

— Это рука Порлока, — задумчиво произнес он. — Я не сомневаюсь: это почерк Порлока, хотя до сих пор видел его только дважды. Игрек с особенной верхушкой — это очень характерно. Но если это письмо Порлока, то оно должно содержать важное известие, и прочесть его надо незамедлительно.

Он говорил скорее сам с собой, нежели обращаясь ко мне, но все мое раздражение сразу исчезло.

— Кто этот Порлок?

— Порлок — это только кличка, а за ней, Уотсон, стоит чрезвычайно хитрая и ловкая личность. В предыдущем письме Порлок извещал меня, что это его имя вымышленное, и просил не разыскивать его. Впрочем, Порлок важен не сам по себе, а лишь потому, что находится в контакте с неким значительным лицом. Представьте себе рыбу-лоцмана, сопровождающую акулу, или шакала, бредущего за львом, — вообще какое-либо ничтожество в обществе действительно грозного существа. И не только грозного, Уотсон, но и в высшей степени таинственного. Вот почему Порлок меня интересует. Я вам уже не раз говорил о профессии Мориарти?

— Ученый и преступник, столь великий в своих хитроумных замыслах, что...

— Что я и теперь вспоминаю о своих поражениях...

— Я, собственно, хотел сказать, что он остается совершенно неизвестным обществу с этой стороны.

— Это явный намек! — воскликнул Холмс. — В вас, Уотсон, скрывается неожиданная жилка едкого юмора. Вас надо остерегаться! Впрочем, назвав Мориарти преступником, вы сами совершили проступок. Как ни удивительно, с точки зрения закона это — клевета. Один из величайших злоумышленников, организатор едва ли не всех преступлений — таков в действительности этот человек. Но он настолько неуязвим, настолько выше подозрений, что за эти ваши слова мог бы привлечь вас к суду за необоснованное обвинение. Разве не он прославленный автор «Движения астероидов», книги, затрагивающей такие высоты чистой математики, что, говорят, не нашлось никого, кто мог бы написать о ней критический отзыв? Можно ли безнаказанно клеветать на такого человека? Это гений, Уотсон! Но придет и наш черед торжествовать!

— Как бы мне хотелось это увидеть! — воскликнул я. — Но вы говорили о Порлоке...

— Ах да... Так вот, этот так называемый Порлок — лишь одно из звеньев в длинной цепи, созданной этим необыкновенным человеком. И звено довольно второстепенное. Более того: звено, давшее трещину. В этом то и кроется крайняя важность для нас Порлока. Подгоняемый отчасти пробудившейся в нем совестью, а главным образом чеками на десять

фунтов, которые я ему посылал, он уже дважды доставлял мне ценные сведения. Настолько ценные, что удалось предотвратить преступления. Если мы найдем ключ к шифру, то, не сомневаюсь, и это письмо окажется сообщением того же рода.

Холмс развернул письмо и положил его на стол. Я склонился над ним и стал рассматривать загадочное послание. На листке бумаги было написано следующее:

534 Г2 13 127 36 31 4 17 21 45 Дуглас 109 293 5 37 Бирлстоун.

26 Бирлстоун 9 18 171

— Что вы думаете об этом, Холмс?

— Очевидно, намерение сообщить какие-то секретные сведения.

— Но если нет ключа, какова польза шифрованного послания?

— В настоящую минуту — ровно никакой.

— Почему вы говорите «в настоящую минуту»?

— Потому что немало шифров я могу прочесть с такой же легкостью, как акrostих по первым буквам каждой строки. Такие несложные задачки только развлекают. Но тут — иное дело. Ясно, что это ссылка на слова, которые можно найти на странице какой-то книги. Однако пока я не буду знать название книги, я бессилён.

— А что могут означать слова «Дуглас» и «Бирлстоун»?

— Очевидно, этих слов нет на взятой странице.

— Почему же не указано название книги?

— Дорогой Уотсон, ваши ум и догадливость, доставляющие столько радости вашему покорному слуге, должны бы подсказать вам, что не следует посылать зашифрованное письмо и ключ к шифру в одном и том же конверте. Скоро, однако, принесут вторую почту, и я буду удивлен, если не получу письма с объявлением или, быть может, самой книги, которой так недостает.

Действительно, спустя несколько минут появился рассыльный Билли, принесший ожидаемое письмо.

— Тот же почерк на конверте. И на этот раз письмо подписано, — удовлетворенно прибавил он, развернув листок. Но, просмотрев его, нахмурился. — Наши ожидания не оправдались. Видно, с этим Порлоком у нас ничего не выйдет. Слушайте! «Многоуважаемый мистер Холмс, я больше не могу ничем помочь вам с этим делом. Оно слишком опасно. Я вижу, он меня подозревает. Я только надписал адрес на конверте, как он неожиданно вошел ко мне. Я успел прикрыть конверт, но прочел в его глазах подозрение. Сожгите зашифрованное письмо — оно для вас теперь бесполезно. Фрэд Порлок».

Некоторое время Холмс сидел молча, держа письмо в руке и сосредоточенно глядя на огонь в камине.

— В сущности, — промолвил он наконец, — что его могло так напугать? Возможно, всего лишь голос нечистой совести. Чувствуя себя предателем, он заподозрил обвинение в глазах другого.

— Этот другой, я догадываюсь, профессор Мориарти?

— Никто иной. Когда кто-нибудь из этой компании говорит «он», то ясно, кого они подразумевают. У них только один «он», главенствующий над всеми остальными.

— И что он затевает?

— Это сложный вопрос. Когда против вас оказывается один из первых умов Европы, а за его спиной стоит целое полчище темных сил, допустимы любые варианты. Как бы то ни было, Порлок, видимо, растерян. Сравните письмо с адресом на конверте, написанным до неприятного визита. На конверте почерк тверд, в письме его можно разобрать с трудом.

— Зачем же он писал, а просто не бросил это дело?

— Боялся, что я буду добиваться разъяснений и тем самым навлеку на него неприятности.

— Верно, — сказал я и, взяв зашифрованное письмо, стал напряженно его изучать. — Можно с ума сойти от обиды, что в таком клочке бумаги заключена важная тайна и что невозможно в нее проникнуть.

Шерлок Холмс разжег трубку, бывшую спутницей самых глубоких его размышлений.

— Может быть, здесь все же имеются зацепки, ускользающие от вас. Давайте рассмотрим проблему при свете чистого разума. Этот человек ссылается на какую-то книгу — это исходный пункт.

— Нечто весьма неопределенное, надо признаться.

— И все же эта проблема, когда я вдумываюсь в нее, не кажется мне неразрешимой. Какие указания содержатся относительно этой книги?

— Никаких.

— Ну, не так уж все скверно. Шифровка начинается крупным числом пятьсот тридцать четыре. Мы можем принять его в качестве предположения, что речь идет о той странице, к которой нас отсылают как к ключу шифра. Значит, эта книга толстая. Какие еще указания имеются относительно этой толстой книги? Следующий знак — Г два. Что вы скажете о нем?

— «Глава вторая».

— Едва ли так, Уотсон. Раз дана страница, то номер главы уже несуществен. Кроме того, если страница пятьсот тридцать четыре относится только ко второй главе, то размеры первой главы должны быть чудовищны.

— Графа! — воскликнул я.

— Великолепно, Уотсон! Вы прямо-таки блещете сегодня умом! Наверняка это или графа, или столбец. Итак, мы начинаем теперь из предпосылки наличия толстой книги, напечатанной в два столбца значительной длины, тем более что одно из слов обозначено номером двести девяносто третьим. Теперь еще такое соображение. Если бы книга была из редко встречающихся, он сразу прислал бы ее мне. В действительности же он собирался, пока его планы не были нарушены, сообщить лишь ключ к шифру. А это означает, что книгу я без труда найду у себя. Иначе говоря, Уотсон, речь идет о какой-то очень распространенной книге.

— Весьма похоже.

— Итак, мы можем сильно сузить область наших поисков, поскольку Порлок ссылается на толстую и очень распространенную книгу, отпечатанную в два столбца.

— Библия! — воскликнул я с торжеством.

— Так, хорошо!.. Впрочем, эта догадка, к сожалению, отпадает. Ведь именно Библию труднее всего представить на руках у кого-либо из сподвижников Мориарти. Кроме того, различных изданий Библии существует такое множество, что он не мог рассчитывать на наличие у меня экземпляра с одинаковой нумерацией страниц. Нет, он ссылается на нечто более определенное, он знает наверняка, что указанная им страница окажется тождественной моей пятьсот тридцать четвертой странице.

— Однако книг, отвечающих всем этим условиям, очень немного?

— Верно. И именно в этом наше спасение. Наши поиски должны быть теперь ограничены книгами с постоянной нумерацией страниц, и притом такими, которые обычно есть у всех.

— Какой-нибудь ежемесячник.

— Bravo, Уотсон! Ежегодник! Возьмем номер «Ежегодника Уайтэкера». Он очень распространен. В нем имеется нужное количество страниц. И отпечатан он в два столбца. — Холмс взял томик с книжной полки. — Вот страница пятьсот тридцать четвертая... столбец второй... о бюджете и торговле Британской Индии. Записывайте слова, Уотсон. Номер тринадцатый — «Махратта»: Боюсь, начало разгадывания шарады не особенно благоприятное. Сто двадцать седьмое слово — «правительство». Здесь уже есть какой-то смысл, имеющий, правда, мало отношения к нам и к профессору Мориарти. Теперь посмотрим далее. Что же делает правительство Махратты? Увы! Следующее слово — «перья». Неудача, милый Уотсон. Приходится поставить точку.

Холмс говорил шутливым тоном, но его нахмуренные брови свидетельствовали о степени его разочарования.

Я сидел тоже огорченный, глядя на огонь в камине.

Воцарившееся молчание было нарушено неожиданным возгласом Холмса,

появившегося из-за дверцы книжного шкафа с потрепанным томиком в руке.

— Мы заплатились, Уотсон, за свою поспешность. Сегодня седьмое января, и мы взяли только что вышедший номер ежегодника. Но более чем вероятно, что Порлок использовал для своего послания прошлогодний номер. Без сомнения, он сообщил бы нам об этом, если бы второе его письмо было им написано. Теперь посмотрим, на что нам укажет страница пятьсот тридцать четвертая. Тринадцатое слово — «имею», сто двадцать седьмое — «сведения». Это сулит многое. — Глаза Холмса возбужденно сверкали. — «Опасность». Отлично! Запишите, Уотсон: «имею сведения — опасность — может угрожать — очень — скоро — некий». Дальше у нас имя «Дуглас». «Богатый — помещик — теперь — в — Бирлстоун — замок — Бирлстоун — уверять — она — настоятельная». Все, Уотсон! Что вы скажете о методе чистого разума и его результатах?

Я не открывал глаз от лежавшего на столе листка бумаги, на котором записал под диктовку Холмса текст послания.

— Что за странный и туманный способ выражать свои мысли!

— Наоборот, Порлок очень ясно их выразил, — возразил Холмс. — Когда вы пользуетесь для выражения своих мыслей одним книжным столбцом, то едва ли найдете все, что вам нужно. Кое в чем вынужденно приходится рассчитывать на догадливость вашего корреспондента. Какая-то серьезная опасность нависла над неким Дугласом, богатым джентльменом, живущим, по-видимому, в своем поместье, на что и указывает Порлок. Он убежден: «уверять» — самое близкое, что ему удалось найти к слову «уверен», — что эта опасность очень близка. Таков результат нашей работы...

Шерлок Холмс испытывал удовлетворение истинного творца, любующегося своим шедевром. Он еще продолжал наслаждаться достигнутым успехом, когда Билли объявил о приходе инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В то время Алек Макдоналд был еще далек от достигнутой им теперь широкой известности. Этот молодой представитель сыскальной полиции проявил недюжинные способности в ряде случаев, когда ему доверяли расследование. Его высокая костлявая фигура свидетельствовала о незаурядной физической силе, а открытый высокий лоб и блестящие из-под густых бровей глаза говорили о проницательности и уме. Он был человеком молчаливым, с несколько суровым характером. За годы его службы в полиции Холмс уже дважды выручал его, удовлетворяясь при этом лишь радостью мыслителя, разрешившего сложную проблему. Шотландец отвечал глубокой признательностью и уважением, советуясь с Холмсом в каждом затруднительном случае. Не слишком склонный к дружбе, Холмс относился к шотландцу с симпатией и дружески улыбнулся при виде его.

— Вы ранняя птичка, мистер Мак. Боюсь, что ваш визит вызван каким-либо новым необычным происшествием.

— Я выбрался так рано потому, что первые часы после преступления самые драгоценные для нас...

Молодой инспектор внезапно запнулся и с величайшим изумлением стал вглядываться в клочок бумаги, лежащий на столе.

— «Дуглас...» — пробормотал он. — «Бирлстоун!» Господа, ведь это же чертовщина! Во имя всего святого, откуда вы взяли эти имена?!

— Из шифра, который доктор Уотсон и я только что разгадали. А в чем дело?

Инспектор продолжал изумленно смотреть на нас обоих:

— Только в том, что мистер Дуглас из Бирлстоунской усадьбы зверски убит сегодня ночью.

2. ШЕРЛОК ХОЛМС И МАКДОНАЛД

Это был один из тех драматических моментов, которые составляли для моего друга главный смысл жизни. Было бы преувеличением сказать, что он выглядел потрясенным. В его характере не было и тени черствости, но, конечно, нервы его были закалены постоянно

напряженной работой. Его душевные движения в такие минуты как бы дремали, но зато интеллектуальная восприимчивость повышалась до предела. В данном случае на его лице не было заметно и следа того ужаса, который испытал я после слов Макдоналда, скорее оно выражало интерес, с каким химик наблюдает причудливое скопление кристаллов на дне колбочки.

— Замечательно! — промолвил он после некоторой паузы. — Замечательно!

— Вы, кажется, не удивлены этим известием?

— Заинтересован, мистер Мак. Почему я должен быть удивлен? Я получил сообщение, что одному лицу грозит опасность. Спустя час я узнаю, что замысел осуществлен и что это лицо убито. Я заинтересован, это верно, но ничуть не удивлен.

Холмс рассказал инспектору о зашифрованном письме и найденном к нему ключе. Макдоналд сидел за столом, опершись подбородком на обе руки, и слушал с напряженным вниманием.

— Я хотел ехать в Бирлстоун сегодня же утром и зашел просить вас сопутствовать мне. Но из вашего сообщения следует, что мы можем более успешно действовать в Лондоне.

— Едва ли так, мистер Мак, — заметил Холмс.

— Взвесьте все, мистер Холмс, — возразил инспектор. — День или два все газеты будут сплошь заполнены бирлстоунской тайной. Но что за тайна, если в Лондоне находится человек, который сумел заранее предсказать преступление? Остается только захватить этого человека, и все будет выяснено.

— Несомненно, мистер Мак. Но каким образом вы предполагаете захватить этого Порлока, как он себя называет?

Макдоналд осмотрел с обеих сторон письмо, полученное Холмсом.

— Штемпель поставлен в Кембервиле. Этот факт не может помочь нам. Имя, вы считаете, вымышленное. Тоже, конечно, не слишком благоприятное обстоятельство. Вы говорите, что посылали ему деньги?

— Два раза.

— Куда именно?

— В Кембервилское почтовое отделение чеками одного из банков.

— И вы ни разу не поинтересовались, кто приходил за ними?

— Нет.

Инспектор был явно озадачен.

— Почему же?

— Потому что я всегда исполняю свое слово. После первого же письма я обещал, что не буду разыскивать его.

— Вы думаете, что он только пешка и что за ним стоит какая-то более значительная личность?

— Я не думаю, я знаю это.

— Этот профессор, о котором я слышал от вас?

— Именно.

— Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в Скотленд-Ярде считают, что вы зря имеете зуб на этого профессора. Я собрал кое-какие сведения о нем: у него репутация почтенного ученого и талантливого человека.

— Я рад, что вы признаете его талантливость.

— После того как мне стало известно ваше отношение к нему, я счел необходимым повидать его. Со своим благородным лицом, с седыми волосами и какой-то особенно торжественной манерой держаться у него вид настоящего министра. Когда он при прощании положил мне руку на плечо, это выглядело так, словно отец благословляет сына, отпуская его в жестокий свет.

Холмс усмехнулся.

— Великолепен! — воскликнул он. — Положительно великолепен! Скажите мне, дорогой Макдоналд, эта приятная интимная беседа происходила в кабинете профессора?

— Да.
— Красивая комната, не правда ли?
— Очень красивая.
— Вы сидели у его письменного стола?
— Совершенно верно.
— Так что вы оказались против источника света, а его лицо было в тени?
— Это происходило вечером... Да, свет лампы был направлен в мою сторону.
— Этого следовало ожидать. Обратили вы внимание на картину за спиной профессора на стене?

— Да, конечно, я заметил картину: на ней изображена голова девушки, вполоборота.
— Это картина Жана Батиста Греза, знаменитого французского художника, жившего во второй половине восемнадцатого века.

Инспектор слушал совершенно безучастно.

— Не лучше ли нам... — начал он.

— Мы именно это и делаем, — прервал его Холмс. — Все, о чем я говорю, имеет прямое отношение к тому, что вы называете бирлстоунской тайной. Это можно даже назвать средоточием ее.

Макдоналд слегка улыбнулся.

— Вы мыслите чересчур быстро для меня, мистер Холмс. Вы отбрасываете одно или два звена в своих рассуждениях, а потому я не могу поспеть за вами. Что может быть общего между давно умершим художником и бирлстоунским делом?

— Одна известная картина Греза недавно на аукционе у Порта-лиса была оценена в миллион двести тысяч франков.

Лицо инспектора сразу выразило живейший интерес.

— Я хочу напомнить вам, — продолжал Холмс, — что размеры жалования профессора Мориарти можно узнать крайне легко: он получает семьсот фунтов в год.

— В таком случае как же он мог приобрести...

— Вот именно: как он мог?

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Холмс. Меня это чрезвычайно заинтересовало. Любопытнейшая история!

— А как же насчет Бирлстоуна? — спросил Холмс, улыбаясь.

— У нас еще есть время, — ответил инспектор, взглянув на часы. — У ваших дверей меня ждет кэб, в двадцать минут он доставит нас на вокзал Виктории. Но относительно этой картины... Вы, мистер Холмс, кажется, однажды говорили мне, что никогда не бывали у профессора Мориарти?

— Да, никогда.

— Каким же образом вы знакомы с его квартирой и обстановкой?

— А это другое дело. Я три раза посетил его квартиру без приглашений, два раза под разными предлогами ожидал его и уходил до его возвращения. А третий раз... Ну, об этом визите я не буду распространяться перед официальным представителем сыскной полиции. Скажу только, что в этот раз я позволил себе просмотреть его бумаги. Результаты получились совершенно неожиданные!

— Вы обнаружили что-нибудь компрометирующее?

— Совершенно ничего. Это-то и поразило меня. Впрочем, есть одна вещь, о которой вы теперь знаете, — картина. Следует полагать, что он очень богатый человек. Но как он приобрел свое богатство? Он не женат. Его младший брат служит начальником железнодорожной станции где-то на западе Англии. Кафедра дает ему семьсот фунтов в год. И тем не менее у него имеется подлинный Грез.

— Вы думаете, его богатство создается незаконными путями?

— Конечно. Но я имею и другие основания для подобного вывода: десятки тончайших нитей извилистыми путями ведут к центру паутины, где скрывается это с виду бездеятельное, но ядовитое существо. Я упомянул о Грезе только потому, что вы видели его сами.

— Признаюсь, все рассказанное вами крайне интересно. Но укажите на что-нибудь поопределеннее. В чем его следует обвинять: в подлогах, в изготовлении фальшивых денег, в убийствах? Откуда у него берутся деньги?

— Читали вы когда-либо о Джонатане Уайлде?

— Имя как будто знакомое. Из какого-нибудь романа, не правда ли? Я, признаться, недолюбливаю сыщиков из романов: герои совершают подвиги, но никогда не рассказывается, как именно они их совершают. Чистый вымысел, мало похожий на действительность.

— Джонатан Уайлд — это не сыщик и не герой романа. Это выдающийся преступник, живший в прошлом столетии.

— В таком случае мне до него нет дела. Меня интересует только современная жизнь, я человек практичный.

— Мистер Мак, в жизни решительно все повторяется, даже профессор Мориарти. Джонатан Уайлд был как бы невидимой пружиной, тайной силой лондонских преступников, которым он ссужал за пятнадцать комиссионных процентов с добычи свой ум и организаторский талант. Старое колесо поворачивается, и спицы возвращаются на прежние места. Все, что мы видим, когда-то уже было и снова будет. Я расскажу вам кое-что еще о Мориарти.

— Пожалуйста.

— У меня был случай узнать, кто служит первым звеном в созданной им цепи, на одном конце которой находится человек с направленным в дурную сторону умом, а на другом — сотня жалких мелких жуликов и шулеров. Что касается средней части этой цепи, то ее вы можете заполнить, без боязни ошибиться, едва ли не всеми видами уголовных преступлений. Начальник его штаба, стоящий также поодаль, вне всяких подозрений, столь же недоступен карающей руке закона. Это полковник Себастьян Моран. Как вы думаете, сколько он ему платит?

— Затрудняюсь что-либо сказать.

— Шесть тысяч фунтов в год. Это оценка ума, сделанная, как видите, в духе американских дельцов. Сумма эта превышает оклад премьер-министра. Такая подробность дает вам представление о доходах Мориарти и масштабах, которыми он оперирует. Теперь другой момент. Я счел важным поинтересоваться несколькими последними чеками Мориарти. Самыми обыкновенными и невинными чеками, которыми он оплачивает свои счета по хозяйству. Они оказались выданными на шесть различных банков. Что вы скажете об этом?

— Странно, конечно. А какой вывод делаете вы?

— Тот вывод, что он стремится избежать лишних разговоров о своем богатстве. Ни один человек не должен знать, сколько в действительности у него денег. Наверняка у него не менее двадцати счетов в различных банках. Большая часть из них размещена, надо полагать, за границей, скорее всего в Германском или Лионском банках.

Макдоналд слушал очень внимательно, но шотландская практичность заставила его прервать моего друга.

— Согласитесь, мистер Холмс, вы несколько отвлеклись. Пока нам известно только, что имеется какая-то связь между профессором и преступлением в Бирлстоуне. Такой вывод вы делаете из предупреждения, полученного вами от некоего Порлока. Какие еще предположения можем мы сделать?

— Мы можем высказать несколько догадок о мотивах преступления. Вам следует знать, что Мориарти держит своих подопечных прямо-таки в железных тисках. Введенная им дисциплина ужасна. Единственное наказание в его кодексе — смерть! Это дает основание прежде всего предположить, что убитый Дуглас изменил своему начальнику и понес наказание. Когда о нем станет известно остальным, то страх смерти еще сильнее укрепит дисциплину. Ожидающая Дугласа судьба была известна заранее одному из второстепенных членов шайки, и он сообщил об этом мне.

— Это одно предположение...

— Другое — что это одна из обычных махинаций Мориарти. Был там грабеж?

— Я не слыхал об этом.

— Если был, то это говорит против первой гипотезы и в пользу второй. Мориарти мог быть привлечен к делу обещанием доли в добыче или руководить им за плату наличными. И то и другое одинаково возможно. Но как бы там ни было, ответы на все вопросы мы должны искать в Бирлстоуне.

— В таком случае — едем в Бирлстоун! — согласился Макдоналд и встал со стула. — Черт возьми! Уже поздно, господа, поэтому на сборы у вас всего несколько минут.

Холмс и я встали и начали одеваться.

— Мистер Мак, в дороге вы расскажете нам обо всех известных вам деталях...

Сведения оказались довольно скудными, но все же выяснилось, что ожидавшее нас дело было исключительным. Выслушивая сухие и с виду незначительные подробности, Холмс оживился и время от времени потирал руки, похрустывая тонкими пальцами. Месяцы бездеятельности остались позади, и теперь наконец его замечательным способностям нашлось достойное применение. Холмс совершенно преобразился: глаза его блестели, и все тонкое, нервное лицо как бы озарилось внутренним светом, с напряженным вниманием слушал он краткий рассказ Макдоналда о том, что нас ожидало. Письменное сообщение о происшедшем было получено инспектором с первым утренним поездом. Местный полицейский офицер Уайт Мейсон — его личный друг; этим объясняется, что Макдоналд получил извещение скорее, чем это обычно происходит, когда кого-либо из Скотленд-Ярда вызывают в провинцию.

«Дорогой инспектор Макдоналд, — гласило письмо Мейсона,

— официальное приглашение Вы получите в отдельном конверте. Я пишу Вам частным образом. Телеграфируйте мне, с каким поездом Вы можете приехать в Бирлстоун, и я встречу Вас сам или, если буду занят, поручу кому-нибудь. Случай очень странный. Приезжайте, пожалуйста, не теряя ни минуты. Постарайтесь, если удастся, привезти мистера Холмса, он найдет здесь немало интересного. Можно подумать, что вся картина рассчитана на театральный эффект, если бы в центре ее не лежал убитый человек. Даю Вам слово: чрезвычайно странный случай».

— Ваш приятель, кажется, не глуп, — заметил Холмс.

— Да, сэр, насколько я могу судить, Уайт Мейсон очень деловой человек.

— Хорошо, что еще можете вы сказать?

— Ничего. Подробности он расскажет нам при встрече.

— Как же вы узнали имя Дугласа и то, что он убит зверским образом?

— Об этом говорилось в официальном сообщении. В нем не упоминается слово «зверский». Это — неофициальный термин. Там названо имя Джона Дугласа. Указано, что причина смерти — ранение в голову и что орудие убийства — охотничье двуствольное ружье. Сообщается также и время преступления: вскоре после полуночи. Далее добавлено, что пока никто не арестован. В заключение сказано, что случай незаурядный и что вся обстановка дает возможность делать самые различные предположения. Это решительно все, мистер Холмс, что у нас пока есть.

— В таком случае, мистер Мак, с вашего позволения, мы на этом остановимся. Мне хочется подумать.

3. БИРЛСТОУНСКАЯ ДРАМА

Наконец у меня появилась возможность описать события, разыгравшиеся в Бирлстоуне, находящемся к северу от Лондона. Целые века пребывал этот городок в запущенном состоянии, но за последние годы его живописное месторасположение привлекло зажиточных горожан, виллы которых стоят теперь посреди окрестных лесов. В самом Бирлстоуне появилась масса лавок, обслуживающих возросшее население.

В полумиле от центра Бирлстоуна, в старом парке, украшенном огромными буквами, находится старинная усадьба. Часть этой почтенной постройки относится ко времени первых крестовых походов. Здание сильно пострадало от огня в 1543 году, но кое-что из постройки

уцелело, и вскоре на месте руин феодального замка поднялась кирпичная усадьба: С черепицей на крыше и узкими оконцами, она выглядит и сейчас такой же, какой создали ее в начале семнадцатого века. Из двух рвов, когда-то ограждавших владения воинственных феодалов, один наполнен водой. Поэтому единственный доступ к дому открывает подъемный мост, который поднимается каждую ночь и опускается каждое утро. Таким образом, усадьба еженощно превращается в своеобразный остров. Этот факт имел прямое отношение к тайне, привлекшей вскоре внимание всей Англии.

Проживавшая в доме семья состояла из двух лиц: Джона Дугласа и его жены. Дуглас, судя по рассказам, был человеком около пятидесяти, статным, с мужественным лицом, крупной челюстью, пронизывающими серыми глазами и седыми усами. Он был со всеми приветлив, но что-то в его манерах оставляло впечатление, словно в прошлом ему приходилось вращаться в гораздо более низких кругах. У него было достаточно золота; говорили, что он добыл его на калифорнийских приисках. Хорошее отношение к нему укрепилось и благодаря репутации храбреца. Так, во время пожара Дуглас удивил всех бесстрашием, с каким он бросился в горящий дом спасать имущество викария — уже после того, как пожарная команда сочла это дело невозможным.

Жена его тоже была популярна среди жителей Бирлстоуна, хотя англичане, особенно провинциалы, неохотно сближаются с чужеземцами. Миссис Дуглас вела довольно замкнутый образ жизни. Было известно, что она познакомилась с Дугласом в Лондоне, когда он овдовел. Это была красивая женщина, стройная, смуглая, лет на двадцать моложе своего супруга — разница, которая, казалось, никак не отражалась на их семейном счастье. Лишь самые близкие знакомые замечали, что между супругами не существовало взаимного доверия, по-видимому, после того, как жене стало что-то известно о прошлом мужа. Кроме того, миссис Дуглас явно нервничала, когда ее супруг поздно возвращался домой.

Было еще одно лицо, пребывание под кровлей Дугласов которого совпало с происшедшей трагедией. Это — Сесил Бэркер из Гемстэда. Его плотную фигуру часто можно было видеть в Бирлстоуне, так как он был желанным гостем в усадьбе. Считалось, что он один знал таинственное прошлое мистера Дугласа. Из слов Бэркера узнали, что впервые он познакомился с Дугласом в Америке и пережил вместе с ним трудные времена. Бэркер казался человеком весьма обеспеченным. Он был моложе Дугласа, лет сорока пяти, широкогрудый, с гладко выбритым лицом, с густыми черными бровями. Чаще всего он проводил время в прогулках или же в поездках по окрестностям с Дугласом или его женой. «Добрый, щедрый джентльмен, — отзывался о нем дворецкий Эмс, — но я не хотел бы оказаться на месте человека, вздумавшего ему перечить». Бэркер был в очень близких отношениях с Дугласом и весьма дружен с его женой, что, как было заметно, причиняло огорчение самому Дугласу. Это примерно все, что можно сказать о Бэркере, оказавшемся в семье Дугласов в день катастрофы. Из прислуги следует упомянуть о почтенном Эмсе и миссис Эллен, веселой и приветливой особе, разделявшей с миссис Дуглас заботы по хозяйству.

Было около двенадцати в ночь на шестое января, когда первое известие о происшествии получил местный полицейский пост, находящийся под началом сержанта Уилсона. Страшно взволнованный Бэркер сообщил об убийстве мистера Дугласа и сразу помчался обратно в усадьбу. Вскоре за ним явился полицейский сержант. Он прибыл на место преступления несколько позже двенадцати часов, успев предупредить обо всем местные власти. Сержант увидел подъемный мост опущенным, а окна ярко освещенными. В дверях стоял перепуганный дворецкий. Сесил Бэркер предложил сержанту следовать за ним.

Почти сразу пришел постоянный житель Бирлстоуна доктор Вуд. Трое мужчин вошли в роковую комнату. Мертвый Дуглас лежал расprostертый на спине. Доктор встал на колени, но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в беспечности его визита.

Убитый был до крайности обезображен. На груди лежало странное оружие: охотничье ружье со стволами, спиленными на фут от курков. Было ясно, что выстрел произведен с очень близкого расстояния и поэтому заряд разнес голову почти на куски. Курки были связаны проволокой, по-видимому, для того, чтобы сделать одновременно выстрел из обоих стволов.

Полицейский был растерян от сознания ответственности, которая легла на его плечи.

— Мы ничего не будем трогать до прибытия начальства, — еле слышно произнес он, не спуская глаз с трупа.

— Ничего и не было тронуту, — сказал Сесил Бэркер. — Все осталось в том виде, в каком застал я.

— Когда вы это обнаружили? — спросил сержант, вытащив записную книжку.

— Часы пробили половину двенадцатого. Я еще не раздевался и сидел у камина в своей спальне, как вдруг услышал выстрел. Он был не громким, а как бы чем-то приглушенным. Я тут же бросился вниз. Прошло наверняка не более тридцати секунд, как я был уже в комнате Дугласа.

— Дверь была открыта?

— Да, открыта. Бедняга Дуглас лежал так же, как вы его сейчас видите. На столе горел ночник.

— Вы никого не видели?

— Нет. Я услышал, что миссис Дуглас спускается по лестнице вслед за мной, и поспешил преградить ей дорогу. Экономка Эллен тоже пришла, она и увела ее. Затем появился Эмс, и я вернулся с ним опять сюда.

— Но мне казалось, что мост в усадьбе поднимается на всю ночь?

— Он и в эту ночь был поднят, пока я его не опустил.

— Тогда каким же образом убийца мог скрыться? Мистер Дуглас, вероятно, сам покончил с собой.

— Я тоже сначала так думал. Но посмотрите, — Бэркер отдернул занавеску: окно оказалось раскрытым настежь. — А вот еще! — Он показал на подоконнике кровавое пятно, похожее на след сапога. — Кто-то становился сюда, когда вылезал.

— Вы думаете, что он пробрался через ров?

— Иначе никак нельзя.

— Таким образом, если вы очутились в комнате через полминуты после убийства, то он должен был в это время находиться в воде.

— Я убежден в этом. К сожалению, я не догадался сразу подбежать к окну. Его прикрывала занавеска, и мне не пришло в голову поднять ее. Потом я услышал шаги миссис Дуглас; я не мог допустить, чтобы она вошла сюда и увидела весь этот ужас.

— Но допустим даже, — заметил сержант, — что молодчик удрал через ров. Как он мог попасть в дом, раз мост был поднят?

— На этот вопрос, — сказал Бэркер, — у меня нет ответа.

— В котором часу мост был поднят?

— Около шести часов, — сказал дворецкий.

— А я слышал, — заметил полицейский, — что его обыкновенно поднимают сразу после захода солнца. В это время года, однако, оно заходит ближе к половине пятого, чем к шести.

— У мистера Дугласа были гости к чаю, — объяснил Эмс. — И я не мог поднять мост раньше, чем они ушли.

— Значит, убийца пришел извне и должен был перейти мост до шести часов и сидеть в засаде до тех пор, пока мистер Дуглас после одиннадцати вошел в свою комнату. Потом, убегая через окно, убийца оставил ружье. Я так понимаю... Конечно, следствие все выяснит. — Неожиданно сержант поднял карточку, лежащую около убитого на полу. На ней были нацарапаны инициалы «Д. В.», а под ними — число: триста сорок один. — Это что еще такое?

Бэркер с любопытством взглянул на карточку.

— Я этого раньше не заметил, — сказал он. — Вероятно, убийца обронил ее.

— «Д. В. Триста сорок один». Ничего не понимаю. — Сержант вертел карточку в руках.

— Что значит «Д. В.»? Чьи-нибудь инициалы? Что вы там еще нашли, доктор?

Находкой оказался увесистый молоток, лежавший на ковре перед камином. Бэркер указал рукой на ящичек гвоздей, стоящий на мраморной доске камина.

— Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, — сказал он.
— Я видел, как он стоял вот на этом ауле, стараясь укрепить большую картину.
— Вы лучше положите его обратно на ковер, откуда взяли,
— приказал сержант доктору, почесывая в раздумье голову. — Ого! — взволнованно вскрикнул он, отдергивая занавеску с другой стороны. — В котором часу были спущены занавеси?

— Когда зажгли свет, — ответил дворецкий, — сразу после четырех часов.

— Здесь кто-то выжидал, — сержант показал в углу следы от грязных сапог. — Если исходить из вашей теории, мистер Бэркер, то выходит, что убийца вошел в дом после четырех, когда занавеси были спущены, но до шести, пока мост не был поднят. В комнате не нашлось места, куда можно было бы спрятаться, и он забился под гардины. Это совершенно очевидно.

— Не теряем ли мы драгоценного времени? — спросил Бэркер. — Не лучше ли нам обыскать местность, пока убийца не скрылся?

Сержант раздумывал с минуту.

— Отсюда нет поездов раньше шести утра, так что поездом он уехать не может. Если же он пойдет по дороге, то всякий обратит внимание на его грязные сапоги и приметит его. Впрочем, в любом случае я не могу уйти отсюда, пока меня не сменят.

Доктор внимательно осматривал мертвое тело.

— Что это за знак? — спросил он. — Не имеет ли он какую-либо связь с преступлением? — Правая рука убитого была высвобождена из халата и обнажена до локтя. Выше запястья виднелся странный коричневый знак: треугольник в кружке. — Это не татуировка, — продолжал доктор, глядя поверх очков, — это давно выжженный знак, вроде тех, которым клеймят скот. Что вы думаете на этот счет?

— Знак этот я видел у Дугласа в течение последних десяти лет, — ответил Сесил Бэркер.

— И я тоже, — заявил дворецкий. — Всякий раз, когда хозяину приходилось засучивать рукава, я видел эту странную метку. Я часто удивлялся, что бы она могла значить.

— Значит, знак не имеет ничего общего с убийством, — сказал сержант Уилсон. — Но все же это очень странно... Ну, что еще?

Дворецкий изумленно указывал на руку убитого.

— Он снял его обручальное кольцо!

— Что?

— Да! Мистер Дуглас всегда носил свое обручальное кольцо на мизинце левой руки. Это вот кольцо, сделанное из золотого самородка, было надето всегда выше того, а кольцо змейкой — на третьем пальце. Вот кольцо из самородка, вот змейка, а обручальное кольцо исчезло.

— Дворецкий прав, — подтвердил Бэркер.

— Если мистер Дуглас носил обручальное кольцо под самородком, то убийце пришлось снять сначала его, потом — обручальное кольцо, а затем надеть кольцо из самородка обратно?

— Да, так.

Уилсон сокрушенно покачал головой:

— Чем скорее передадим мы это дело в Лондон, тем для нас будет лучше. Уайт Мейсон — ловкий человек, однако, думаю, все равно придется обратиться в Лондон. Это сложнейшее дело не по нашим силам.

4. ПОТЕМКИ

По срочному вызову сержанта Уилсона в три часа ночи прибыл в легком кэбе начальник сыскной полиции графства. С первым же утренним поездом он послал сообщение в Скотленд-Ярд и в двенадцать приветствовал нас на Бирлстоунской станции. Мистер Уайт Мейсон, спокойный и по виду рассудительный человек, с загорелым лицом, мужественной фигурой и слегка кривыми ногами в гетрах, походил в своем широком сюртуке на мелкого фермера или жокея, но только не на криминалиста.

— Ну, мистер Макдоналд, — обратился он к нему, — здесь каверзный случай. Сюда

газетчики слетятся, как мухи, стоит им только прослышать о происшедшем. Но, надеюсь, мы его закончим раньше, чем они успеют сунуть свои носы. Тут найдется много заманчивого и для вас, мистер Холмс. Как и для вас, доктор Уотсон, поскольку медику тоже найдется работа. Всем вам отведены номера в гостинице Уэствилл.

Через десять минут мы уже расположились в отеле и почти сразу собрались в гостиной, чтобы совместно составить картину в полном объеме. Макдоналд делал заметки в записной книжке. Холмс же молча слушал, и на лице его читалось то изумление, то нескрываемое восхищение.

— Замечательно! — воскликнул он, когда ход событий был нам изложен. — В высшей степени замечательно! Уверяю вас, я не могу припомнить ни одного дела из своей многолетней практики с более интригующими обстоятельствами.

— Я был уверен, что вы это скажете, мистер Холмс, — заметил Мейсон. — Уилсон толково собрал факты. Я проверил их и дополнил своими выводами.

— Какими же? — с живостью осведомился Холмс.

— Во-первых, я осмотрел молоток и не нашел на нем никаких следов. Если бы мистер Дуглас защищался молотком, то он должен был нанести убийце удар, и тогда хоть пятнышко крови на нем осталось бы.

— Это совсем не обязательно, — возразил инспектор Макдоналд. — Встречаются убийства с помощью молотков, и на них не находят никаких следов.

— Допустим. Затем я осмотрел ружье. Оно было заряжено крупной дробью, и, как показал сержант Уилсон, курки были связаны вместе, так что если потянуть за спуск, то оба ствола разрядятся сразу. Надо думать, это было рассчитано на случай промаха. Спиленное ружье имеет длину не более двух футов, так что его можно было пронести под одеждой. На нем нет полного имени фабриканта, только печатные буквы «Пен» на планке между стволами. Остальное оказалось спиленным.

— Большое «П» с украшением под ним, а «е» и «н» поменьше?

— спросил Холмс.

— Точно так.

— «Пенсильванская оружейная компания», очень известная американская фирма, — сказал Холмс.

Мейсон воззрился на моего друга, как деревенский лекарь на специалиста с Гарлей-стрит.

— Несомненно, вы правы, мистер Холмс. Удивительно, неужели вы можете удержать в памяти названия всех оружейных заводов?

Холмс никак не отреагировал на эту реплику.

— Без сомнения, это американское охотничье ружье, — продолжал Мейсон. — Я где-то читал, что спиленными охотничьими ружьями пользуются в некоторых штатах Америки. Эта наводящая на след мысль пришла мне в голову даже до нахождения букв между стволами. Значит, очевидно, что человек, прокраившийся в дом и убивший его хозяина, был американцем.

Макдоналд покачал головой.

— Это совсем не очевидно, — сказал он. — Я до сих пор не уверен, что в доме был кто-либо чужой.

— А как же окно, кровь на подоконнике, странная карточка, следы сапог в углу, ружье?

— Все могло быть подстроено. Дуглас был американцем или долго жил в Америке. Также и Бэркер. Вам совершенно не нужно вводить в дом американца, чтобы приписать ему все эти штуки.

— Эмс, дворецкий...

— На него можно положиться?

— Он десять лет служил у сэра Чарльза Чэндоса и надежен, как скала. Он жил у Дугласа еще до того, как тот снял усадьбу. Так вот, Эмс никогда не видел в доме подобного ружья.

— Ружье старались скрыть, потому и спилили стволы. Его легко можно было уложить в любой чемодан. Как Эмс может быть уверен, что такого ружья не было в доме?

— Все же вряд ли он в таком случае хоть раз бы его не увидел.

Макдоналд снова покачал головой.

— И все-таки я не убежден, что никакого ружья никогда не было в этом доме.

— Поделитесь тогда с нами своими соображениями, мистер Мак, — сказал Холмс тоном третейского судьи.

— Человек этот — не вор. История с кольцом и карточка указывают на предумышленное убийство из личных побуждений. Человек прокрадывался в дом с обдуманном намерением совершить убийство. Он знает, что, удирая, столкнется с трудностями, ибо дом окружен рвом с водой. Какое же оружие выбрать? Конечно, самое бесшумное. Тогда он мог бы надеяться, совершив убийство, ускользнуть в окно и перейти ров. Надеюсь, с таким рассуждением все согласятся. И согласятся с тем, что абсурдно было бы принести с собой самое шумное оружие, какое только существует. Прекрасно зная при этом, что каждый человек в доме прибежит на выстрел со всех ног и обнаружит его прежде, чем он переберется через ров.

— Да, вы основательно продумали свою аргументацию, — задумчиво произнес мой друг. — Необходимы особенно веские доказательства обратного. Скажите, Мейсон, когда вы исследовали внешнюю сторону рва, вы не обнаружили следов, оставленных человеком после прогулки по воде?

— Никаких следов, мистер Холмс. Однако по краю рва тянется каменная облицовка, которую надо бы еще раз хорошенько осмотреть.

— Мистер Мейсон, вы не против того, чтобы мы немедленно отправились на место?

— Я только что хотел предложить это, мистер Холмс, поскольку уже предварительно познакомил вас со всеми фактами.

Мы отправились по живописной сельской дороге, обрамленной с обеих сторон сначала рядами подстриженных вязов, затем — старых дубов. В общем, один из характерных пейзажей сельской Англии. После крутого поворота перед нами возник большой низкий дом из темно-коричневого кирпича со старинным садом из тисовых деревьев. Когда мы подошли поближе, то увидели и деревянный подъемный мост, и широкий ров с водой, блестящей, словно ртуть на холодном зимнем солнце. Три столетия пронеслись над этим домом — годы рождения и смерти, сельских праздников и псовых охот. Странно, и теперь это мрачное здание как бы отбрасывало свою тень на веселые долины.

Холмс подошел к краю рва и заглянул в него. Потом он исследовал каменную облицовку и траву.

— У меня хорошее зрение, мистер Холмс, — заметил Мейсон.

— Тут нет никаких следов того, что кто-нибудь здесь вскарабкался. Впрочем, разве преступник обязательно должен был оставить след?

— Иначе быть не могло... Вода всегда мутная?

— Почти всегда. Поток несет тину;

— Какая глубина?

— Около двух футов по бокам и три посередине.

— Так что убийца не мог утонуть, пересекая ров?

— Даже ребенок в нем не утонул бы.

Мы миновали подъемный мост и были встречены длинным, высохшим, с некоторыми следами былой чопорности человеком. Это и оказался дворецкий Эмс. Бедный старик был бледен и все еще дрожал от нервного потрясения. Бирлстоунский полицейский — рослый меланхоличный человек с солдатской выправкой — стоял на страже у роковой комнаты. Доктор уже ушел.

— Ничего нового, Уилсон? — спросил Мейсон.

— Ничего, сэр.

— Теперь вы можете возвратиться к себе. Мы пошлем за вами, если будет нужно. Скажите дворецкому, чтобы он предупредил мистера Бэркера, миссис Дуглас и экономку, что нам понадобится поговорить с ними. Теперь, господа, — обратился к нам Мейсон, — вы, может быть, разрешите мне поделиться здесь, на месте, некоторыми дополнительными

рассуждениями?

Мне определенно нравился этот провинциальный сыщик. Он обладал здравым смыслом, который, несомненно, поможет ему сделать карьеру. Даже Холмс слушал его внимательно, без нетерпения, так часто проявляемого специалистами по отношению к своим младшим коллегам.

— Произошло ли тут самоубийство или убийство — это первый вопрос, господа, на который нам надо ответить. Если это самоубийство, то мы вынуждены допустить, что самоубийца снял свое обручальное кольцо и спрятал его; что потом он пришел сюда в халате, в сырой обуви, натоптал в углу за гардиной, чтобы показать, что кто-то его подстерегал, потом открыл окно, затем кровью...

— Весь этот вариант мы можем отбросить, — перебил Макдоналд.

— Я тоже так думаю. Самоубийство отпадает. Остается убийство. Тогда следует определить, совершено ли оно забравшимся сюда неизвестным или кем-то, проживающим в доме.

— Хорошо. Приведите ваши соображения.

— Ив том и в другом случае мы сталкиваемся со значительными затруднениями. Но так или иначе, преступление совершено. Предположим, что виновен кто-то из живущих в доме. Он прикончил Дугласа из наиболее шумного оружия, что должно было вызвать во всем доме переполох.

— Несомненно.

— Известно, что после выстрела прошла всего минута, прежде чем не только мистер Бэркер, но и Эмс оказались на месте убийства. Каким же образом за это время преступник успел натоптать в углу, открыть окно, вымазать косяк кровью, стащить обручальное кольцо с пальца убитого и все прочее? Это невозможно.

— Вы очень точно все разъяснили, — сказал Холмс. — Я с вами полностью согласен в этом вопросе.

— Теперь обратимся к версии, что убийца пришел со стороны. Мы неизбежно сталкиваемся в этом случае с большими трудностями, хотя сама версия не может считаться невероятной. Убийца попал в дом между половиной пятого, то есть уже в сумерки, но до того, как подняли мост. В доме гости, дверь открыта, так что ему ничто не мешало. Он мог просто явиться сюда по личному делу к мистеру Дугласу. Так как Дуглас провел большую часть жизни в Америке и ружье оказалось американским, то вполне вероятно, что убийство совершено из мести. Преступник пришел в эту комнату и притаился за гардиной. Здесь он пробыл до одиннадцати часов ночи. Когда мистер Дуглас вошел в комнату, между ними произошел краткий разговор. Если вообще он произошел, так как миссис Дуглас утверждает, что после ухода мужа прошло не более пяти минут, когда она услышала выстрел...

— Свеча-ночник это подтверждает, — сказал Холмс.

— Верно. Взята была новая свеча, и она успела сгореть не больше чем на полдюйма. Он поставил ее на стол, прежде чем произошло нападение, иначе она должна была бы упасть вместе с ним. Это доказывает, что на него напали не сразу после того, как он вошел в комнату. Когда явился мистер Бэркер, свет был зажжен, а свеча потушена. Из этих предположений я постараюсь воспроизвести сцену убийства. Мистер Дуглас входит в комнату, ставит свечу. Показывается человек из-за гардины. Он вооружен ружьем. Требуется обручальное кольцо — Бог знает, зачем, но это, наверное, было так. Мистер Дуглас отдает его. Тогда — или хладнокровно, или борясь — Дуглас хватается за молоток, найденный на ковре. Человек стреляет в него, потом бросает ружье, а также и эту странную карточку «Д. В. 341» и убегает через окно, спускается в ров как раз в тот момент, когда Бэркер обнаружил преступление. Как вы считаете, мистер Холмс?

— Интересно, только не совсем правильно.

— Это было бы чрезвычайно интересным, если бы не было гораздо более нелепым, — вмешался Макдоналд. — Преступник, стоявший за портьерой, кто бы он там ни был, наверняка мог бы сказать вам, что убийство он совершил бы другим образом. В самом деле,

на что он рассчитывал, отрезая сам себе путь к отступлению? На что он рассчитывал, стреляя из охотничьего ружья, когда тишина была для него единственным спасительным шансом? Пожалуйста, мистер Холмс, может быть, вы нам это объясните, если находите теорию мистера Мейсона убедительной?

В течение всего разговора Холмс просидел почти молча, не пропустив ни одного сказанного слова и лишь изредка внимательно поглядывая по сторонам.

— Надо собрать больше фактов, чтобы сделать окончательные выводы, мистер Мак, — сказал он, опускаясь на колени перед трупом. — Можно вызвать дворецкого на минутку?.. Так... Эмс, наверное, вы часто видели этот странный знак на руке мистера Дугласа: выжженный треугольник посередине круга?

— Конечно, сэр.

— Вы никогда не слышали каких-либо объяснений по этому поводу?

— Никогда.

— Это, несомненно, клеймо. Так... Эмс, а вот маленький кусочек пластыря в углу рта мистера Дугласа. Заметили вы его?

— Да, сэр. Бреясь вчера утром, он порезался.

— А случилось ему прежде порезаться при бритье?

— Не так давно, сэр...

— Так, так! Это может быть случайным совпадением, но и проявлением некоторой нервности, свидетельствующей, что он имел основания бояться чего-то. Вы не заметили вчера чего-нибудь необычного в его поведении, Эмс?

— Мне показалось, сэр, что он был немного рассеян и обеспокоен.

— Значит, нападение было не совсем неожиданным. Понемногу мы продвигаемся вперед. Но, быть может, вы хотите продолжить расследование, мистер Мак?

— Нет, мистер Холмс, оно сейчас в лучших руках.

— Хорошо, тогда перейдем к карточке «Д. В. 341»... Она с неровным обрезаем. У вас в доме нет бумаги такого сорта?

— Никак нет, сэр.

Холмс подошел к письменному столу и накапал чернил из каждой чернильницы на пресс-папье.

— Надпись сделана не здесь, тут чернила черные, а на карточке — красные. Да и написано толстым пером, а тут все перья тонкие. Нет, это было написано в другом месте. Вам что-нибудь говорит эта надпись, Эмс?

— Нет, сэр.

— А что вы думаете, мистер Мак?

— Мне пришла мысль о каком-то тайном обществе. Справедливость ее подтверждает знак на руке.

— Я тоже так считаю, — сказал Мейсон.

— Только возьмем за основу эту гипотезу и посмотрим, насколько прояснится наше положение. Член подобного общества пробирается в Дом, дожидается мистера Дугласа, почти полностью разносит ему голову из ружья и скрывается через ров, оставив возле убитого карточку. Для чего? Да для того, чтобы она была впоследствии упомянута в газетах и другие члены общества узнали, что мщение совершено. Вот только почему из всех видов оружия выбрано именно ружье?

— Действительно, странно.

— И куда исчезло обручальное кольцо?

— Тоже непонятно.

— И почему до сих пор никто не арестован? Сейчас уже больше двух часов. Надеюсь, необходимые распоряжения были даны и с самого утра каждый констебль на расстоянии сорок миль разыскивает подозрительных субъектов в промокнутом платье?

— Конечно, мистер Холмс.

— Он мог исчезнуть, только забившись в какую-нибудь нору или сменив одежду.

Холмс подошел к столу и стал изучать с помощью лупы кровавый след на подоконнике.
— Нет сомнений, след сапога. Но какой огромный! Судя по следам в углу, можно предположить, что у него более изящные ноги... А что это под столом?

— Гимнастические гири мистера Дугласа, — сказал Эмс.

— Гимнастическая гиря тут одна. Где же вторая?

— Не знаю, мистер Холмс. Может быть и была всего одна. Я не обращал на это внимания.

— Одна гимнастическая гиря... — повторил Холмс задумчиво.

Но тут раздался сильный стук в дверь. В комнату вошел высокий и загорелый джентльмен. Было нетрудно догадаться, что это — Сесил Бэркер. Его глаза смотрели вопрошающе, когда он переводил их с одного лица на другое.

— Извините, что помешал, — сказал он, — но мне надо сообщить вам новость. Только что нашли велосипед. Кто-то бросил его. Это в ста шагах от входной двери.

Мы пошли за Бэркером и увидели нескольких зевак около велосипеда, вытащенного из кустов, где он был спрятан. Велосипед распространенной марки был весь забрызган грязью, точно после долгого путешествия. В седельной сумке лежали гаечный ключ да масленка, и ничего, что помогло бы опознать владельца.

— Для полиции может пригодиться, — заметил инспектор, — эти вещи занесут в список. Если мы не узнали пока, куда скрылся преступник, то по крайней мере постараемся выяснить, откуда он явился. Но почему молодчик бросил велосипед здесь? И как он без него доберется туда, куда ему нужно? Мистер Холмс, мы, кажется, никогда не доберемся до просвета в этих потемках.

5. СВИДЕТЕЛИ ТРАГЕДИИ

— Осмотрели ли вы в комнате все, что вас интересовало? — спросил Уайт Мейсон, когда мы возвратились обратно.

— Пока все, — ответил инспектор.

Холмс ограничился утвердительным кивком головы.

— Тогда, может быть, хотите выслушать показания жителей дома? Перейдем для этого в столовую. Пожалуйста, Эмс, вы первый расскажете нам все, что вы знаете.

Рассказ дворецкого был прост и произвел впечатление полной искренности. Пять лет назад он поступил на службу к мистеру Дугласу. От него Эмс получил распоряжение поднимать мост каждый вечер, как в старину; хозяин любил старинные обычаи. Он выезжал в Лондон, да и вообще из дому, крайне редко, но за день до убийства побывал в Тенбридже за покупками. В тот день Эмс заметил в мистере Дугласе какое-то беспокойство. Он был нетерпелив и раздражителен, что на него совсем не походило. В роковую ночь дворецкий находился в кладовой и убирал столовое серебро после гостей. Вдруг он услышал резкий звонок. Выстрела не слышал, что вполне объяснимо, поскольку кладовая и кухня находятся в самом конце дома и отделены от парадных комнат множеством плотно затворенных дверей и длинным коридором. Экономка тоже выбежала из своей комнаты, встревоженная звонком. Они вместе направились в переднюю половину дома. Когда они дошли до подножия лестницы, то Эмс увидел спускающуюся вниз миссис Дуглас. Она не выглядела испуганной или взволнованной. Как только она дошла до конца лестницы, к ней подбежал мистер Бэркер. Он остановил миссис Дуглас и стал убеждать ее возвратиться: «Ради Бога, вернитесь в свою комнату! Бедный Джон мертв! Вы ничем не можете ему помочь. Идите к себе!» Миссис Дуглас покорно пошла обратно. Экономка Эллен помогла ей взойти по лестнице и прошла с хозяйкой в ее спальню. Эмс и мистер Бэркер направились в комнату убитого, где нашли все так, как обнаружила полиция. Они выглянули в окно, однако ночь была темная и ничего не было видно. После этого Эмс бросился опускать мост, чтобы мистер Бэркер смог отправиться за полицией.

Рассказ экономки Эллен в общем подтвердил слова Эмса и ничего к ним не прибавил.

Затем в качестве свидетеля был допрошен мистер Бэркер. Он убежден, что убийца скрылся через окно, о чем свидетельствовал кровавый след. Мистер Бэркер выдвинул свою версию причины убийства. Дуглас отличался скрытностью, и в книге его жизни были страницы, о которых он никогда никому не рассказывал. Впервые Бэркер встретился с ним в Калифорнии, где они стали компаньонами по разработке богатой рудничной жилы в местечке Бенитоканьон. Они было там окончательно обосновались, но Дуглас вдруг ликвидировал свои дела и неожиданно уехал в Англию. Спустя некоторое время Бэркер продал свою долю и поселился в Лондоне. Там они возобновили свою дружбу. Дуглас производил впечатление человека, над головой которого постоянно висела какая-то опасность. Это Бэркер заключил и из его внезапного отъезда из Калифорнии, и из того, что он снял дом в одном из самых тихих уголков Англии. Бэркер считал, что какая-то тайная организация следила за Дугласом. Таинственная карточка наверняка имела отношение к ней.

— Как долго вы жили с Дугласом в Калифорнии? — спросил Макдоналд.

— Все пять лет.

— Он был холост?

— Вдовец.

— Вы не слышали, откуда родом его первая жена?

— Он говорил, что она была шведкой и умерла от тифа за год до нашего знакомства.

— Вы не можете связать его прошлое с какой-нибудь конкретной местностью в Америке?

— Иногда он рассказывал мне о Чикаго, который знал хорошо. Он много путешествовал в свое время.

— Он не занимался политикой?

— Нет, политикой он не интересовался совершенно.

— У вас нет оснований думать, что он был преступником?

— Я не встречал человека честнее его.

— Не замечали вы в нем чего-нибудь странного, когда жили вместе в Калифорнии?

— Он избегал людных мест. Вот почему я еще тогда подумал, что он кого-то опасается.

После его внезапного отъезда в Европу я утвердился в этой мысли. Наверное, он получил тогда какое-то предостережение. Через неделю после его отъезда о нем справлялись шестеро парней.

— Как они выглядели?

— Грубые на вид.

— Были эти люди калифорнийцами?

— Не думаю, но, несомненно, они были американцами. На шахтеров не походили. Словом, не знаю, кто они были.

— Это произошло шесть лет назад?

— Да.

— А до этого вы с Дугласом прожили в Калифорнии пять лет. Так что неизвестная нам история произошла не менее одиннадцати лет назад?

— Видимо, так.

— Это, должно быть, исключительно сильная вражда, раз она длилась до сих пор и завершилась таким печальным финалом.

— Я думаю, это было какое-то мрачное дело и оно бросало тень на всю его жизнь. Воспоминание о нем никогда не выходило из его головы.

— Но если человек знает, что над его головой висит смертельная опасность, то почему он не обратился за защитой к полиции?

— Вероятно, от этой опасности никто не мог его защитить. Не случайно он всюду ходил вооруженным. Но в эту ночь он был уже в халате. Раз мост был поднят, он считал себя в безопасности.

— Я хотел бы поточнее разобраться в сроках, — сказал Макдоналд. — Шесть лет назад Дуглас оставил Калифорнию. Вы последовали за ним в следующем году?

— Да, в следующем же году.

— Если он был женат пять лет, то, значит, вы возвратились в Англию к самой свадьбе?

— За месяц перед венчанием. Я был его шафером.

— Знали ли вы миссис Дуглас до свадьбы?

— Нет, ведь меня не было в Англии.

— Но после этого вы часто ее видели?

— Я часто видел Дугласа после этого, — ответил Бэркер, холодно взглянув на сыщика. — Если же встречался с ней, то только потому, что невозможно посещать друга и не быть даже знакомым с его женой. Если вы предполагаете, что...

— Я ничего не предполагаю, мистер Бэркер. Я задаю те вопросы, какие нужны для разъяснения дела. Мистер Дуглас одобрял вашу дружбу с его женой?

Бэркер слегка побледнел.

— Вы не должны задавать подобные вопросы! — крикнул он.

— Какое отношение имеет это к делу, которое вы расследуете?

— Я должен повторить свой вопрос.

— Тогда я отказываюсь отвечать.

— Вы вправе отказаться, но ваш отказ уже является ответом.

Бэркер помолчал минуту. В его черных глазах читалось сильное напряжение мысли. Неожиданно он улыбнулся.

— В конце концов, джентльмены, вы действительно только исполняете свою обязанность, и я не могу препятствовать вам. Прошу только не мучить миссис Дуглас всеми этими расспросами. Ей и так пришлось много пережить. Я должен признать, что бедный Дуглас имел единственный недостаток, а именно — ревность. Он любил меня и обожал свою жену. Он хотел, чтобы я приходил сюда, и даже часто посылал за мной. Но, когда видел, что его жена дружески болтала со мной, он нередко терял самообладание и мог наговорить оскорбительные вещи. И тем не менее никто в мире не имел более любящей, верной жены и более преданного друга, чем я.

— Вам ведь известно, что обручальное кольцо убитого снято с его пальца?

— Вроде бы да.

— Что вы хотите сказать этим «вроде бы»? Это же несомненный факт.

Бэркер впервые выглядел растерянным и смущенным.

— Когда я сказал «вроде бы», то хотел подчеркнуть как раз его недостоверность. Ведь не исключено, что Дуглас сам снял кольцо.

— Тем не менее исчезновение кольца указывает на то, что между браком Дугласа и преступлением имеется определенная связь.

Бэркер пожал плечами.

— Не вижу никакой связи, — ответил он. — Но если вы намекаете, что это бросает тень на репутацию миссис Дуглас, то... — Глаза его гневно блеснули, но он усилием воли сдержал себя. — То вы на ложном пути.

— У меня больше нет вопросов, — холодно сказал Макдоналд.

— А у меня один есть, — заметил Шерлок Холмс. — Когда вы вошли в комнату, там горела только свеча на столе, верно?

— Да.

— И при ее свете вы увидели все, что произошло в комнате?

— В основном да.

— Вы тотчас же позвонили?

— Да.

— И Эмс пришел очень скоро?

— Через минуту или около того.

— И когда он прибежал, то увидел, что свеча потушена и зажжен свет. Это очень удивительно.

Бэркер опять проявил признаки смущения.

— Я не вижу в этом ничего удивительного, мистер Холмс, — ответил он после

некоторого молчания. — Свеча ведь дает недостаточно света.

Холмс больше вопросов не задавал, и Бэркер, недоверчиво взглянув на каждого из нас, повернулся и ушел.

Инспектор Макдоналд послал с Эмсом записку миссис Дуглас, в которой сообщил, что готов подняться в ее комнату. Она ответила, что спустится к нам сама. Вскоре в столовую вошла стройная и красивая женщина лет тридцати, сдержанная и хорошо владеющая собой. Ее вопрошающий взгляд переходил с одного из нас на другого.

— Вы что-нибудь открыли? — спросила она.

В ее голосе звучал скорее страх, чем надежда.

— Мы делаем все от нас зависящее, миссис Дуглас, — ответил инспектор.

— Не стесняйтесь в расходах, — заявила она холодно.

— Мы слышали от Сесила Бэркера, что вы не были в той комнате, где совершилось преступление?

— Нет, он удержал меня на лестнице и попросил вернуться к себе.

— Вы услышали выстрел и спустились вниз?

— Я накинула капот и пошла вниз.

— Через какое время после выстрела вы встретили на лестнице мистера Бэркера?

— Очень скоро. Трудно считать время в такой момент. Он умолял меня не входить туда и уверял, что я ничем не могу помочь мужу. Тогда миссис Эллен, наша экономка, проводила меня обратно вверх.

— Не можете ли вы уточнить, сколько времени ваш супруг уже находился внизу, когда вы услышали выстрел?

— Нет, не могу. Я не слышала его шагов. У него была привычка каждую ночь обходить дом.

— Из-за этой его привычки я и побеспокоил вас, миссис Дуглас. Вы впервые познакомились с вашим супругом в Англии?

— Да.

— Мистер Дуглас никогда не рассказывал вам о событии, которое произошло в Америке и навлекло на него опасность?

Миссис Дуглас серьезно задумалась, прежде чем ответить.

— Нет, не рассказывал, — ответила она наконец. — Но я всегда чувствовала, что над ним висит какая-то опасность. Он не желал разговаривать на эту тему, причем не из-за отсутствия доверия ко мне, а из-за стремления оградить меня от огорчений.

— Как вы тогда догадались о грозящей ему опасности?

На лице миссис Дуглас появилась улыбка.

— Разве может муж скрывать что-нибудь всю жизнь, чтобы любящая его женщина ничего не заподозрила? Я догадывалась об этом по многим признакам, но самое главное — по его манере общения с незнакомыми людьми. Я поняла, что у него есть сильные враги и что он считает, будто они напали на его след. Он всегда держался настороже, и я нервничала, если он возвращался домой позже обычного.

— Какие слова мужа особенно удивили вас и остались в вашей памяти? — спросил Холмс.

— Долина ужаса. Таково было выражение, которое он употребил, отвечая как-то на мои расспросы о его прошлом. «Я был в Долине ужаса. Я еще и теперь не совсем из нее вышел».

— Вы спросили его, что он подразумевал под Долиной ужаса?

— Да, но он только мрачно покачал головой. «Достаточно скверно уже то, что я побывал там. Дай Бог, чтобы ее ужас никогда не коснулся тебя». Это наверняка была какая-то действительно существующая долина, в которой ему пришлось жить и в которой с ним произошло что-то страшное. В этом я уверена. Больше ничего не могу добавить.

— И он не называл никаких имен?

— Нет. Но однажды после несчастного случая на охоте, года три назад, у него начался лихорадочный бред. Тогда он беспрестанно повторял с гневом имя некоего мастера Макгинти,

«властителя души и тела». Когда он выздоровел, я спросила его, кто такой мастер Макгинти и чьих душ и тел он властитель. «Слава Богу, не моих!» — ответил он смеясь. Я думаю, что существует связь между Макгинти и Долиной ужаса.

— Еще один вопрос, — сказал инспектор Макдоналд. — Вы встретились с мистером Дугласом в Лондоне, и там он сделал вам предложение. Не предшествовал ли этому какой-нибудь роман? Было ли что-нибудь таинственное в вашем обручении?

— Роман был. У всех всегда бывают романы. Но не помню ничего таинственного.

— У него не было соперника?

— Нет, я была свободной.

— Вы знаете, что его обручальное кольцо оказалось снятым. Не удивляет ли вас это? Возможно, какой-нибудь старинный враг действительно выследил вашего мужа, но ради чего он снял свое обручальное кольцо?

Я готов был поклясться, что легкая улыбка промелькнула на ее губах.

— Не могу сказать.

— Хорошо. Больше мы вас не задерживаем. Примите наши извинения за беспокойство, — поклонился ей, вставая, инспектор. — Осталось еще немало невыясненных моментов, но мы обратимся к ним позже.

Она поднялась со стула, и я опять заметил быстрый вопрошающий взгляд, которым она нас окинула. Женщина словно спрашивала: «Какое впечатление произвели на вас мои показания?» Потом она удалилась.

— Красивая женщина, — задумчиво произнес Макдоналд, когда дверь за ней закрылась. — Бэркер, я думаю, принимал деятельное участие в происшедшем здесь. Он признал, что покойный был ревнив, и наверняка он более любого другого знал причины его ревности. А история с обручальным кольцом? Ее нельзя недооценивать. Человек, стаскивающий с мертвеца обручальное кольцо... Что вы скажете, мистер Холмс?

Мой друг сидел, опустив голову на руки, погруженный в раздумье. Потом он встал и позвонил.

— Эмс, — сказал он, когда вошел дворецкий, — где теперь находится мистер Бэркер?

— Пойду поищу его, сэр.

Через минуту он вернулся и сказал, что мистер Бэркер в саду.

— Вы не припомните, Эмс, что было на ногах у мистера Бэркера в последнюю ночь

— Он был в ночных туфлях. Я принес ему сапоги, когда он пошел в полицию.

— Хорошо, Эмс. Для нас важно знать, какие следы оставлены мистером Бэркером, а какие — преступником.

— Должен заметить, что его туфли испачканы кровью. Так же, как и мои собственные, конечно.

— Это вполне естественно, кровь в комнате была всюду. Все же, Эмс, принесите, пожалуйста, сюда туфли.

Эмс отправился за ними и вскоре возвратился с туфлями в руках. Подошвы их были черны от запекшейся крови.

— Странно! — пробормотал Холмс, стоя у окна и рассматривая туфли. — Очень странно!

Потом быстрым резким движением он поставил одну из туфель на кровавый след, оставшийся на подоконнике. След вполне соответствовал туфле. Он молча улыбнулся своим коллегам.

Инспектор изменился в лице. В его речи отчетливо зазвучал шотландский акцент, как всегда в минуты волнения.

— Господа, — вскричал он, — тут не приходится сомневаться! Бэркер сам указал на окно. Пятно намного больше следа сапога. Но что все это значит, мистер Холмс, что это значит?

— Да, любопытно... — пробормотал мой друг.

Уайт Мейсон хихикнул.

— Я же говорил, тут необыкновенный случай! — воскликнул он. — Замечательный случай!

6. ПРОБЛЕСКИ СВЕТА

Три детектива остались в усадьбе, чтобы подробнее разобраться в результатах следствия, а я отправился один в нашу скромную гостиницу. Но прежде мне вздумалось погулять в старинном саду, окружающем усадьбу, между рядами старых подстриженных тисов. В глубине сада находился небольшой красивый луг с солнечными часами посередине. Все это создавало мирную и успокаивающую атмосферу, столь желанную для моих натянутых нервов. В этой спокойной обстановке как-то забывалась мрачная комната с окровавленным телом на полу, а если и вспоминалась, то как фантастический кошмар. Но когда я бродил по саду, стараясь здесь отдохнуть душой, произошел инцидент, сразу вернувший мои мысли к преступлению.

Я уже сказал, что дом окружали ряды тисовых деревьев. В самом дальнем от дома ряду они сильно сгущались. Позади них стояла скрытая от взглядов человека, идущего от дома, каменная скамейка. Приблизившись, я услышал голоса: какую-то фразу, произнесенную мужским голосом, и тихий смех женщины как бы в ответ на нее. Спустя минуту я увидел миссис Дуглас и Бэркера, причем увидел раньше, чем они заметили мое присутствие. Выражение ее лица меня поразило. На следствии она казалась серьезной и грустной, теперь же все следы горя на ее лице исчезли, глаза даже светились радостью. Через мгновение, увидев меня — они опоздали лишь на мгновение, — оба надели торжественно-сумрачные маски. Произнеся быстро и тихо два-три слова, Бэркер встал и пошел мне навстречу.

— Извините, сэр, — сказал он, — я имею честь обращаться к доктору Уотсону?

Я поклонился с холодностью.

— Мы так и думали, что это должны быть вы. Ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Не подойдете ли вы на минуту, чтобы поговорить с миссис Дуглас?

Я последовал за ним с угрюмым лицом. Я отчетливо представил себе размозженную голову покойного. А тут, в его саду, спустя несколько часов после преступления жена и лучший друг весело смеются над чем-то. Я сдержанно поклонился миссис Дуглас. Я переживал с нею ее горе на следствии. Теперь ее вопрошающий взгляд не вызывал во мне никакого отклика.

— Я боюсь, что вы сочли меня бессердечной, — сказала она мне.

— Меня это не касается, — ответил я, пожав плечами.

— После, быть может, вы воздадите мне должное. Если бы вы только выполнили...

— Совершенно не нужно, чтобы доктор Уотсон что-то выполнял, — поспешно перебил ее Бэркер. — Как он сам сказал, это его не касается.

— Совершенно верно, и я прошу разрешения продолжить мою прогулку.

— Одну минутку, доктор Уотсон! — воскликнула миссис Дуглас умоляющим голосом. — Я вам задам всего один вопрос, на который вы можете ответить с большей точностью, чем кто бы то ни было еще. То, что я хочу спросить вас, для меня очень важно. Вы знаете мистера Холмса и его взаимоотношения с полицией лучше других. Предположим, что разгадка дела будет ему конфиденциально сообщена. Должен ли он непременно поделиться ею с официальными властями?

— Да, именно так, — резким тоном произнес Бэркер. — Самостоятелен ли он в своих поступках или работает с ними и на них?

— Я, право, не знаю, могу ли я обсуждать такой деликатный вопрос...

— Я умоляю вас об этом, доктор Уотсон. Уверю вас, что вы очень поможете... очень мне поможете, если разъясните этот вопрос.

В голосе ее звучала такая искренность, что на мгновение я позабыл про все ее поведение.

— Мистер Холмс не зависит ни от кого. Он полностью самостоятелен и будет действовать, как ему подсказывает его совесть. Конечно, он лоялен в отношении своих

официальных помощников, и, думаю, это может помешать ему скрыть от них важные сведения. Вообще советую вам обратиться непосредственно к самому мистеру Холмсу, если хотите получить более точные сведения.

Сказав это, я приподнял шляпу и пошел своей дорогой. Лишь однажды я оглянулся и увидел их сидящими на том же месте и горячо спорившими.

— Мне не нужна их откровенность, — сказал Холмс, когда я сообщил ему о разговоре с Бэркером и миссис Дуглас. Холмс провел много времени в усадьбе, вернулся в гостиницу около пяти часов и с аппетитом принялся за обед, который я велел для него приготовить. — Без откровенностей, Уотсон, ибо они будут неуместны, если дело дойдет до ареста их за сообщничество в убийстве.

— Вы думаете, дело идет к этому?

Он был в добродушном и приподнятом настроении.

— Милый Уотсон, когда я покончу с едой, то буду в состоянии ознакомить вас с положением вещей. Я не скажу, что мы во всем уже разобрались, но когда нападём на след пропавшей гимнастической гири...

— Гимнастической гири?

— Бог мой, Уотсон, да неужели вы еще не поняли, что все упирается в пропавшую гирю? Впрочем, думаю, что ни инспектор Мак, ни этот местный сыщик не придали никакого значения ее поразительному исчезновению. Одна гиря, Уотсон! Представьте себе гимнаста с одной гирей! Ведь это грозило бы искривлением позвоночника.

Холмс сидел, усердно поглощая обед, а глаза его лукаво поблескивали, следя за моим смущением. Его превосходный аппетит служил гарантией успеха — в моей памяти сохранились воспоминания о многих днях и ночах, проведенных Холмсом без пищи, когда его смущенный ум разбирался в загадках и занят был напряженной работой. Наконец он закурил трубку и начал не спеша говорить, как бы размышляя вслух.

— Ложь, Уотсон, наглая, преступная ложь — вот что пришлось взять за исходный пункт. Вся история, рассказанная Бэркером, — ложь. Поскольку же рассказ Бэркера подтвердила миссис Дуглас, то, значит, она лгала тоже. Оба лгали, предварительно сговорившись. Поэтому возникла задача выяснить: почему они лгут? Постараемся, Уотсон, восстановить истину. Согласно их показаниям, убийца менее чем через минуту после совершенного убийства снял с пальца жертвы кольцо, находившееся под другим кольцом, надел последнее на прежнее место — что он наверняка никогда не сделал бы, — и положил рядом с трупом ту странную карточку. Все это совершенно невероятно. Не выдерживает критики и версия, будто кольцо могли снять, прежде чем Дуглас был убит. Тот факт, что ночник сгорел очень мало, доказывает, что встреча происходила недолго. Неужели Дуглас, о бесстрашном характере которого мы столько слышали, отдал свое обручальное кольцо добровольно? Чепуха! Нет, Уотсон, убийца был с Дугласом некоторое время наедине с зажженным светом. В этом я совершенно не сомневаюсь. Причиной смерти был, по-видимому, ружейный выстрел. Значит, он должен был произойти немного раньше, чем нам рассказали. Сомнений в этом быть не может. Так что налицо обдуманый заговор со стороны двух людей, слышавших выстрел, — Бэркера и миссис Дуглас. Когда же я убедился, что кровавое пятно на подоконнике было намеренно сделано Бэркером, чтобы навести полицию на ложный след, то пришлось признать наличие против него веских улик.

Холмс немного помолчал.

— Теперь спросим себя, в котором часу произошло убийство. До половины одиннадцатого слуги еще не расходились, так что до того оно произойти не могло. Без четверти одиннадцать они разошлись по своим комнатам; впрочем, Эмс сначала пошел в кладовую. После того как вы от нас ушли сегодня днем, я произвел несколько экспериментов и убедился, что никакой шум, произведенный Макдоналдом в комнате, не может проникнуть в кладовую, когда все двери закрыты. А вот со спальней экономки Эллен дело обстоит иначе. Она находится недалеко по коридору, и из нее я слышал неопределенный звук голоса, если его сильно повысить. Шум ружья заглушается, если стреляют в упор, как это и было в данном

случае. Выстрел был негромким, но в ночной тишине звук его свободно мог донестись до миссис Эллен. Она, как мы знаем, немного глуховата, но тем не менее слышала что-то, похожее на шум захлопывающейся двери, за полчаса до того, как подняли тревогу. Полчаса до тревоги — это как раз и выходит без четверти одиннадцать. Не сомневаюсь: то, что она слышала, и было ружейным выстрелом; именно в тот момент произошло убийство. Если это так, то мы должны теперь установить, что делали мистер Бэркер и миссис Дуглас (предположив, что не они являются активными убийцами) от без четверти одиннадцать, когда шум от выстрела заставил их сойти вниз, до четверти двенадцатого, когда они позвонили и собрали слуг. Что они делали и почему не подняли тревогу немедленно? Вот вопрос, который возник перед нами, и, ответив да него, мы найдем путь к разрешению задачи.

— Я убежден, — сказал я, — что эти двое людей о чем-то сговорились. Бессердечное она существо, если может смеяться с кем бы то ни было спустя несколько часов после ужасной гибели мужа.

— Совершенно верно. Даже ее собственный рассказ о происшедшем произвел невыгодное впечатление. Я не восторженный поклонник женского пола, как вы знаете, но мне еще не приходилось встречать женщин, которые позволили бы увести себя от трупа мужа по первому слову постороннего мужчины. Самый поверхностный наблюдатель удивился бы, обнаружив такое полное бессердечие. Не будь тут даже других улик, один этот инцидент способен вызвать подозрение в сообщничестве.

— Итак, вы пришли к выводу, что Бэркер и миссис Дуглас виновны в убийстве?

— Какая прямолинейность, Уотсон! Если вы предположите, что миссис Дуглас и Бэркер знают истину об убийстве и скрывают ее, тогда я смогу дать вам положительный ответ. Но ваше более суровое суждение не столь обосновано. Давайте разберемся в затруднениях, стоящих на нашем пути. Предположим, что эта пара связана узами преступной любви. Это только предположение, ибо негласный опрос слуг и других лиц не подтверждает этого. Наоборот, многие показали, что Дугласы были очень привязаны друг к другу.

— Ну, это еще как сказать, — возразил я, вспомнив встречу в саду и улыбающееся лицо молодой женщины.

— Во всяком случае, они производили такое впечатление. Как бы то ни было, миссис Дуглас и Бэркер — весьма хитрая парочка, сумевшая обмануть всех и замыслившая убить Дугласа, человека, над головой которого нависла опасность.

— Об этом мы знаем только с их слов.

Холмс задумчиво посмотрел на меня.

— Вижу, Уотсон, вы придумали версию, из которой следует, что все, что они сказали, — ложь с начала до конца. А это значит, что не существует ни угроз, ни тайного общества, ни Долины ужаса, ни мастера Мак... забыл, как дальше. Это широкое обобщение. Посмотрим, к чему оно нас приведет. Они изобрели Долину ужаса. Потом поставили велосипед в парке как доказательство присутствия кого-то извне. Пятно на подоконнике подтверждает эту мысль так же, как и карточка у трупа, заготовленная кем-то в доме. Все это работает на вашу гипотезу, Уотсон. Но обратимся к тем странным фактам, которые никак не находят себе места в ваших построениях. Почему из всех возможных видов огнестрельного оружия была выбрана спиленная двустволка, вдобавок американская? Как могли они быть уверены, что шум ее выстрела никого не привлечет? Ведь слепое счастье, что миссис Эллен не поинтересовалась причиной захлопнувшейся двери. Почему преступная парочка поступила именно таким образом, Уотсон?

— Признаюсь, не могу объяснить это.

— Пойдем дальше. Если женщина и ее любовник сговорились совершить преступление, зачем им было его афишировать, сняв обручальное кольцо с убитого? Кажется ли вам все это вероятным, Уотсон?

— Нет, не кажется.

— И опять-таки, если мысль оставить велосипед, спрятанный снаружи, пришла бы вам в голову, то вы тотчас же, вероятно, отказались бы от такой уловки, поскольку велосипед —

самая нужная в данном случае вещь для человека, принужденного спастись бегством.

— У меня нет никаких объяснений.

— Вы не правы. Не может существовать такой комбинации случайных и неслучайных событий, для которых человеческий ум не мог бы найти объяснения. Я постараюсь указать другой возможный ход умозаключений, не утверждая, однако, их абсолютную справедливость. Предположим, что в жизни Дугласа была какая-то позорная тайна. Тайна вызывает появление, предположим, мстителя, кого-то постороннего, не из домашних. Мститель по какой-то причине снимает с пальца убитого его обручальное кольцо. Мщение может относиться ко времени первого брака Дугласа, и кольцо было снято по одной из причин, относящихся к тому браку. Прежде чем убийца ушел, в кабинет вбежали Бэркер и миссис Дуглас. Убийца убедил их, что попытка арестовать его повлечет за собой огласку какого-то позорного происшествия. Они согласились его отпустить. Преступник по какой-то причине рассудил, что ему безопаснее скрыться пешком, чем на велосипеде. Поэтому он оставил его там, где его вряд ли могли найти, пока он не скроется. Пока мы еще не выходим из границ возможного. Как вы считаете, Уотсон?

— Согласен в этом пункте с вами, — ответил я сдержанно.

— Тогда продолжим наш построенный на предположениях рассказ. После ухода убийцы Бэркер и миссис Дуглас соображают, что поставили себя в положение, в котором будет трудно доказать, что они не только не совершили убийства, но и не причастны к нему. Они быстро, хотя и неудачно обдумывают положение. Пятно на коннике было сделано окровавленной туфлей Бэркера, чтобы показать, каким образом преступник скрылся. Ясно, что они оба должны были слышать выстрел, поэтому-то и подняли тревогу, но на добрых полчаса позже, чем уверяли нас.

— А как вы намерены все это доказать?

— Ну, если бы действительно был кто-то со стороны, то его можно бы выследить и схватить. Это было бы наиболее убедительным из всех доказательств. Но раз его нет... Впрочем, ресурсы моих способностей еще далеко не исчерпаны. Я думаю, что вечер, проверенный в той комнате, очень мне поможет.

— Вечер... там... одному?

— Я намерен сегодня же туда отправиться. Я сговорился уже с Эмсом, который, как мне кажется, отнюдь не поклонник Бэркера. Я посижу в комнате и посмотрю, не вдохновит ли меня ее атмосфера. Я верю во вдохновение. Вы улыбаетесь, Уотсон. Хорошо, проживем — увидим. Между прочим, вы привезли с собой ваш большой зонтик?

— Да, привез.

— Я одолжил бы его у вас, если можно.

— Конечно... Но что за странное оружие вы выбираете? А если там встретится опасность?

— Никакой серьезной опасности, дорогой Уотсон, иначе я попросил бы вас меня сопровождать. Итак, я беру зонтик. Но все же дождусь возвращения наших коллег из Тенбриджа, где они, вероятно, заняты розысками владельца велосипеда.

Спустилась ночь, прежде чем инспектор Макдоналд и Уайт Мейсон вернулись из своей экспедиции. И вернулись явно торжествующие.

— Господа, признаюсь, я сомневался, был ли тут вообще кто-либо из посторонних, — сказал Макдоналд. — Но это подтверждается. Мы узнали, кто владелец велосипеда. Более того, есть его описание.

— Поздравляю вас обоих от всего сердца, — сказал Холмс.

— Я исходил в своих поисках из того факта, что мистер Дуглас показался всем встревоженным после того, как побывал в Тенбридже. Следовательно, человека с велосипедом можно было ожидать именно из Тенбриджа. Мы захватили велосипед с собой и показывали его в гостиницах. Управляющий «Коммерческой гостиницы» признал этот велосипед принадлежащим человеку по имени Харгрейв, который занимал у них комнату два дня тому назад. Весь его багаж заключался в этом велосипеде и чемодане. Он записался приездом из

Лондона, но адреса не оставил. Чемодан был лондонского производства, но сам приезжий был, несомненно, американцем.

— Отлично, — весело сказал Холмс. — Вы там основательно поработали, пока я сидел здесь с моим другом и развивал теории. Урок практики, мистер Мак.

— Да, в самом деле так, мистер Холмс, — самодовольно сказал инспектор.

— Но эти факты могут подойти и к нашим теориям, — заметил я.

— Может, да, а может, и нет. Продолжайте дальше, мистер Мак. Вы не обнаружили ничего, по чему можно было бы узнать этого человека?

— Этот человек всячески старался быть незаметным. И при нем не было ни бумаг, ни писем, даже на одежде отсутствовали отметки фирмы. Лишь на столе в его номере лежала карта шоссе дорог графства. Вчера утром после завтрака он уехал из отеля на велосипеде.

— Одно меня смущает, мистер Холмс, — сказал Уайт Мейсон.

— Если молодчик не желал вызывать подозрений, то он вернулся бы и остался в отеле как обыкновенный турист. Он должен был сообразить, что управляющий отелем при необходимости скажет о нем полиции, а если он исчезнет, это поставят в связь с убийством.

— Да, думается, так. Но не будем судить о его сообразительности, пока его не поймали. А как он выглядит?

Макдоналд заглянул в свою записную книжку.

— Мы записали все, что нам рассказали о его внешности. Показания швейцара, портье и горничной в общем согласуются. Это был человек ростом около пяти футов и девяти дюймов, лет пятидесяти или около того, волосы на голове с проседью, усы тоже. Крючковатый нос, лицо, как говорят все, жестокое и даже отталкивающее.

— Ну, если не считать выражения лица, описание подходит и к самому Дугласу, — сказал Холмс. — Ему как раз за пятьдесят, у него седящие усы и волосы, он приблизительно такого же роста. Что вы еще узнали?

— Он был в сером пиджаке, клетчатом жилете, желтом пальто и мягкой кепке.

— А что насчет двустволки?

— Она могла свободно уместиться в его чемодане. Ее легко было пронести и под пальто.

— Вы считаете, что он имеет прямое отношение к нашему делу?

— Когда мы поймем этого человека, тогда нам будет легче судить обо всем. Но пока у нас уйма работы. Мы знаем, что американец, называющий себя Харгрейвом, приехал в Тенбридж два дня назад с велосипедом и чемоданом. В последнем находилась спиленная двустволка, следовательно, он приехал ради убийства. Вчера утром он отправился на место убийства на велосипеде с ружьем, спрятым под пальто. Насколько нам известно, никто не видел его приезда, ему не надо было проезжать через Бирлстоун, чтобы достичь ворот парка, к тому же на шоссе встречается много велосипедистов. Вероятно, он сразу спрятал свой велосипед между лавровыми кустами, а возможно, и сам притаился там же, следя за домом и ожидая, когда выйдет Дуглас. Двустволка — странное оружие для стрельбы внутри дома, но ведь он намеревался использовать ее вне дома, и, кроме того, она имеет очевидные преимущества: стреляя из нее, трудно промахнуться, а звук выстрелов настолько обычен в Англии среди соседей-спортсменов, что не привлеч бы ничьего внимания.

— Все звучит убедительно! — одобрил Холмс.

— Но мистер Дуглас не появлялся. Что ему было делать? Он оставил велосипед и в сумерках приблизился к дому. Мост оказался опущен, вокруг — никого. Убийца попытал счастья, приготовив какое-нибудь объяснение на случай, если встретится не с Дугласом. Но он никого не встретил. Проскользнув в комнату, он притаился за гардиной. Оттуда он мог видеть, как поднимали мост, и понял, что единственный путь, который ему остается, — перейти ров. Он ждал до четверти двенадцатого, когда мистер Дуглас вошел в комнату. Он застрелил его и убежал. Решив, что велосипед опознают служащие отеля и он послужит уликой, убийца бросил его и отправился пешком — в Лондон или в какое-нибудь иное безопасное место. Как вы находите это объяснение, мистер Холмс?

— Хорошо, мистер Мак, очень хорошо и весьма логично. Правда, моя гипотеза

несколько иная. Я уверен, что преступление было совершено на полчаса раньше, чем рассказывали; что миссис Дуглас и мистер Бэркер находятся в сообществе и что-то скрывают; что они помогли бегству преступника и что они сфабриковали доказательства его бегства через окно, ибо сами дали ему уйти, опустив мост. Таково мое толкование начала драматических событий.

— Ну, мистер Холмс, если это так, то мы просто переходим от одной тайны к другой, — воскликнул инспектор.

— И некоторым образом к более темной, — прибавил Уайт Мейсон. — Миссис Дуглас никогда в жизни не была в Америке. Что же общего могла она иметь с американским убийцей?

— Я охотно признаю правомерность всех сомнений, — сказал Холмс. — И предполагаю произвести маленькое исследование нынешней ночью, которое, вероятно, поможет выяснить кое-какие обстоятельства.

— Мы должны вам помочь, мистер Холмс?

— Нет! Мои требования скромны. Темнота и зонтик доктора Уотсона. Да и Эмс, без сомнения, обо мне позаботится. Все мои размышления неизменно возвращают меня к основному вопросу: как мог человек атлетического сложения развивать свои мышцы с помощью одной гири?

Была поздняя ночь, когда Холмс возвратился из своей экспедиции. Мы спали в комнате с двумя кроватями, лучшей, какую только можно получить в маленькой гостинице. Я было уже задремал, когда сквозь одолевавший меня сон услышал шаги Холмса.

— Ну, — пробормотал я, — обнаружили что-нибудь?

— Уотсон, — прошептал он, — вы не побоялись бы спать в одной комнате с лунатиком, с человеком, которого оставил рассудок?

— Нет, — ответил я в изумлении.

— Тогда все хорошо, — сказал он и не произнес более ни слова в эту ночь.

7. РАЗГАДКА

На следующее утро после завтрака мы нашли инспектора Макдоналда и мистера Уайта Мейсона в маленькой приемной местного полицейского поста. На столе перед ними лежало множество писем и телеграмм, которые они уже отсортировали; три из них были отложены в сторону.

— Все еще выслеживаете скрывающегося велосипедиста? — весело спросил Холмс. — Какие последние новости о злодее?

Макдоналд с грустью указал на груды корреспонденции.

— Как вы знаете, мы разослали телеграммы с его приметам в самые различные полицейские адреса. И, как видите, собрали богатый урожай. О преступнике сообщают из Лейчестера, Ноттингэма, Соутгэмптона, Дерби, Ист-Гейма, Ричмонда и из четырнадцати других мест. В трех из них — Ист-Гейме, Лейчестере и Ливерпуле — он уже выслежен и арестован. Вся страна, кажется, наводнена беглецами в желтых пальто.

— Ну и дела! — сочувственно откликнулся Холмс. — Теперь послушайте меня, мистер Мак и мистер Мейсон, я хочу дать вам совет. Приехав с вами сюда, я условился — вы, конечно, помните, — что не буду представлять вам недостоверных теорий, а продолжу работу по своей системе до тех пор, пока окончательно не уверюсь в результатах. Поэтому я до настоящего момента и не делился с вами моими догадками и выводами. Однако я люблю честную игру и не считаю, что будет красиво позволять вам тратить время и энергию бесполезно. Короче, я пришел сюда, чтобы дать вам совет, который состоит из трех слов: бросьте это дело.

Макдоналд и Уайт Мейсон в изумлении воззрились на своего знаменитого коллегу.

— Вы считаете его безнадежным? — воскликнул инспектор.

— Я считаю безнадежными лишь ваши поиски.

— Но этот велосипедист... Он-то не плод фантазии! У нас есть его описание, его чемодан, его велосипед. Ведь где-то он должен скрываться. А значит, его можно и схватить.

— Да, без сомнения, но не стоит этим заниматься в Ист-Гейме или в Ливерпуле. Я уверен, можно найти путь к разгадке на месте.

— Вы что-то скрываете от нас. Это нехорошо с вашей стороны, мистер Холмс. — Инспектор был явно раздосадован.

— Вы знакомы с моими методами, мистер Мак. Впрочем, я буду скрытен еще очень недолго. Надо только проверить одну деталь. Вместе с вами. А затем я распрощаюсь и вернусь в Лондон, оставив все полученные факты в вашем полном распоряжении. Я слишком вам обязан, чтобы поступить иначе: во всей моей практике я не могу припомнить более странного и интересного дела.

— Все сказанное вами выше моего понимания, мистер Холмс. Мы виделись вчера после нашего возвращения из Тенбриджа, и в общем, вы были согласны с нашими выводами. Что же произошло с тех пор?

— Ну, если вам неветерпеж... Этой ночью я провел несколько часов весьма полезно...

— А именно?

— К сожалению, тока я могу вам дать только общий ответ. Между прочим, я изучил краткое, но поучительное описание старинного здания усадьбы, купленное за один пенс в табачной лавочке. — Холмс вынул из жилетного кармана маленькую книжку, украшенную неуклюжим изображением здания. — Дорогой мистер Мак, когда в деталях познакомишься с окружающей исторической атмосферой, это придает особую прелесть следствию. Не проявляйте нетерпения. Поверьте, читая даже столь краткое описание, невольно приобщаешься к образам старины. Позвольте и вас заинтересовать ими. Вот, к примеру, несколько строк: «Построенная в пятый год правления короля Якова I и стоящая на частично уцелевшем фундаменте еще более старого замка, Бирлстоунская усадьба является одним из прекрасных образцов жилища времен Якова I, окруженного рвами...»

— Вы смеетесь над нами, мистер Холмс! — прервал чтение инспектор.

— Терпение, мистер Мак! Вы опять проявляете свой шотландский темперамент. Хорошо, я не буду читать, если это на вас так раздражающе действует. Только добавлю, что здесь можно найти историю взятия замка парламентскими войсками в 1644 году, описание того, как усадьба служила временным убежищем для Карла во время гражданской войны, и даже историю посещения ее Георгом II. Вы не можете не признать, что в книжечке все же имеется немало разнообразных и любопытных мелочей...

— Я в этом не сомневаюсь, мистер Холмс, но они нас не касаются.

— Вы в этом уверены? Широта кругозора, мой милый мистер Мак, необходима для нашей профессии. Своевременная реализация на практике накопленных знаний часто играет решающую роль. Вы уж не обессудьте: подобного рода поучения со стороны хоть и скромного любителя криминалистики, но все-таки старшего по возрасту и, быть может, немного более опытного, чем вы, наверное, простительны.

— Ну о чем вы говорите! — запальчиво произнес инспектор.

— И, конечно, вы идете к своей цели, но избрали для этого окольный путь...

— Ладно, оставим в покое историю и возвратимся к сегодняшнему дню. Вернее, к нынешней ночи, когда я нанес визит в усадьбу. Я не встретил ни мистера Бэркера, ни миссис Дуглас. Я не стал беспокоить их, но зато убедился, что вдова, по-видимому, не тосковала и принимала участие в превосходном ужине. Вместо этого я обменялся с Эмсом любезностями, которые позволили мне просидеть одному некоторое время в комнате покойного, не ставя о том в известность никого другого в доме. Должен признаться, я провел там весьма полезные четверть часа.

— Что же вы там делали?

— Чтобы не секретничать из-за такого пустяка, я скажу, что отыскивал пропавшую гирию. Я придавал ей с самого начала важное значение. Кончилось тем, что я все-таки ее нашел.

— Где?

— Ну вот, стоило протянуть вам палец, как вы уже хотите схватить всю руку. Позвольте мне самому подойти к финишу чуточку поближе, и я обещаю поделиться с вами всем, что

знаю.

— Хорошо, мы вынуждены принять ваши условия, — сказал инспектор. — Но вы же советуете нам оставить это дело... Объясните, ради Бога, почему мы должны его оставить?

— По той причине, дорогой мистер Мак, что вы не знаете даже, что вы расследуете.

— Как это так! Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа в Бирлстоунской усадьбе.

— Да, да, вы правы. Но не надо разыскивать таинственного джентльмена на велосипеде. Уверяю вас, это ни к чему не приведет.

— Тогда посоветуйте: что нам делать?

— Хорошо, но последуете ли вы моему совету?

— Признаюсь, я всегда находил, что за вашими окольными речами что-нибудь да скрывается. Я сделаю все, что вы предложите.

— А вы, мистер Мейсон?

Провинциальный сыщик беспомощно посмотрел сначала на одного, потом на другого — приемы Холмса были для него новы.

— Ну, если это приемлемо для инспектора, то, значит, и для меня, — наконец ответил он.

— Тогда я предложу вам обоим совершить маленькую прогулку по окрестностям. Мне говорили, что вид с Бирлстоунской возвышенности великолепен. Позавтракать вы можете в гостинице... Вечером усталые, но довольные...

— Ваши шутки переходят все границы! — воскликнул Макдоналд.

— Ну ладно, проведите день как хотите, — успокоил его Холмс, ласково похлопав по плечу. — Делайте что хотите и идите куда хотите, но ждите меня здесь к вечеру непременно, мистер Мак.

— Это звучит более здраво.

— Я дам вам превосходный совет, но не буду на нем настаивать. Только явитесь сюда обязательно. Возможно, вы будете мне нужны. А теперь я попрошу вас написать записку мистеру Бэркеру,

— Какую?

— Я продиктую, если позволите. Готовы? «Дорогой сэръ, я считаю целесообразным осушить ров вокруг усадьбы в надежде, что мы можем найти там...»

— Напрасный труд, — заметил инспектор, — я исследовал его,

— Я это знаю. И тем не менее продолжайте, пожалуйста, писать.

— Хорошо.

— «... в надежде, что мы можем найти там что-нибудь важное для нашего расследования. Я распорядился, чтобы рабочие явились на работу завтра рано утром...»

— Не может быть!

— «... о чем и счел своим долгом сообщить вам заранее». Теперь подпишите и пошлите своего человека вручить это послание ему лично около четырех часов. В четыре мы снова соберемся здесь, а до того времени каждый может делать все, что ему угодно.

Мы собрались, когда уже надвигался вечер. Холмс был серьезен, меня пожирало любопытство, сыщики, очевидно, чувствовали себя уязвленными и были склонны отнестись критически ко всем выводам моего друга.

— Теперь, джентльмены, — сказал он, — я попрошу вас одеться потеплее. На улице холодно, а я не знаю, сколько времени займет наша экспедиция. Нам надо оказаться на месте, прежде чем совсем стемнеет.

Закутавшись по совету Холмса во что могли, мы пошли вдоль наружной стороны ограды парка. Через первый же пролом в ней пробрались под сень вековых деревьев, окружавших старинный дом, и под защитой сгущавшихся сумерек стали бесшумно красться вслед за моим знаменитым другом. Так мы достигли густых кустов, которые росли напротив подъемного моста. Мост был опущен. Холмс засел за стеной из веток, мы, естественно, тоже.

— Что будет теперь? — спросил Макдоналд.

— Вооружимся терпением и не будем говорить громко, — ответил Холмс.

— Зачем вообще мы пришли сюда? Право, я нахожу, вы могли бы быть с нами откровеннее.

Шерлок Холмс усмехнулся.

— Уотсон уверяет, что я в своем роде художник. Во мне живут инстинкты, которые требуют добротной режиссерской постановки сцен. Уверяю вас, мистер Мак, наша профессия стала бы совсем скучной, если бы иногда мы не обогащали ее драматическими действиями, которые придавали бы блеск добытым с трудом результатам. В данную минуту положение вещей заставляет вас волноваться, испытывать напряжение спрятавшегося в засаде охотника. Ничего этого не было бы, заговори я с определенностью расписания поездов... Так что немного терпения, мистер Мак, и все станет для вас ясно.

Призыв к терпению был оправданным, ибо ожидание оказалось продолжительным. На фасаде старого дома медленно густели тени. Холодный сырой туман, поднимавшийся со стороны рва, пронизывал нас до костей. В роковой комнате старого дома горел свет. Весь остальной дом был погружен в темноту.

— Долго ли еще ждать? — спросил наконец инспектор. — И чего мы ждем?

— Я сам не знаю, сколько времени нам придется караулить, — строгим тоном ответил Холмс. — Конечно, было бы удобнее, если бы преступники всегда действовали по нашему желанию. Что же касается... Но смотрите! Вот тот, кого мы ждали!

Скрывавшие нас кусты находились напротив освещенного окна и отстояли от него всего футов на сто. Петли скрипнули, огромная рама открылась. Мы различили неясный контур головы и плеч человека, который, как видно, пристально всматривался в темноту. Наконец он нагнулся, и среди глубокой тишины мы услышали легкий плеск. Казалось, что человек в окне что-то спустил в воду, наполняющую ров, и вдруг вытащил какой-то предмет из глубины, как рыбак рыбу. Этот предмет скрылся в пролете окна.

— Пора! — крикнул Холмс. — К действию, друзья!

Мы мгновенно вскочили и бросились за ним, хотя и с трудом из-за окованных ног. А Холмс, охваченный одним из тех внезапных приливов энергии, которые превращали его в самого деятельного человека в мире, быстро перебежал мост и резко позвонил у входа в старый дом. Заскрипели засовы, на пороге открывшейся двери появился изумленный Эмс. Не обращая на него внимания, Холмс бросился к той комнате, в окне которой мы видели человеческий силуэт. Мы вбежали следом за ним.

Перед нами стоял оторопевший Сесил Бэркер.

— Что все это значит, черт возьми? — гневно спросил он.

— Что вам нужно?

Холмс быстро оглянулся и тотчас же кинулся к скрученному веревкой и брошенному под стол мокрому свертку.

— Мы пришли за ним, мистер Бэркер. Нам нужен сверток, затопленный с помощью гимнастической гири и вытащенный вами из рва.

Бэркер с изумлением посмотрел на Шерлока. — Откуда вам о нем известно?

— Немудрено, я сам его там утопил.

— Вы?!

— Точнее следовало сказать «снова утопил», — поправился Холмс. — Я думаю, вы помните, Макдоналд, до чего меня удивляло отсутствие одной гири. Я обращал на это ваше внимание, но вам было некогда заниматься всякими пустяками, как вы считали. В противном случае вы, конечно, сделали бы некоторые ценные выводы. Когда вблизи есть вода и недостает одной из парных тяжелых гирь, то нетрудно догадаться, как ею воспользовались. Во всяком случае, стоило проверить эту догадку. Итак, благодаря Эмсу, который впустил меня в комнату, и рукоятке зонтика доктора Уотсона я в прошедшую ночь выудил этот сверток и осмотрел его. Оставалось узнать, кто бросил его в воду. Этому мы достигли, сообщив вам, что ров будет осушен. Мы, четверо свидетелей, видели, кто воспользовался темнотой, а потому, мистер Бэркер, мне кажется, настала ваша очередь говорить.

Холмс положил мокрый сверток на стол, развязал опутывавшую его веревку, достал изнутри гимнастическую гирию, а следом — пару ботинок. Указав на них и пробормотав: «Как видите, американские», — он опустил их на пол. Затем выложил на стол нож в ножнах, набор белья, пару носков, серый твидовый костюм и короткое коричневое пальто.

— Обратите особое внимание на пальто, — заметил Холмс.

— Как видите, у него есть внутренний карман, который уходит под подкладку: в нем вполне может поместиться спиленное ружье. На воротнике ярлык портного: «Полл, пошив верхнего платья. Вермисса, США».

Я провел небесполезные часы в местной библиотеке и пополнил свое образование, узнав, что Вермисса — процветающий городок в Соединенных Штатах, в долине, известной угольными и железорудными копиями. Помнится, мистер Бэркер, вы говорили, что первая жена Дугласа — уроженка одной из угольных областей? Нетрудно предположить также, что буквы «Д. В.» на карточке,

долина, посылающая убийц, может стать, и есть Долина ужаса, о которой нередко упоминалось. Все теперь нам ясно, и очередь мистера Бэркера дать необходимые объяснения.

Гнев, изумление, страх, нерешительность поочередно сменялись на лице Бэркера. Наконец он попытался укрыться за едкой иронией.

— Вы уже знаете столько, мистер Холмс, — с усмешкой бросил он, — что, может быть, вам лучше самому сделать это.

— Без сомнения, я мог бы еще кое-что прибавить, мистер Бэркер, но нам интереснее послушать вас.

— Вы так думаете? Но я вправе сказать лишь одно: если здесь и кроется тайна, то она не мне принадлежит и не в моих привычках выдавать чужие секреты.

В этот момент в комнату вошла миссис Дуглас, стоявшая, оказывается, около полуоткрытой двери.

— Довольно, Сесил, — сказала она, — вы сделали для нас достаточно.

— Более чем достаточно, — уважительно заметил Холмс. — Я глубоко сочувствую вам, миссис Дуглас, и прошу положиться на наш здравый смысл и нашу порядочность. Весьма возможно, что я поступил ошибочно, не исполнив вашего желания, которое передал мне доктор Уотсон. Однако в то время у меня еще были причины предполагать, что вы замешаны в преступлении. Теперь я убежден в обратном. Тем не менее еще осталось много невыясненного, и я посоветовал бы вам упросить непреклонного мистера Бэркера поведать всю историю.

Тут миссис Дуглас вскрикнула, а все мы были поражены, увидев человека, который как бы выступил из стены и теперь шел к нам из темного угла. Миссис Дуглас повернулась и обняла его; Бэркер сжал его протянутую руку.

— Так лучше, Джон, — сказала миссис Дуглас, — я уверена, так лучше.

— Да, мистер Дуглас, — подтвердил Холмс, — гораздо лучше.

Человек стоял, изучая нас. Он щурился, видимо, от света. Лицо у него было примечательное: смелые серые глаза, густые подстриженные седеющие усы, выступающий вперед волевой подбородок, резко очерченный рот. Дуглас обвел всех нас взглядом и, к моему вящему удивлению, подошел ко мне, протягивая связку бумаг.

— Я слышал о вас, — сказал он. Произношение у него было не вполне английское, но и не чисто американское, в общем мягкое и приятное. — Вы писатель, — продолжал он. — Но ручаюсь, доктор Уотсон, что еще никогда через ваши руки не проходило таких историй. Изложите их, как хотите. Я только вручаю вам факты. Два дня я провел взаперти и, пользуясь слабым дневным светом, который проникал в убежище, набрасывал свои воспоминания. Это история Долины ужаса.

— Долина ужаса — это прошлое, мистер Дуглас, — спокойно сказал Шерлок, — а нам теперь хочется услышать о настоящем.

— Услышите, сэр, — ответил Дуглас. — Вы позволите мне закурить?

Холмс протянул сигару.

— Благодарю вас, мистер Холмс. Насколько мне известно, вы сами курильщик и поймете, что значило для меня не курить два дня, имея под рукой все необходимое, но опасаясь, как бы запах дыма не выдал тайник. — Он прислонился к камину и втянул в себя аромат сигары. — Я много слышал о вас, мистер Холмс, не подозревая, что мне придется встретиться с вами. Обещаю, раньше, чем вы ознакомитесь вот с этим, — он кивнул головой в сторону бумаг, — вы скажете, что я сообщил вам кое-что новое.

Макдоналд хмуро смотрел на пришельца.

— Я в недоумении, — произнес он наконец. — Если вы мистер Дуглас из Бирлстоунской усадьбы, то причины чьей же смерти разыскивали мы эти два дня? И откуда вы теперь выскочили, точно чертик из табакерки?

— Ах, мистер Мак, — заметил с укоризной Холмс. — Вы не захотели перечитать описание приюта короля Карла! В те дни люди нередко прятались в отличные тайники, а они, послужив однажды, могут пригодиться и в другой раз. Я был убежден, что мы разыщем мистера Дугласа под этой крышей.

— Сколько же времени вы морочили нам голову таким образом, мистер Холмс? — сердито спросил инспектор. — Долго ли вы предоставляли нам возможность тратить силы и время на совершенно нелепые, как вам было известно, розыски?

— Ни одного лишнего часа, дорогой мистер Мак. Только в прошлую ночь у меня возникли новые соображения, и, так как их можно было доказать лишь сегодня вечером, я предложил вам и вашему коллеге днем отдохнуть. Скажите, пожалуйста, что мог я сделать еще? Увидав платье, вынудое изо рта, я сразу понял, что убитый — не мистер Дуглас и мы, вероятнее всего, нашли тело велосипедиста из Тенбриджа. Другого заключения вывести было нельзя. Поэтому мне следовало выяснить, где мог скрываться мистер Дуглас, и я нашел, что, вероятнее всего, он при содействии жены и друга спрятался в доме, представлявшем такие удобства, а позднее собирался бежать.

— Вы оказались правы, — с одобрением сказал Дуглас. — Мне хотелось ускользнуть от вашего британского правосудия, поскольку я не знал, какое наказание оно наложит на меня. Вместе с тем мне казалось, что таким образом и заставлю преследующих меня злобных псов потерять след. Знайте, я не сделал ничего, что заставило бы меня стыдиться, ничего, что я не готов был бы повторить снова. Впрочем, вы сами убедитесь в этом, когда я закончу мой рассказ.

Я начну не с самого начала. Оно изложено здесь, — Дуглас указал на тетрадь, — и вы найдете его очень странным. В общих чертах дело сводится к следующему. На земле живут люди, имеющие основательные причины меня ненавидеть. Они отдали бы свой последний доллар за то, чтобы я оказался в их руках. Пока жив я и живы они, на этом свете для меня нет безопасного угла. Они вытеснили меня из Чикаго в Калифорнию. Потом фактически изгнали из Америки. Лишь когда я после свадьбы поселился в английском тихом графстве, мне стало казаться, что последние годы моей жизни протекут спокойно. Я не объяснял моей жене положения вещей. Зачем было вмешивать ее во все это? Ведь она не имела бы ни минуты покоя! Тем не менее она, кажется, кое-что подозревала. Вероятно, я время от времени проговаривался, но до вчерашнего дня ей не были известны обстоятельства дела. Она узнала их после того, как вы, джентльмены, говорили с нею. Она сказала вам все, что знала, и Бэркер тоже. Ведь в ночь памятных событий у нас оставалось мало времени для объяснений. Теперь жена знает мою историю, и, право же, я поступил бы умнее, раньше сказав ей об опасности. Мне, дорогая, — он взял ее за руку, — было тяжело коснуться прошлого, я хотел сделать как лучше.

Господа, накануне роковых событий я был в Тенбридже и случайно увидел на улице одного человека. Только мельком, но не мог не узнать моего смертельного врага, который преследовал меня, словно голодный волк дикую козу. Мне стало ясно, что беда близка.

Я вернулся домой и приготовился встретить ее, зная, что мне придется защищаться собственными силами. В былое время о моих удачах ходила слава по всем Соединенным Штатам, и я был уверен, что счастье по-прежнему улыбнется мне.

Целый день я был настороже, не выходил в парк и поступал правильно: он пустил бы в меня заряд картечи раньше, чем я успел бы заметить его. Когда мост подняли, я прогнал мысль о беде, не допуская, что он мог пробраться в дом и спрятаться, выжидая меня. Но когда я делал обычный вечерний обход дома, как всегда в халате, то, войдя в свою комнату, почувствовал опасность. Наверное, человек, многократно подвергавший угрозам свою жизнь, обретает нечто вроде шестого чувства, которое и подает ему сигналы. Почему я остро осознавал приближение несчастья, точно не могу сказать. Но в следующее мгновение я заметил под оконной драпировкой носки ботинок. Увидев источник своих инстинктивных опасений, я кинулся за молотком, припасенным мной ранее на камине. В ту же минуту враг прыгнул на меня. Блеснул нож, но я ударил по лезвию молотком. Оружие выпало из рук противника. Тогда нападающий вытащил из-под пальто, ружье. Щелкнул курок, но я успел схватить ствол руками и поднять его кверху. Мы отчаянно боролись. Мой противник ни на секунду не ослаблял усилий, однако в какое-то мгновение приклад оказался ближе ко мне. Не знаю, может быть, я дернул курок, может быть, мы оба потянули за собачку. Так или иначе два заряда попали ему в лицо, и, взглянув вниз, я увидел то, что осталось от Теда Болдуина. Я узнал этого человека в городе, узнал его также, когда он накинута на меня, но, увидев столь обезображенный труп, даже его собственная мать не сказала бы, кто перед ней. Я привык к страшным зрелищам, но и мне стало не по себе.

Прибежал Бэркер. Я услышал шаги жены, но вовремя остановил ее. Тут было зрелище не для женщин. Обещав ей скоро прийти в ее комнату, я начал давать Бэркеру объяснения, но он сам все понял с первого взгляда. Нам оставалось только ждать прислугу. Никто не явился, и мы сообразили, что никто не услышал выстрела, что все случившееся известно только нам.

Тогда-то у меня зародилась идея, которая показалась нам обоим блестящей. Рукав Теда приподнялся, обнаружив знак ложи. Смотрите!

Дуглас завернул свой собственный рукав и показал коричневый треугольник в круге, то есть в точности такой же знак, какой мы видели на руке убитого.

— Именно клеймо навело меня на мысль выдать убитого за себя. Мы были приблизительно одного роста и сложения, его волосы походили на мои, а от лица ничего не осталось. Мы с Бэркером сняли с Теда вот этот костюм, накинута на него мой халат и положили труп в той позе, в которой вы его нашли. Связав вещи Болдуина в узел, я уложил туда же единственную тяжесть, которая оказалась под рукой. Все было выброшено из окна. Карточку, которую он намеревался положить на мой труп, я оставил возле него. Мы надели мои кольца на его пальцы, но когда дело дошло до обручального...

Он вытянул свою мускулистую руку.

— Вы сами видите, что я ничего не мог сделать. Со дня свадьбы это кольцо не покидало своего места, и снять его было невозможно. Мне и не хотелось расставаться с ним. Мы решили предоставить эту подробность судьбе. Зато я принес кусочек пластыря и наклеил его на уцелевшую часть лица убитого, в том самом месте, где, как вы видите, он наклеен у меня. Только в этом случае, мистер Холмс, вы допустили оплошность: сняв пластырь, вы не увидели бы пореза.

Вот каково было положение вещей. Если бы я притаился на некоторое время, а затем уехал в какое-нибудь место, где позднее ко мне присоединилась бы жена, остаток дней наших, вероятно, протек бы спокойно. Увидев в газетах, что Болдуин убил меня, эти дьяволы прекратили бы преследование. Я спрятался, Бэркер сделал все остальное.

Вы сами можете догадаться, о чем именно он позаботился в первую очередь. Мой друг открыл окно и сделал кровавый отпечаток на подоконнике с целью показать, каким путем убежал убийца. Это была смелая мысль. Потом Сесил позвонил. Дальнейшее вы знаете. Теперь, джентльмены, делайте, что вам угодно, однако верьте, что я сказал всю правду. Позвольте только задать вам один вопрос: как поступит со мной английское правосудие?

Наступило молчание. Его прервал Шерлок Холмс.

— В основе своей английские законы справедливы, и наказание будет не тяжелее вашего проступка. Но, скажите, откуда Болдуин узнал, что вы живете здесь, а также как пробраться в

дом и где удобнее спрятаться?

— Мне самому это непонятно.

Лицо Холмса было серьезно и бледно.

— Боюсь, что дело еще далеко не окончено, — заявил он.

— На вашем пути могут встретиться опасности похуже английского закона или даже ваших американских врагов. Я предугадываю для вас несчастья, мистер Дуглас, и советую вам остерегаться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Чистильщики

1. ГЛАВНОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

А теперь я должен попросить читателя на время покинуть Сассекс и перенестись лет на двадцать назад и на несколько тысяч миль к западу. Перед ним развернется настолько необыкновенная история, что, быть может, трудно будет даже поверить в ее достоверность. Причем это не начало какого-нибудь нового повествования. После описания происшедших в то время и в тех местах события, разрешив тайну прошлого, мы снова встретимся в квартире на Бейкер-стрит, где завершатся эти, как и многие другие знаменательные события.

Дело происходило 4 февраля 1875 года. Стояла суровая зима, густой снег покрывал ущелья гор Джилмертон. Вечерний поезд медленно полз по железнодорожному пути, соединяющему множество шахтерских и заводских поселков. Он поднимался по крутому откосу, который ведет от Стегвилля, расположенного на низменности, к городу Вермисса, стоящему в верхнем конце долины. Дорога была однопутной, на каждой запасной ветке стояли вереницы платформ с углем и железной рудой. Стояли, словно немые доказательства скрытого под землей несметного богатства долины, привлекавшего в нее множество людей разной национальности и сильно оживившего этот унылый край Соединенных Штатов. Вряд ли первопроходцы, пересекшие его, представляли себе, что самые прекрасные прерии и роскошные пастбища ничего не стоят по сравнению с этой мрачной областью, покрытой черными утесами и чащей леса. Над почти непроходимым бором, покрывавшим склоны гор, поднимались покрытые вечными снегами вершины.

По долине, извивавшейся между зубчатых скал, полз маленький поезд. В вагонах, вмещавших всего по двадцать или тридцать человек, только что зажгли лампы. Они горели тускло и слабо освещали пассажиров, в основном рабочих, возвращавшихся домой после трудового дня. Судя по их закоптелым лицам, это были большей частью шахтеры. Почти все они курили и иногда переговаривались.

В одном из вагонов сидели двое в полицейских мундирах, привлекавших к себе настороженное внимание не только рудокопов, но и едущих женщин-работниц и двоих-троих стариков, в которых нетрудно было узнать местных мелких лавочников. В углу, поодаль от всех, расположился молодой человек. На вид ему не менее тридцати лет, он среднего роста, у него свежий цвет лица. Проницательные серые глаза поблескивали сквозь очки и доброжелательно посматривали на соседей. Эти взгляды позволяли сделать вывод об общительном характере; поверхностный наблюдатель предположил бы даже, что это недалекий простак. Однако более пристальное внимание позволяло угадать в очертании его подбородка и суровой складке губ, что под наружным добродушием темноволосого молодого мужчины крылась незаурядная сила. Раза два он пробовал заговорить с ближайшим соседом-шахтером, но, получив краткие неприветливые ответы, замолк и стал хмуро смотреть в окно на открывавшийся пейзаж. Груды шлака громоздились по обеим сторонам железнодорожной линии; за ними поднимались вышки угольных шахт. Группы жалких деревянных домишек с плохо освещенными окнами жались друг к другу. На частых полустанках толпились закоптелые жители: долина Вермиссы не привлекала к себе праздных людей, здесь велась жестокая борьба за существование. На лице молодого пассажира, который смотрел из окна

вагона на безрадостную местность, выражалось смешанное чувство брезгливости и любопытства. Не раз, достав длинное письмо, он снова и снова пробежал его глазами и что-то писал сбоку. В конце концов он вытащил из сумки револьвер и переложил его в потайной карман. Как ни быстро это было сделано, человек, сидевший на соседней скамье, успел все заметить.

— Вот как, приятель, вы, видно, готовы ко всему?

Молодой незнакомец улыбнулся с некоторым замешательством.

— Да, там, откуда я еду, иногда оружие необходимо.

— А откуда вы едете?

— Из Чикаго.

— Здесь вы впервые?

— Да.

— Оружие наверняка вам и здесь пригодится.

— Почему вы в этом так уверены? — живо спросил молодой человек, явно заинтересованный.

— Разве вы не слышали о том, что у нас тут происходит?

— Нет, ничего.

— А я был уверен, что о нас говорят повсюду. Не огорчайтесь, скоро услышите. Но что заставило вас сюда приехать?

— Я слышал, что здесь можно легко найти работу.

— Вы член Рабочего союза?

— Естественно.

— Тогда, пожалуй, работу получите. У вас есть тут друзья?

— Нет, но я их приобрету.

— Каким образом?

— Я принадлежу к ордену масонов. Почти в каждом городе есть ложа, а где есть ложа, там у меня окажутся друзья.

Слова собеседника сразу произвели сильное впечатление на рабочего. Он с подозрением оглянулся на сидящих вблизи пассажиров. После этого он поднялся, сел рядом и протянул руку. Они обменялись рукопожатием.

— Я верю, но никогда нелишне удостовериться.

Правой рукой он дотронулся до своей правой брови. Незнакомец тотчас же поднес левую руку к левой брови.

— Темные ночи неприятны, — произнес сосед.

— Да, для странствующих иностранцев, — ответил молодой человек.

— Этого достаточно. Я брат Сканлейн, триста сорок первая ложа, долина Вермиссы. Я рад видеть вас у нас.

— Спасибо. Я брат Джон Макмэрдо, двадцать девятая, Чикаго. И я рад встрече с братом.

— В округе наших много. Нигде в стране орден так не процветает, как в долине Вермиссы. Но молодцы вроде вас нам очень нужны. Одного не понимаю: почему здоровый человек из Рабочего союза не нашел себе места в Чикаго?

— У меня было много случаев хорошо заработать, — ответил Макмэрдо.

— Тогда почему уехали из Чикаго?

Макмэрдо указал в сторону полицейских и слегка улыбнулся.

— Эти двое джентльменов, вероятно, с удовольствием приняли бы эстафету в отношении меня от своих чикагских коллег.

Сканлейн сочувственно кивнул, искоса взглянув на полицейских.

— У вас были большие неприятности?

— Да.

— Тюрьма?

— Еще не время толковать о таких вещах, — ответил Макмэрдо, как бы сожалея, что уже сказал больше, чем хотел. — Имелись веские причины для моего отъезда из Чикаго,

удовольствуйтесь этим. Кроме того, кто вы такой, чтобы задавать вопросы?

Серые глаза Макмэрдо блеснули раздраженно за стеклами очков.

— Не сердитесь, я не собирался вас обидеть. И уверен — наши ребята отнесутся к вам хорошо, что бы вы там ни сделали. Куда вы сейчас направляетесь?

— В Вермиссу.

— Это третья остановка отсюда. Где намереваетесь поселиться?

Макмэрдо вынул письмо и прочел адрес.

— Джейкоб Шефтер, улица Шеридана... Мне рекомендовал его знакомый в Чикаго.

— Я сам живу в Хобсоне, так что этого адреса не знаю. Кстати, мы подъезжаем к Хобсону, и на прощание я хочу дать вам один совет. Если вы столкнетесь с трудностями в Вермиссе, идите прямо в Дом профсоюза и спросите Макгинти. Он мастер вермисской ложи, и в Вермиссе все делается, как того хочет Черный Джек Макгинти. Может, мы встретимся в ложе. Прощайте.

Сканлейн направился к выходу, и Макмэрдо снова остался наедине со своими мыслями. Уже стемнело, и красные отсветы горнов мелькали во мраке.

— По-моему, ад должен выглядеть именно так, — произнес чей-то голос.

Макмэрдо оглянулся и увидел, что один из полицейских встал и всматривается в окно.

— Наверняка, — поддакнул второй констебль. — И вряд ли в преисподней обитают дьяволы хуже местных... Полагаю, вы новоприезжий, молодой человек?

— Что вам-то до этого? — мрачно ответил Макмэрдо.

— Да ничего. Просто я посоветовал бы вам осторожнее выбирать себе здесь друзей. И уж никак я не поспешил бы подружиться со Сканлейном или с кем-нибудь из этой шайки, ничего не зная о них.

— Что вам за дело, кто мои друзья? — прогремел Джон так громко, что все пассажиры повернулись к нему. — Разве я спрашивал у вас совета?

Нагрубив, он широко осклабился, точно оскалившая зубы собака. Добродушных полицейских ошеломила подобная враждебность.

— Не обижайтесь на нас, — примирительно произнес один из них. — Мы хотим вам добра, поскольку вы новичок в долине Вермиссы.

— Да, этой долины я не знаю, но мне хорошо знакомы вы и вам подобные, — с холодным бешенством выпалил Макмэрдо.

Полицейский улыбнулся.

— Может статься, что и лично с нами вам придется познакомиться поближе. Вы кажетесь отменной сорвиголовой.

— Я вас не боюсь. Меня зовут Джон Макмэрдо. А если я вам понадобится, то ищите меня в Вермиссе, на улице Шеридана у Шефтера. Видите, я не собираюсь скрываться от вас.

Такое бесстрашное заявление вызвало явное сочувствие у пассажиров. Полицейские, пожав плечами, вступили в разговор между собой. Через несколько минут поезд подошел к скверно освещенному вокзалу, и пассажиры поспешили покинуть вагоны. Вермисса была главной станцией на всей линии.

Макмэрдо поднял свою сумку и уже двинулся в темноту, когда один из шахтеров подошел к нему.

— Bravo, товарищ, вы умеете разговаривать с этими типами, — с уважением сказал он. — Было приятно вас слушать. Дайте вашу сумку и пойдём вместе. Мне как раз идти мимо дома Шефтера.

Они вместе спустились с платформы.

— Спокойной ночи, друг, — раздалось пожелание из толпы шахтеров.

Буйный Макмэрдо завоевал здесь симпатии, даже не ступив еще на землю Вермиссы.

Какое бы безрадостное впечатление ни производили окрестности города, сама Вермисса оказалась еще более удручающей. Долина обладала хотя бы каким-то мрачным величием: по соседству с горами, этими могучими созданиями природы, находились результаты гигантской деятельности человека — глубокие шахты на фоне огромных горнов и клубов дыма. Город же

воплощал в себе отвратительную нищету. Снег на улице, который непрестанно месили башмаками и колесами повозок, превратился в грязную полужидкую кашу. Газовые фонари едва освещали невзрачные ряды деревянных строений с полуразрушенными верандами. Лишь в центре города эта картина слегка скрашивалась ярко освещенными витринами магазинов и пивных, окнами игорных домов и притонов.

— Вот этот дом вам придется часто посещать, — сказал проводник Джона, указывая на один из баров, по внешнему виду напоминающий отель. — Здесь хозяин Джек Макгинти.

— Что это за человек? — спросил Макмэрдо.

— Неужели вы о нем не слыхали?

— Я же никогда не бывал в вашем городе.

— Ну, я думал, что его имя известно всюду. Оно часто появляется и в газетах.

— В связи с чем?

— В связи с разными громкими делами, — неопределенно ответил шахтер, понизив голос.

— Какими именно?

— Ну и чудак вы, мистер! Ведь только об одних определенного рода делах и можно услышать у нас — о делах Чистильщиков.

— Помнится, я что-то читал о них. Это шайка убийц, не так ли?

— Тише, если вам дорога жизнь, — испуганно прошептал шахтер, оглянувшись вокруг. Затем он остановился и с удивлением воззрелся на своего спутника. — Если вы будете на улице открыто высказываться в таком духе, то вам недолго останется жить. Иные отправлялись на тот свет из-за меньшего...

— Я только повторяю то, что читал о них в газетах.

— Но могу заверить вас, что вы читали неправду. Убийств здесь происходит немало. Только никогда не произносите имени Макгинти в связи с преступлениями — расплата будет скорой и жестокой... А вот и дом, который вам нужен. Его хозяин, старый Джейкоб Шефтер, у нас самый честный и уважаемый человек.

— Спасибо, — сказал Макмэрдо на прощание.

Он подошел к дому и сильно постучал в дверь. Когда она открылась, то перед ним оказалась молодая и очень красивая девушка, по виду шведка: белокурая, с огромными темными глазами, резко контрастировавшими с цветом ее волос. Она посмотрела на незнакомца с удивлением и любопытством. Макмэрдо подумал, что никогда не видел девушки прекраснее. Она казалась особенно поразительной в окружавшей ее печальной и безобразной действительности, словно прелестный цветок, выросший на черных горах шлака. Он молча стоял и только смотрел на нее. Молчание прервала девушка.

— Я решила, что это пришел отец, — произнесла она с приятным легким акцентом. — Вы хотите его видеть? Он в городе и должен вернуться с минуты на минуту.

Макмэрдо продолжал зачарованно смотреть на нее, не скрывая своего восхищения. Под его взглядом она опустила веки.

— Ничего, мисс, — наконец сказал Джон. — Я никуда не спешу. Мне рекомендовали ваш дом, и теперь я уверен, что он мне подойдет.

— Вы быстро приходите к заключениям, — с улыбкой сказала она.

— Ну, только слепой ответил бы иначе.

Девушка засмеялась.

— Входите, мистер, — пригласила она. — Меня зовут Этти, я дочь мистера Шефтера. Моей матери нет в живых, и хозяйством занимаюсь я. Погрейтесь у печки и подождите отца... Да вот и он сам.

По дорожке приближался коренастый старик. После знакомства Макмэрдо кратко рассказал о своем деле. Имя знакомого Джона, давшего ему адрес Шефтера, было тому известно. Старый швед тут же согласился принять нового жильца. Макмэрдо не торговался и охотно принял все условия. За двенадцать долларов в неделю хозяин предоставлял ему комнату и полное содержание.

Таким образом Макмэрдо, бежавший из Чикаго, поселился под крышей Шефтеров. Это стало первым шагом в длинной череде темных событий, происшедших в далеком крае.

2. ГЛАВА ЛОЖИ ВЕРМИССЫ

Через неделю Макмэрдо уже сделался приметным лицом в доме Шефтеров. В меблированных комнатах у них жили еще десять жильцов — пожилые работники с шахт и приказчики из лавок. Когда все собирались по вечерам, Джон первым отпускал удачную шутку. Он оказался также превосходным рассказчиком, отлично пел и вообще, казалось, был прямо создан для общества — от него как бы веяло магической силой, способной вызывать оживление и даже веселость окружающих. Но иногда он впадал, как и тогда в железнодорожном вагоне, в неудержимый гнев, что заставляло всех в доме относиться к нему еще более уважительно и даже с опаской. Он не скрывал своего презрения к закону и к его служителям.

Макмэрдо открыто восхищался прелестной мисс Этти и говорил, что она покорила его сердце с первого взгляда. Чуть ли не на второй день Джон признался ей в любви и потом постоянно твердил о своем чувстве, не обращая внимания на ее ответы, которыми она старалась лишить его надежды.

— У вас уже кто-то есть? — говорил он. — Что ж, тем хуже для него. Пусть остерегается, я не собираюсь из-за кого бы то ни было упускать свое счастье. Говорите «нет» сколько угодно, Этти, но наступит день, когда вы скажете «да». Я достаточно молод, чтобы подождать.

Для Этти он был воистину опасным человеком. Рассказы его увлекали, а умение подойти к людям очаровывало. Он был окружен ореолом таинственности, что обычно сначала возбуждает у женщины любопытство, а затем любовь. Особенно захватывающими были описания Мичигана, далекого красивого острова с его низкими холмами и зелеными лугами. Отсюда, из этой мрачной, занесенной снегом долины, он казался особенно прекрасным. Рассказывал Макмэрдо и о проливе и мичиганских лесных лагерях; о Буффало и Чикаго, где он работал на заводе. При этом слышался намек на нечто романтическое, на события столь странные, что и говорить о них открыто было нельзя. С сожалением Джон упомянул, что ему пришлось отказаться от прежних знакомств, покинуть все привычное и закончить свои скитания в этой безрадостной долине. Этти неизменно слушала его, затаив дыхание, и в ее огромных глазах читались сострадание и сочувствие.

Будучи человеком образованным, Макмэрдо быстро получил временное место в одной конторе, где ему поручили ведение записей. В конторе он был занят большую часть дня и потому не нашел случая представиться главе местной масонской ложи. Но ему вскоре напомнили об этом упущении. Как-то вечером в комнате Джона появился его железнодорожный знакомый Мик Сканлейн. Казалось, он был рад встретиться с Макмэрдо. Выпив виски, Мик объяснил цель своего посещения.

— Я запомнил ваш адрес, Макмэрдо, — сказал он, — и решил навестить вас. Знаете, меня удивляет, что вы до сих пор не представились мастеру. Что помешало вам зайти к нему?

— Я искал работу и был крайне занят.

— Все равно надо было отыскать время, чтобы нанести ему визит. Бог мой, да вы поступили прямо безумно, не побывав в Доме союза в первое же утро после приезда! Если вы обидите его...

Макмэрдо удивился.

— Я уже более двух лет принадлежу к ордену, Сканлейн, но никогда не слышал о подобных строгостях.

— В Чикаго, может быть, их нет.

— Да ведь здесь то же самое общество?

— Вы полагаете? — Сканлейн долгим пристальным взглядом посмотрел на Джона.

— Разве я ошибаюсь?

— Через месяц вы мне сами об этом скажете. Кстати, я слышал, что после того, как я

вышел из вагона, вы побеседовали с полицейскими?

— Господи, да как вы об этом узнали?

— У нас все быстро становится известно, как плохое, так и хорошее.

— Да, я выложил этим собакам, что о них думаю.

— Я уверен, приятель, вы придетесь по сердцу нашему Макгинти.

— А что, он тоже не жалуется полиции?

Сканлейн захохотал.

— Обожают! Но берегитесь, как бы заодно с полицией он не возненавидел и вас, если вы не удостоите его посещением. Так что немедленно отправляйтесь к нему в бар, — сказал он на прощание и ушел.

Возможно, Макмэрдо и не придавал бы особого значения этому совету, но другая встреча в тот же вечер вынудила его все же отправиться к Макгинти.

Заметил ли старый Шефтер с самого начала то внимание, которое оказывал Этти его новый жилец, или ухаживание Джона стало в последние дни слишком настойчивым, но, как бы то ни было, вскоре после ухода Сканлейна он позвал молодого человека в свою комнату.

— Мне кажется, — сказал он без предисловий, — что вам приглянулась моя Этти. Это верно, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — ответил Джон.

— Ну так я должен сказать вам, что вы опоздали.

— Она мне говорила.

— А фамилия другого вам известна?

— Я спрашивал, но она отказалась ее назвать.

— Потому что не хотела вас напугать.

— Напугать? — Макмэрдо так весь и вскипел.

— Да, дружище. И вовсе не зазорно бояться Теда Болдуина.

— Да кто он такой, черт возьми?

— Он начальник Чистильщиков.

— Опять Чистильщики! О них только и говорят здесь, причем всегда шепотом. Чего вы все боитесь? Кто эти Чистильщики?

Шефтер понизил голос, как и все здесь, кто вынужденно затрагивал эту тему:

— Чистильщики — старинный масонский орден.

— Но ведь я и сам масон!

— Вы? Зная это, я ни за что не пустил бы вас к себе в дом.

— Почему вы недолюбливаете орден? Он ставит перед собой цели милосердия и добра.

— Возможно, где-нибудь и так, но не у нас.

— А здесь?

— Это общество убийц.

Макмэрдо недоверчиво засмеялся.

— Где доказательства?

— Доказательства? А разве вам мало пятидесяти убийств? Судя по всему, вы даже не слышали о Милмэне, Ван-Шорсте, о семье Пиклсон, о старом мистере Эйме, о маленьком Билли Джеймсе и множестве других. Доказательства! В долине не найдется никого, будь то мужчина или женщина, кто не имел бы доказательств!

— Это простые сплетни, — возразил Макмэрдо.

— Прожив в нашем городе подольше, вы измените свое мнение. Впрочем, я забыл, что вы тоже один из них. Поэтому прошу вас подыскать себе другое помещение, мистер. С нас хватит ухажера Этти, которого мы не смеем выгнать. А уж среди своих жильцов я их терпеть не желаю. Следующую ночь вы должны провести уже под другой крышей.

Макмэрдо не только лишали комнаты, но и отдаляли от девушки, которую он искренне полюбил. Выйдя от старика, он застал Этти в гостиной и рассказал ей обо всем.

— Я не так уж огорчился бы, будь дело только в комнате,

— сказал он, — но, право, Этти, хотя я и знаю вас всего неделю, но жить без вас не могу!

— Замолчите, мистер Макмэрдо, — прервала его Этти. — Ведь я говорила вам, что вы опоздали. У вас на дороге стоит другой; правда, я не обещала ему выйти за него, но и сделаться невестой кого-либо еще я теперь уже не могу.

— А если бы я оказался здесь раньше? Мог бы тогда надеяться?

Этти закрыла лицо руками.

— Бог видит, что я хотела бы этого... — прошептала она, заливаясь слезами.

Макмэрдо опустил перед ней на колени. — Неужели из-за полуобещания вы погубите свое и мое счастье? Слушайте своего сердца: оно правдивее слов, сказанных в минуту, когда вы сами не знали, что говорите. Скажите, что вы согласны стать моей женой, и мы вместе пойдем навстречу судьбе.

— Но мы уедем отсюда?

— Нет, мы здесь останемся, дорогая, — и его руки на миг обняли ее.

— Но, Джон, тут оставаться нам нельзя. Увезите меня, пожалуйста.

На мгновение лицо Макмэрдо выразило колебание, но почти сразу оно стало жестким, словно гранит.

— Нет, я не трус и стану бороться за вас против всех на свете.

— Но почему бы нам не уехать?

— Я не могу сделать этого, Этти.

— Почему же?

— Я никогда не смогу смотреть людям в глаза, если буду знать, что меня выгнали откуда бы то ни было. Кроме того, чего нам бояться? Разве мы не свободные люди в свободной стране? Если мы любим друг друга, кто осмелится стать между нами?

— Вы не знаете, Джон... Вы пробыли здесь слишком короткое время, вы не знаете этого Болдуина, этого Макгинти и Чистильщиков вообще.

— Не знаю и не боюсь их, — ответил Макмэрдо. — Мне приходилось встречаться с самыми разными людьми, и я никогда никого не боялся, напротив, кончалось тем, что окружающие начинали опасаться меня. Но скажите, Этти, если Чистильщики, как говорит ваш отец, совершали в долине Вермиссы одно убийство за другим и если все знают их имена, то почему не предали преступников суду?

— Никто не решится выступить против них свидетелями. Любой из них не прожил бы и месяца. Кроме того, всегда найдется кто-нибудь из шайки, кто под присягой покажет, будто во время совершения преступления обвиняемый был в противоположной части долины.

— Я, правда, слышал кое-что и раньше о Чистильщиках, но считал все это выдумками. Может быть, Этти, у них есть оправдательные причины так поступать. Их что, преследуют и они не могут защититься другим путем?

— О Джон, замолчите! Именно такие слова я слышу от другого...

— От Болдуина?

— Да, и потому я презираю его. Джон, теперь я могу сказать вам правду: я всем сердцем ненавижу его и в то же время смертельно боюсь. Боюсь за себя и особенно за отца. Если бы я сказала Болдуину правду, на нас неминуемо обрушилась бы страшная беда. Поэтому мне пришлось отделаться от него хотя бы полуобещанием. Иного выхода не было. Если бы вы только согласились бежать со мной, Джон! Мы взяли бы с собой отца и где-нибудь вдаль зажили бы спокойно.

Лицо Макмэрдо снова отразило внутреннюю борьбу, и снова оно окаменело.

— Ничего дурного не случится ни с Вами, Этти, ни с вашим отцом. Что же до этих страшных людей... Наступит время, и вы поймете, что я не лучше самого дурного из них.

— Нет, Джон, я не верю в это и всегда буду доверять вам.

Макмэрдо с горечью рассмеялся.

— Как же мало вы обо мне знаете! Вы, с вашей невинной душой, не подозреваете, что во мне происходит...

В эту минуту дверь резко распахнулась, и в комнату развязно, с видом хозяина, вошел красивый молодой человек, приблизительно одних лет с Макмэрдо, схожий с ним ростом и

фигурой. Из-под широкополой шляпы, которую он не потрудился снять, виднелось лицо со свирепыми, властными глазами и орлиным носом. Смущенная и испуганная Этти тут же поднялась со стула.

— Я рада видеть вас, мистер Болдуин, — сказала она. — Пожалуйста, садитесь.

Упершись руками в бока, Болдуин остался стоять, неотрывно глядя на Джона.

— Кто это? — коротко бросил он.

— Мой друг, наш новый жилец. Мистер Макмэрдо, разрешите представить вам мистера Болдуина.

Молодые люди мрачно поклонились друг другу.

— Полагаю, мисс Этти сообщила вам о наших планах? — спросил Болдуин.

— Насколько я понял, вас с нею ничто не связывает.

— Да? Ну, теперь вы можете узнать другое. Я говорю вам, что эта девушка является моей невестой. Так что вам следует сейчас отправиться прогуляться и не путаться здесь под ногами... Тем более что вечер хорош, — добавил Болдуин с насмешкой в голосе.

— Благодарю, но я не расположен гулять.

— Нет? — Глаза Болдуина загорелись гневом. — Может, вам хочется подраться, мистер жилец?

— Очень, — откликнулся Макмэрдо, поднимаясь. — Вы не могли сказать мне ничего более приятного.

— Ради Бога, Джон, ради Бога, — задыхаясь, произнесла растерявшаяся Этти. — О Джон, он сделает что-нибудь ужасное!

— Ага, так он для вас уже «Джон»? — зарычал Болдуин. — Дело дошло до имен?

— Ах, Тед, будьте благоразумны! Если вы когда-нибудь меня любили, будьте великодушны!

— Мне кажется, Этти, если вы оставите нас вдвоем, мы быстро со всем покончим, — спокойно произнес Макмэрдо. — Или, может, вам, мистер Болдуин, угодно прогуляться со мной по улице? Отличная погода, и за первым поворотом есть удобный пустырь.

— Я расправлюсь с вами, не пачкая рук, — бросил Джону его враг. — В скором времени вы пожалеете, что вошли в этот дом.

— По-моему, сейчас самое подходящее время, — сказал Макмэрдо.

— Я сам выберу время. Смотрите, — он засучил рукав и показал на руке странный знак: выжженный круг с треугольником внутри. — Вы знаете, что это значит?

— Не знаю и знать не хочу.

— Так обещаю вам, что вы узнаете, не успев постареть. Может быть, мисс Этти скажет вам что-нибудь об этом клейме. А вы, Этти, вернетесь ко мне на коленях. Слышите? На коленях! И тогда я скажу вам, в чем будет заключаться ваша кара. Вы посеяли, и я позабочусь, чтобы вы сняли урожай.

Он с ненавистью посмотрел на них обоих, внезапно повернулся на каблуках, и в следующую секунду наружная дверь с шумом за ним захлопнулась.

Несколько мгновений Джон и Этти стояли молча, потом она обняла его.

— О Джон, как вы были смелы! Но все равно, вам надо бежать отсюда. И сегодня же! Вы ничего не можете поделать против людей, за которыми стоит Макгинти и все могущество логи.

Джон высвободился из объятий Этти, поцеловав ее, и усадил на стул.

— Полно, не беспокойтесь так обо мне. Я ведь тоже масон. Наверное, я не лучше остальных, а потому не принимайте меня за святого. Быть может, узнав правду, вы возненавидите меня тоже.

— Возненавидеть вас, Джон! Что вы! Почему я должна думать о вас плохо только из-за того, что вы принадлежите к ложе? Но если вы масон, Джон, почему вы не постарались заслужить расположение этого Макгинти? Поторопитесь сделать это! Поговорите с ним прежде Болдуина.

— Я сам подумал о том же, — сказал Макмэрдо, — и отправлюсь сейчас же. Скажите

вашему отцу, что сегодня мне еще придется переночевать у вас в доме, но что завтра я найду себе новое жилье.

Бар Макгинти, как всегда, был переполнен. Хозяин пользовался популярностью, и прежде всего потому, что неизменно носил маску весельчака. Кроме того, многих приводил сюда страх — никто не рискнул бы пренебречь его расположением. Причем не только в городе, но и во всей долине.

Помимо тайной силы, которой обладал Макгинти как глава ложи, он имел и власть официальную в качестве муниципального советника и инспектора дорог. Всем было ясно, какими путями он получил эти должности. Общественные работы в городе были запущены, зато налоги взимались самым тщательным образом. Благодаря же частым неточностям в отчетах, на которые все опасались обращать внимание, бриллианты в булавках хозяина бара год от года становились крупнее, а золотые цепочки на жилете — более тяжелыми.

Макмэрдо вошел в зал и оказался в густой толпе, насыщавшей воздух табачным дымом и спиртными ароматами. Помещение освещалось множеством ламп, отражавшихся в расставленных вдоль стен огромных зеркалах в тяжелых золоченых рамах. За прилавками усиленно трудились официанты в жилетах и без галстуков. В глубине, опершись на стойку, стоял высокий и полный человек, во рту которого торчала неизменная сигара. Голову исполина украшала густая грива волос, спускавшаяся до воротника, а лицо до скул заросло бородой. Оно было смуглое, словно у южанина. Однако самым примечательным его отличием являлись странные немигающие черные глаза; отсутствие в них естественного блеска придавало всему лицу затаенно-зловещее выражение. Между тем все остальное у этого человека вполне соответствовало маске веселого задушевного малого. В первый момент каждый сказал бы, что Макгинти удачливый, честный делец с открытым сердцем. Только когда его темные безжизненные глаза впивались в человека, тот внутренне содрогался, почувствовав, что за ними скрыта целая бездна зла, соединенного с силой и хитростью.

Джон издали разглядел хозяина бара, а затем со свойственной ему смелостью принялся локтями пробивать себе дорогу к нему. Протолкавшись сквозь группу льстецов, теснившихся около стойки, он остановился перед ним, не опустив глаза под пристальным взглядом.

— Черт меня побери, если я встречал вас прежде, — недружелюбно произнес глава ложи Вермиссы.

— Я здесь недавно, мистер Макгинти.

— Не настолько недавно, чтобы не знать, как следует меня именовать.

— Это советник Макгинти, — сказал кто-то из окружения.

— Извините, советник. Я незнаком с местными обычаями, но мне посоветовали повидать вас.

— Ну что ж, вы видите меня. И что вы думаете обо мне?

— Трудно так сразу ответить. Скажу лишь, что если ваше сердце так же велико и прекрасно, как лицо, то ничего другого и желать нельзя.

— У вас хорошо подвешен язык! Значит, вы одобряете мою наружность?

— Конечно, сэр, — сказал Макмэрдо.

— И вам посоветовали прийти ко мне?

— Да.

— Кто же это сделал?

— Брат Скэнлейн... А теперь я хочу выпить за ваше здоровье, советник, и за наше дальнейшее знакомство. — Джон поднес к губам поданный ему стакан и, осушая его, подчеркнул отставил мизинец.

Следивший за ним Макгинти приподнял густые черные брови.

— Ах, вот как? — сказал он. — Видно, мне придется поближе познакомиться с вами, мистер...

— Макмэрдо.

— Мы здесь не доверяем словам, мистер Макмэрдо. Извольте следовать за мной.

Они прошли в маленькую комнатку. Макгинти запер за собою дверь, уселся на одну из

бочек, заполнявших комнату, молча поглядывая на Джона.

Макмэрдо, не смущаясь, вынес осмотр. Одну руку он опустил в карман пиджака, другой покручивал свой каштановый ус. Неожиданно Макгинти вытащил из-за пояса револьвер.

— Вот что я должен вам сказать. Если я увижу, что вы затеваете с нами какую-нибудь игру, то вам недолго придется ее вести.

— Странный прием вы мне оказываете, — ответил Макмэрдо с вызовом. — Особенно для мастера ложи по отношению к новоприезжему брату.

— Вот как раз этот факт и нужно доказать, — ответил Макгинти. — А если не докажете, то вам не поможет сам сатана. Где вы были посвящены?

— В двадцать девятой ложе в Чикаго.

— Когда?

— Двадцать четвертого июня тысяча восемьсот семьдесят второго года.

— Кто был мастер?

— Джеймс Скотт.

— Кто управляет вашей областью?

— Бартоломью Уилсон.

— Гм, вы отвечаете довольно уверенно. Что вы здесь делаете?

— Работаю, как вы, но пока поменьше вас.

— Вы так же скоры на руку, как на ответы?

— Знавшие меня люди утверждали именно так.

— Ну что ж, может, мы испытаем вас скорее, чем вы думаете. Вы слыхали что-нибудь о нашей ложе?

— Я слышал, что в ваше братство может вступить только мужественный человек.

— Правильно, мистер Макмэрдо. Почему вы уехали из Чикаго?

— Повесьте меня раньше, чем я вам это скажу.

Глаза Макгинти широко открылись. Он не привык к таким ответам, и слова Джона несказанно удивили его.

— Почему вы не хотите довериться мне?

— Потому что брат не может лгать брату.

— Значит, правда такого рода, что о ней даже не стоит говорить?

— Вот именно.

— Тогда не ждите, чтобы я как мастер ввел в ложу человека, за прошлое которого не могу отвечать.

На лице Макмэрдо отразилось раздумье. Потом он вынул из кармана измятую газетную вырезку.

— Вы правы, советник, — мягко заметил Макмэрдо. — Я знаю, что без опасения могу отдать себя в ваши руки. Прочтите эту заметку в газете.

То было сообщение об убийстве в ресторане «Озеро» на рыночной улице Чикаго в первый день нового 1874 года. Там был застрелен какой-то Джонас Пинт. Макгинти быстро пробежал вырезку глазами.

— Ваша работа? — спросил он, возвращая ее Макмэрдо.

Тот кивнул головой.

— Почему вы застрелили его?

— Я, видите ли, помогал дяде Сэму делать доллары. Может, мои монетки и не были такой чистой пробы, как его, но вполне походили на них и обходились дешевле. Этот Пинт катал их...

— Что он делал?

— Пускал в обращение, но как-то он решил меня шантажировать и стал грозить доносом. Я не поддался на угрозы, убил его и отправился сюда.

— Почему сюда?

— В газетах писали, что люди здесь не особенно разборчивы.

Макгинти засмеялся.

— Сначала вы были фальшивомонетчиком, затем убийцей и решили, что здесь вас охотно примут?

— Приблизительно так.

— Наверное, вы далеко пойдете. Скажите, а вы еще не разучились выделывать доллары? Макмэрдо вынул из кармана несколько монет.

— Они вышли не из государственного монетного двора, — бросил он небрежно.

— Неужели? — огромной волосатой рукой Макгинти поднес фальшивые доллары к свету. — Не вижу никакой разницы. Думается, вы сможете стать полезным братом. Смелости у вас, кажется, хватает — вы даже не сморгнули, когда я навел на вас дуло револьвера.

— Да ведь не я был в опасности.

— А кто же?

— Вы, советник. — Из кармана своего пиджака Макмэрдо вытащил револьвер с взведенным курком. — Я все время целился в вас, и, думаю, мой выстрел предупредил бы ваш. Краска гнева залила лицо главы ложи, но затем он разразился хохотом:

— Давно мне не приходилось встречать такого молодца! Уверен, ложа будет гордиться вами. Черт возьми! — внезапно закричал он в ответ на стук в дверь. — Что вам нужно? Неужели я не могу поговорить наедине с джентльменом, чтобы кто-нибудь не помешал?

Вошедший приказчик смущенно пробормотал:

— Извините, советник, но мистер Тед Болдуин хочет немедленно поговорить с вами.

Извинение его было напрасным — лицо Болдуина выглядывало из-за его плеча. Он вытолкнул приказчика за порог, вошел в комнатку и запер за собою дверь.

— Итак, — произнес Болдуин, бросая свирепый взгляд на Макмэрдо, — вы пришли сюда раньше меня. Советник, мне надо сказать вам пару слов об этом человеке.

— Что ж, вы можете сказать их при мне, — сказал Макмэрдо.

— Скажу, когда и как захочу!

— Потише, — остановил его Макгинти, поднимаясь с бочки.

— Это никуда не годится, Болдуин, мы не должны так недружелюбно встречать нового брата. Протяните ему руку — и конец всему.

— Никогда! — злобно закричал Болдуин.

— Рассудите нас, советник, — произнес Макмэрдо.

— В чем причина ссоры? — с недовольством спросил Макгинти.

— Молодая девушка.

— Она имеет право выбора.

— Неужели? — закричал Болдуин.

— Между двумя братьями ложи — да, — сказал Макгинти.

— Это ваше решение?

— Да, Тед Болдуин, — сказал Макгишм и посмотрел на него недобрый взглядом. — Вы собираетесь его оспаривать?

— Конечно. Вы отталкиваете человека, который помогал вам целых пять лет, ради парня, который только что появился у нас. Так не пойдет. Джек Макгинти, вы не пожизненный мастер, и на будущих выборах...

Советник прыгнул на него, словно тигр. Сильные руки сжали шею Болдуина и повалили его на одну из бочек. Дело кончилось бы плохо, не вмешайся Макмэрдо.

— Осторожней, советник, пожалуйста, осторожней, — сказал он, оттаскивая хозяина бара от его жертвы.

Пальцы мастера разжались. Укрощенный Болдуин, хватая ртом воздух, сел на бочку.

— Вы давно напрашивались на это, Тед Болдуин. Вам, должно быть, снится, как меня забаллотировуют и вы займете мое место? Но пока что я стою во главе ложи, ясно? И никому не позволю распорядиться вместо меня и перечить мне!

— Я против вас ничего не имею, — пробормотал Болдуин, растирая шею.

— В таком случае, — сказала Макгинти, стараясь казаться добродушным и веселым, — мы все друзья, и дело с концом.

Он взял с полки бутылку шампанского и откупорил ее.

— Выпьем примирительный тост ложи. После него, как вы знаете, не может остаться затаенной вражды. Ну, теперь левую руку на мою правую. Спрашиваю вас, Тед Болдуин: в чем обида, сэр?

— Тучи тяжелые нависли, — ответил тот.

— Но они рассеются навеки.

— Клянусь!

Они выпили вино, та же церемония повторилась с Джоном.

— Ну вот, со всем покончено, — произнес Макгинти, потирая руки. — Если вражда не утихнет, ложа расстанется с вами. Брату Болдуину это известно, и вы, Макмэрдо, тоже узнаете, что я слов на ветер не бросаю. Так что не вздумайте мутить здесь воду.

— Клянусь, я не ищу ссоры, — ответил Макмэрдо, протягивая руку Болдуину.

Болдуину пришлось пожать протянутую руку: взгляд главы ложи был устремлен на него. Однако его мрачное лицо свидетельствовало, что слова Джона не произвели на него никакого впечатления. Макгинти ударил обоих по плечу.

— Уж мне эти девушки! — сказал он. — Только подумать, что одна и та же красотка замешалась между двумя моими молодцами. Это штучки дьявола. Ну, пусть красавица сама решит вопрос. Такие вещи, слава Богу, не входят в круг обязанностей мастера. У нас и без женщин достаточно хлопот. Брат Макмэрдо, вы будете введены в ложу. Здесь у нас свои обычаи, непохожие на чикагские. Собрание братства состоится вечером в субботу.

3. ЛОЖА 341

На следующий день Макмэрдо переселился из дома старого Джейкоба Шефтера в меблированные комнаты вдовы Макнамара, находившиеся на краю города. Его знакомый Сканлейн вскоре переехал в Вермиссу и поместился там же. У старухи не было других жильцов. Она предоставляла двоих друзей самим себе, и они могли распоряжаться в доме как им было угодно. Шефтер немного смягчился и позволил Джону приходить к нему обедать, так что свидания с Этти не прекратились. Со временем они все больше сближались.

На новой квартире Макмэрдо чувствовал себя в полной безопасности. Он вытащил свои инструменты для выделывания фальшивых монет и, взяв слово не разглашать тайну, даже показывал их некоторым братьям из ложи. При этом каждый Чистильщик уносил с собою по нескольку монет его чеканки. Они были сделаны так искусно, что пускать их в обращение можно было безо всякого опасения. Товарищи Джона удивлялись, чего ради он снисходил до какой-либо работы, но Макмэрдо объяснял всем, что, живя не трудясь, он снова привлек бы к себе внимание полиции.

Вскоре у него и в самом деле вышло столкновение с одним полицейским, но оно принесло ему больше добра, чем зла. После первого знакомства с главой ложи Макмэрдо почти каждый вечер заходил в Дом союза. Смелые речи и здесь завоевали ему общие симпатии. Происшедший случай еще больше укрепил их.

Как-то вечером, в час, когда в баре обычно особенно много народу, в открывшуюся дверь вошел человек в синем полицейском мундире. Все замолчали, и на вошедшего устремилось множество любопытных взглядов. Только Макгинти сохранял полное спокойствие и не выразил никакого удивления, когда инспектор подошел к его прилавку.

— Дайте чистого виски. Холодная ночь, — сказал полицейский. — Кажется, мы еще не знакомы с вами, советник?

— Вы новый инспектор? — вопросом ответил ему Макгинти.

— Да. Мы надеемся, что вы, советник, и другие выдающиеся граждане помогут нам поддерживать закон и порядок в городе. Я капитан Мервин.

— Нам и без вас было неплохо, капитан, — холодно заметил Макгинти. — У нас вполне хватало и своих полицейских.

— Ну, не будем ссориться, — добродушно заметил инспектор. — Все мы исполняем свои

обязанности, как их понимаем... Только у нас различные взгляды. — Он допил виски, повернулся, чтобы уйти, и в эту минуту увидел хмурое лицо Макмэрдо, который стоял невдалеке. — Ого! — произнес Мервин, оглядывая того с ног до головы. — Старый знакомый!

Макмэрдо выразил заметное недовольство.

— Вот уж никогда не дружил ни с кем из фараонов!

— Знакомый — не всегда друг, — с широкой улыбкой ответил полицейский. — Вы Джон Макмэрдо из Чикаго, не так ли? Отрицать этого вы не станете?

Джон пожал плечами.

— И не подумаю. Уж не полагаете ли вы, что я стыжусь своего имени?

— Могли бы постыдиться.

— Черт возьми, что вы хотите сказать? — повысил голос Макмэрдо, сжав кулаки.

— Только то, что до приезда в эту угольную яму я служил в Чикаго. Тамошних молодчиков знаю всех наперечет.

— Неужели вы тот самый Мервин из чикагского центрального управления?

— Тот самый, и мы там не забыли застреленного Джонса Пинто.

— Я его не убивал!..

— Вот как! Во всяком случае, его смерть оказалась вам необыкновенно на руку, не то вам плохо пришлось бы за кругляшки. А теперь прямых свидетелей против вас не существует. Так можете возвращаться в Чикаго.

— Мне и здесь хорошо.

— Все же, молодой человек, я бы на вашем месте поблагодарил за такое сообщение.

— Спасибо, — буркнул Макмэрдо.

— Смотрите, только не вздумайте опять приняться за старое. Предупреждаю вас. А теперь желаю всем спокойной ночи.

Он ушел из бара, сотворив нового героя. О подвигах Макмэрдо в Чикаго давно уже шептались, но при расспросах он отделялся лишь неопределенной улыбкой. Теперь слухи получили официальное подтверждение. Посетители бара окружили Джона и горячо жали ему руку, наперебой угощая виски. Джон мог не пьянея выпить очень много, но в этот вечер, не будь с ним Сканлейна, он вряд ли благополучно добрался бы до постели.

В субботу вечером Макмэрдо был введен в ложу. Ему казалось, что он, уже посвященный в члены братства, войдет в ложу Вермиссы без дополнительных церемоний, но в долине существовали свои собственные обряды.

В самой Вермиссе насчитывалось около шестидесяти членов братства, однако это была лишь часть организации: в других городках долины существовало еще несколько лож. В случае необходимости они обращались друг к другу за помощью.

Ложа собралась в большой комнате дома Макгинти, отведенной специально для таких заседаний. В комнате стояло два продолговатых стола. Чистильщики собрались около одного из них, другой был заставлен бутылками и стаканами, и многие на него вожделенно поглядывали. На председательском месте восседал Макгинти, плоская черная бархатная шапочка прикрывала ему спутанную черную гриву, на груди висел кусок малиновой материи. Справа и слева от него помещались украшенные шарфами или перевязями братья высших степеней. Между ними находился и Тед Болдуин. На его красивом, но жестоком лице читалось сосредоточенное внимание. Остальные были почти все людьми зрелого возраста. К рядовым же членам ложи принадлежали большей частью парни лет восемнадцати — двадцати. Смотря на них, трудно было поверить, что это члены опасной шайки убийц, искренне гордящиеся своими кровавыми репутациями.

Жертвами Чистильщиков один за другим падали люди, неугодные ложе или опасные для нее. В это число попадали все, кто отказывался делать «добровольные» взносы в кассу ложи, или те, кто пытался разоблачить ее деятельность. Чистильщики начинали с шантажа, а если он не приносил успеха, то без малейших колебаний кончали поджогами и убийствами. Некогда они действовали осторожно, стараясь соблюдать тайну, но, очевидно, бессилие полиции вскоре развязало им руки. К тому же они быстро запугали всю долину. Никто не

решался давать против них показания, а если дело все же доходило до суда, у них всегда оказывалось достаточно свидетелей защиты. Полная касса позволяла в этих случаях не стесняться в расходах. Десять лет продолжалась деятельность ложи, и за эти десять лет ни один член ее не был осужден. Единственная опасность для Чистильщиков могла исходить только от самой жертвы. Как бы скрыто они ни готовились к «операции» и как бы неожиданно ни нападали, защищающийся мог в отчаянии нанести им урон, хотя бы кого-нибудь ранить. Что порой и происходило.

Придя в ложу, Макмэрдо уже знал, что ему предстоит какое-то испытание, но никто не сообщил ему, в чем оно состоит. Двое братьев торжественно отвели Джона в соседнюю комнату. Из-за дощатой перегородки до него доносился гул голосов. Он несколько раз слышал свое имя и понял, что обсуждается его кандидатура. Наконец дверь отворилась, и к Макмэрдо подошел незнакомец с зеленым, затканым золотом шарфом через плечо.

— Мастер приказал засучить вам рукав, завязать глаза и ввести в залу собрания, — сказал он и вместе с другими двумя братьями снял с Макмэрдо пиджак, завернул до локтя правый рукав рубашки, повыше локтей стянул веревкой руки и наконец надел на голову черный капюшон. Затем его повели.

Джону казалось, что он двигается в полной темноте, ему было душно, и голос заговорившего с ним Макгинти прозвучал глухо.

— Джон Макмэрдо, — произнес этот голос, — вы уже принадлежите к старинному ордену масонов?

В знак утверждения Макмэрдо поклонился.

— Ваша ложа в Чикаго номер двадцать девять?

Новый поклон.

— Темные ночи неприятны.

— Да, для странствующих иностранцев.

— Тучи тяжелы.

— Да, подходит буря.

— Довольны ли вы, братья? — спросил мастер.

Ему ответил утвердительно гул голосов.

— По вашим ответам, брат, мы видим, что вы действительно принадлежите к братству. Однако в нашей ложе принят особый ритуал. Готовы ли вы подвергнуться испытанию?

— Готов.

— Твердое ли у вас сердце?

— Твердое.

— В доказательство сделайте шаг вперед.

В то же мгновение Макмэрдо ощутил давление на глаза и понял, что их касаются два острия. Казалось, ступи он вперед — и с глазами распротится. Однако он заставил себя двинуться — и мгновенно перестал ощущать давление. Снова послышался гул одобрения.

— У него твердое сердце, — произнес голос. — Способны ли вы переносить боль?

— Не хуже других.

— Испытайте его.

Макмэрдо едва удержался от крика: жгучая, мучительная боль пронзила его руку. Он чуть не потерял сознание, но крепко сжал кулаки и закусил губу, чтобы сдерживать даже самый легкий стон.

— Я мог бы стерпеть и большее, — сказал он.

Послышались восхищенные голоса, чьи-то руки похлопывали его по спине. Потом с него сняли капюшон. Некоторое время Джон стоял без движения, шурясь на свет и стараясь улыбаться.

— Последнее слово, Макмэрдо, — сказал Макгинти. — Вы уже принесли клятву хранить тайну и не нарушать верности. Знаете ли вы также, что кара за нарушение клятвы — немедленная смерть?

— Да.

— И вы подчинитесь власти мастера при всяких обстоятельствах?

— Подчинюсь.

— Итак, от имени триста сорок первой ложи Вермиссы я даю вам все права и привилегии братства. Поставьте вино на стол, брат Сканлейн, и мы выпьем за здоровье нашего достойного брата.

Макмэрдо принесли его пиджак, но, прежде чем надеть его, он посмотрел на свою правую руку. На предплечье краснело глубокое, выжженное железом клеймо: круг и в нем треугольник. Двое-трое его соседей показали ему такие же знаки.

— Нас всех клеймили, — сказал один, — но не все мы так храбро вынесли это, как вы.

— О, пустяки, — ответил Макмэрдо. Он пренебрежительно улыбнулся, хотя рука его горела.

Когда выпили за нового члена ложи, началось обсуждение очередных дел. Макмэрдо слушал во все уши.

— Первым пунктом в моей записной книжке, — сказал Макгинти, — значится чтение письма мастера Уиндла из Джилмертонской ложи номер двести сорок девять. Вот что он пишет: «Дорогой сэр, необходимо закончить одно дело с Эндрю Рэ из фирмы „Рэ и Стермиш“, которой принадлежат угольные копи неподалеку. Ваша ложа обязана нам помочь: вы пользовались услугами двоих наших братьев прошлой осенью, во время дела с полицейским. Если вы пришлете двух способных людей, они поступят в ведение казначея Хиггинса, адрес которого вам известен. Он им сообщит, где и когда действовать. Ваш Д. В. Уиндл». Уиндл никогда не отказывался нам прислать одного-двух молодцов, — добавил Макгинти, — и мы тоже не можем отказать ему. — Он обвел комнату своими тусклыми глазами. — Кто вызовется добровольно на дело?

Многие молодые люди подняли руки. Мастер посмотрел на них и одобрительно улыбнулся.

— Вы годитесь, Тигр Кормак. Если вы будете действовать так же хорошо, как в прошлый раз, вы окажетесь нелишним. Вы тоже, Уилсон?

— Только у меня нет револьвера, — сказал Уилсон, совсем еще юноша.

— Ваше первое дело, не так ли? Что ж, надо вам когда-нибудь получить крещение кровью. Отличное начало для вас. А револьвер, конечно, вы получите, когда придете сюда в понедельник.

— А награду мы получим? — спросил Кормак, коренастый смуглый молодой человек с грубым лицом. Тигр — это была, очевидно, его кличка, свидетельствующая об особой кровожадности.

— Не беспокойтесь об этом. В шкатулке наверняка найдется для вас несколько долларов.

— А что сделал этот человек? — спросил Уилсон.

— Вам не следует задавать подобные вопросы. Его осудили там, на месте. За что — это не наше дело, мы должны только помочь им, как они помогли бы нам. На будущей неделе к нам приедут два брата из Джилмертонской ложи, чтобы поработать в наших местах.

— Кто именно?

— Лучше не задавать таких вопросов. Ничего не зная, вы ничего не сможете показать, если дойдет до допроса в полицейском участке. Следовательно, не причините вреда ни другим, ни себе. Я знаю одно: эти братья чисто выполняют задания.

— Давно пора заняться делом, — произнес Тед Болдуин. — А то здесь люди совсем осмелели. Дошло до того, что на прошлой неделе десятник Блейкер даже выгнал из своего дома троих наших ребят. Его пора учить, и он сполна получит заслуженное.

— Что он получит? — шепотом спросил Макмэрдо своего соседа.

— Заряд свинца, — со смехом ответил тот. — Что вы скажете о наших порядках, брат?

— Они мне по душе, — ответил Макмэрдо. — Тут у вас самое место для смельчака.

Несколько Чистильщиков, сидевших рядом, услышали его слова и зааплодировали.

— Что происходит? — крикнул мастер с противоположного конца стола.

— Новый брат, сэр, находит наши обычаи по своему вкусу. Макмэрдо поднялся с места.

— Почтенный мастер, я хотел бы сказать, что, когда вам понадобится человек, я почту за честь помочь ложе.

Ему снова заплодировали. Некоторые из старших сочли, что новая звезда поднимается на горизонте слишком уж быстро.

— Я хотел бы заметить, — сказал сидевший рядом с председателем секретарь Гарвей, седой человек с лицом коршуна,

— что брату Макмэрдо следовало бы подождать, пока сам мастер найдет нужным послать его на работу.

— Не беспокойтесь, ваша очередь наступит, брат, и очень скоро, — сказал председатель. — Во всяком случае, мы отметили вашу готовность. Если хотите, можете принять участие в маленьком деле даже сегодня ночью.

— Я с радостью.

— Тогда можете сегодня поработать.

Макгинти снова заглянул в список.

— Теперь переходим к следующему пункту. Выслушаем отчет казначей. Что у нас в кассе? Необходимо оказать помощь вдове Джима Карнавэ. Он погиб, работая для ложи, и мы обязаны позаботиться о его семье.

— Джима застрелили в прошлом месяце, когда братья собирались убить Честера Уилкса, — сообщил Макмэрдо его сосед.

— С кассой все обстоит хорошо, — сказал казначей, держа перед собой отчетную книгу. — Последнее время все фирмы не скупилась. «Макминдер и К^о» заплатили пятьсот; братья Уокер прислали сотенную бумажку, но я самолично вернул ее и потребовал пятисотенную. Если я не получу денег к среде, их мельничный привод непременно испортится. Нам пришлось сжечь их плотину в прошлом году, чтобы заставить их образумиться. Затем Западная угольная компания прислала свой ежегодный взнос. В кассе достаточно денег, и мы можем выполнить все наши обязанности.

— А как обстоит дело с Арчи Свиндоном? — спросил кто-то.

— Он продал все и уехал. Старый дьявол оставил нам записку, в которой говорит, что охотнее станет подметать улицы в Нью-Йорке, чем останется крупным владельцем копей под властью шантажистов. Он умно сделал, что улизнул раньше, чем записка попала к нам в руки. Я думаю, он в долине больше не покажется.

Старый человек с бритым лицом и большим чистым лбом поднялся с противоположного председательскому месту конца стола.

— Казначей, — начал он, — позвольте спросить, кто купил собственность человека, которого мы вытеснили из этой области?

— Брат Моррис, ее, разумеется, купила Джилмертонская железнодорожная компания.

— А кто купил копи «Тодмэна и Ли», которые продавались в прошлом году?

— Та же компания, брат Моррис.

— Кто купил прокатный завод Манса и Шумана, а также компанию «Ван Дегер и Этвуд»?

— Все они приобретены Джилмертонской фирмой.

— Я не думаю, брат Моррис, — сказал Макгинти, — чтобы нам было важно знать, кто купил эти участки и заводы, раз новые владельцы не могут увезти их из округа.

— Достопочтенный мастер, боюсь, что это имеет для нас немалое значение. Вот уже десять лет мы вытесняем отсюда мелких предпринимателей. А на их месте появляются крупные компании. Директора их живут в Нью-Йорке или в Филадельфии и нисколько не боятся наших угроз. Мы можем, конечно, тянуть деньги с их местных представителей и даже изгонять неподатливых. Но на места последних не преминут приехать новые. При этом будет вызвано недовольство хозяев крупных компаний. Боюсь, они не пожелают делиться с нами своими прибылями и решат объединиться против нас. Тут уж они не пожалеют издержек, лишь бы отправить неугодных им людей на виселицу.

Моррис сел. Собрание затихло. Поднялся Макгинти.

— Вы вечно каркаете, брат Моррис. Пока участники ложи сплочены, им не страшен никто в Штатах. Разве мы не доказывали этого в судах? А что до крупных компаний, мне кажется, они должны быть нам благодарны. Полагаю, что они найдут более удобным платить нам, нежели с нами бороться. Однако, братья, — Макгинти снял с себя бархатную шапочку и лоскут, — ложа закончила рассмотрение очередных дел. Правда, у нас остается еще одно маленькое дело: теперь наступило время для братской закуски и пения.

Удивительна человеческая природа! Зал наполняли люди, привыкшие к убийству, не испытывавшие сострадания ни к рыдающей вдове, ни к беспомощным детям. Но мелодии зазвучавших знакомых песен заставили некоторых даже прослезиться. У Макмэрдо был прекрасный тенор, и он принял участие в импровизированном концерте, исполнив «Я сижу на изгороди, Мэри» и «На мелях алландских вод». В первый же вечер новый брат сделался одним из самых популярных Чистильщиков. Бутылки с виски несколько раз обходили вокруг стола, лица собравшихся покраснелись. В это время глава ложи снова обратился к ним:

— Ребята, в городе живет человек, которого пора укротить. Я имею в виду Джеймса Стейнджера, редактора «Гералда». Читали вы, что он снова написал о нас? — Макгинти вынул из кармана газету. — Статья называется «Закон и порядок». Слушайте: «В долине царствует кровавый террор. Со времени первых убийств прошло двенадцать лет, и с тех пор преступления не прекращаются. То, до чего мы теперь дошли, вызывает ужас во всем цивилизованном мире. Разве ради этого наша родина принимает к себе иммигрантов? Террор и беззаконие свили себе гнездо в тени священного звездного флага свободы. Имена преступников известны, их организация действует открыто. Долго ли мы будем еще терпеть? Неужели нам вечно предстоит жить...» Ну, я прочитал достаточно этой дряни, — завершил Макгинти, отшвырнув газету. — Я спрашиваю вас, как мы должны поступить с этим мерзавцем?

— Уничтожить его! — воскликнуло несколько голосов.

— Я против, — поднялся со стула Моррис. — Повторяю, братья, наша рука слишком сильно давит долину, и наступит время, когда люди против нас объединятся. Джеймс Стейнджер — старик. Его уважают в городе и во всей округе. Если он будет убит, вся долина взволнуется, и нас самих могут уничтожить.

— А скажите, пожалуйста, как это они смогут сделать? — возразил Макгинти. — Руками полиции? Так одна половина полицейских — у нас на жалованье, а другая — нас боится. Или, может, с помощью судов и судей? А?

— Существует и закон Линча... — произнес Моррис.

В зале зашумели.

— Стоит мне захотеть, — сказал Макгинти, — и я соберу двести человек, которые очистят весь город. — И вдруг, усилив голос и грозно сдвинув черные густые брови, он произнес: — Смотрите, брат Моррис, я слежу за вами уже не первый день. В вас нет смелости, и вы стараетесь лишить мужества других. Плохо придется вам, когда ваше собственное имя появится в моих списках.

Моррис побледнел и опустил на стул. Дрожащей рукой он поднял стакан, но прежде чем заговорить, сделал несколько глотков.

— Прошу извинения у вас, достопочтенный мастер, и у всех братьев, если я сказал что-нибудь не так. Вы все знаете, что я боюсь только, как бы с ложей не случилось чего плохого. Именно этот страх заставил меня произнести неосторожные слова. Но ведь я больше доверяю вашим суждениям, достопочтенный мастер, нежели своим собственным! И обещаю... обещаю больше никогда... — Он смешался.

Услышав эти смиренные слова, Макгинти, видимо, удовлетворился, во всяком случае перестал хмуриться.

— Отлично, брат Моррис. Мне самому было бы грустно, если бы нам пришлось преподавать вам урок. Но пока я занимаю свое место, мы должны хранить единство как в словах, так и в делах. А теперь, ребята, — продолжал он, — вот что я скажу вам; если мы накажем Стейнджера по всей строгости, то, возможно, и в самом деле навлечем на себя неприятности.

Газетчики держатся друг за друга, и все газеты в штате подняли бы крик, взывая к полиции и к войскам. Но проучить его как следует необходимо. Возьмете это на себя, брат Болдуин?

— С радостью, — ответил тот.

— Скольких братьев вы возьмете с собой?

— Шестерых. Двое останутся сторожить у дверей. Пойдете вы, Гойер, вы, Менсел, вы, Сканлейн, оба брата Уилбей...

— Я обещал новому брату, что он тоже пойдет, — заметил председатель.

Тед Болдуин посмотрел на Макмэрдо, и его взгляд показывал, что он ничего не забыл и не простил.

— Пусть идет, если хочет, — мрачно ответил Болдуин. — И чем скорее мы займемся делом, тем лучше.

Ложа стала расходиться — с шумом, с полупьяными выкриками. В баре было еще много посетителей, и некоторые братья к ним присоединились. Маленький отряд, получивший задание, разделился и двинулся самыми глухими улицами, чтобы не привлечь к себе внимания. Стоял сильный мороз, в ясном небе висела молодая луна. Чистильщики собрались у ярко освещенного здания с золотой вывеской над парадным подъездом: «Гералд Вермиссы». Из здания слышался шум работающей печатной машины.

— Эй, вы, — сказал Болдуин Макмэрдо, — стойте внизу у дверей и следите, чтобы путь для отступления был свободен. С вами может остаться Артур Уилбэй. Остальные — за мной. Не бойтесь никого: дюжина свидетелей подтвердит, что в эту минуту мы находились в Доме союза.

Приближалась полночь, прошли последние редкие прохожие. Открыв дверь редакции, Болдуин и его спутники взбежали по лестнице. Макмэрдо и Уилбэй остались внизу. Полминуты спустя сверху послышались крики, призыв на помощь, топот, стук падающей мебели. Затем на площадку лестницы выбежал седой человек. Но его догнали, очки несчастного полетели и со звоном разбились у ног Джона. Старик упал, и тут же шесть палок застучали по его спине. Он корчился, стонал, его длинные худые ноги и руки вздрагивали под ударами. Наконец он затих. Все, кроме Болдуина, отошли, но тот, с лицом, искаженным злобой, все продолжал бить старика по голове. Макмэрдо взбежал по лестнице и схватил Болдуина за руку.

— Вы убьете его, — сказал он. — Хватит!

Болдуин с бешенством взглянул на него и выдернул руку.

— Кто вы такой, чтобы вмешиваться? Прочь! — Он опять поднял палку, но Макмэрдо выхватил револьвер.

— А ну поосторожней, — сказал он. — Не советую поднимать на меня руку, не то дело кончится плохо. А что до него, то разве мастер не запретил убивать этого человека?

— Он дело говорит, — сказал один из шайки.

— Бегите! — закричал снизу Уилбэй.

В первом этаже, в типографии, услышали крики. Несколько наборщиков и метранпаж выскочили на нижнюю площадку. Чистильщики оставили неподвижного старика и бросились вниз. Кое-кто побежал обратно в бар, остальные, в том числе и Макмэрдо, снова рассыпались по темным улицам и кружными путями отправились домой.

4. ДОЛИНА УЖАСА

На следующее утро Макмэрдо прежде всего вспомнил о своем вступлении в ложу. И неудивительно: рука у него распухла и воспалилась, сильно болела голова. Поздно позавтракав, он сел за письмо одному приятелю. Принесли свежий «Гералд». Внизу была напечатана заметка под названием «Преступление в редакции „Гералда“». Она вкратце сообщала о вечернем нападении и кончалась словами: „Дело передано полиции, однако вряд ли можно надеяться, что расследование приведет к каким-либо результатам. Многочисленным друзьям Стейнджера мы сообщаем, что, хотя он был жестоко избит и получил несколько

повреждений головы, жизнь его вне опасности“.

Макмэрдо положил газету, его рука слегка дрожала, наверное, потому, что слишком много выпил вчера. Он стал закуривать трубку, когда в дверь комнаты постучалась и вошла хозяйка. Она передала ему записку, только что принесенную мальчиком-рассыльным. Макмэрдо сразу взглянул на подпись, но ее не было. Текст гласил: «Мне нужно поговорить с вами, но не у вас в доме. Мы можем встретиться у флагштока на Мельничном холме. Если вы придете туда сейчас, я сообщу кое-что важное и для вас и для меня».

Макмэрдо дважды перечитал эти строки, но они ничего не сказали ему о возможном их авторе. Поразмыслив, он все же решил пойти на встречу.

Мельничным холмом назывался небольшой запущенный парк в центре города. Летом его наполняли гуляющие, зимой же он был пуст и представлял собою унылое место. С вершины холма, на котором был разбит парк, открывался вид не только на город, но и на уходящую вниз извилистую долину, покрытую черным от копоти и угольной пыли снегом, и на лесистые горы. Макмэрдо пошел вверх по дорожке, обсаженной с обеих сторон елками, и наконец добрался до закрытого ресторана в середине парка. Рядом с рестораном виднелся пустой флагшток, а под ним стоял человек в пальто с поднятым воротником и в низко опущенной шляпе. Он повернулся на звук шагов, и Макмэрдо с удивлением узнал Морриса. В виде приветствия они обменялись сигналами ложи.

— Мне хотелось поговорить с вами, мистер Макмэрдо, — сказал Моррис с неуверенностью. — Спасибо, что вы приняли мое приглашение.

— Почему вы не подписались?

— Необходима осторожность; в наше время не знаешь, кому можно доверять, а кому нет.

— Братьям по ложе следует доверять.

— Ну, не всегда, — с горячностью возразил Моррис. — Все, что мы говорим, и даже все, что думаем, передают мистеру Макгинти.

— Послушайте, — с недовольством сказал Макмэрдо, — вам известно, что я только вчера клялся в верности мастеру. Вы хотите, чтобы я нарушил свою клятву?

— Плохи же у нас дела, если свободные граждане не смеют высказывать свои мысли, разговаривая с глазу на глаз.

Макмэрдо, пристально наблюдавший за собеседником, казалось, смягчился.

— Как вам известно, я здесь недавно и плохо знаю ваши обычаи. Не мне начинать говорить, мистер Моррис... Если вам нужно что-нибудь сказать, я вас слушаю.

— Чтобы передать все мистеру Макгинти?

— Успокойтесь. Лично я останусь верен ложе, говорю вам это прямо. Но я не выдаю то, что мне сказали по секрету. Но учтите, ни в чем, что противоречит интересам ложи, не ждите от меня помощи.

— Быть может, я отдам в ваши руки свою жизнь, говоря откровенно. Но вы все же новичок. Значит, совесть у вас еще не так заскорузла, как у других. Вот почему мне хотелось поговорить с вами.

— Что же вы хотите сообщить мне?

— Если вы меня выдадите, пусть ляжет на вас мое проклятие.

— Я сказал, что не выдам!

— Тогда ответьте: когда вы сделали членом ложи в Чикаго и произнесли обеты верности и милосердия, приходила вам на ум мысль, что это поведет вас к преступлениям?

— Смотря что называть преступлением.

— Смотря что! — воскликнул Моррис гневно. — Мало вы видели наших дел, если можете назвать их как-нибудь иначе. Ну а прошлой ночью, когда старого человека, который мог быть вашим отцом, избили до полусмерти, — что это было, по-вашему?

— Некоторые сказали бы, что это война, — спокойно ответил Макмэрдо, — а на войне — как на войне: все сводят счеты как могут.

— Вы все-таки ответьте на мой вопрос: думали вы о чем-либо подобном, когда вступали в чикагскую ложу?

— Должен признаться, нет.

— Так было и со мной, когда я вступил в орден в Филадельфии. К сожалению, дела мои там расстроились, и в один проклятый Богом час я услышал о Вермиссе. Я приехал сюда для поправки своих дел. Боже, подумать только... Со мной приехали жена и трое детей. На рыночной площади я открыл магазин, и дела пошли отлично. Потом я вступил в местную ложу — так же, как вы вчера. Я сразу очутился во власти злодея и запутался в сети преступлений. Что мне оставалось делать? Я не могу отсюда уехать, так как все состояние мое вложено в магазин. Если я откажусь от братства, то буду тут же убит, и один Бог ведает, как поступят с моей женой и детьми. О, это ужасно! — Моррис закрыл лицо руками.

Макмэрдо пожал плечами.

— Вы слишком сердобольны для всех этих дел.

— Во мне не умерла совесть, но они превратили меня в преступника. Особенно запомнился один случай. Однажды мне дали поручение. Если бы я отказался, меня постигла бы смерть... Воспоминание о случившемся будет вечно преследовать меня. Милях в двадцати от города стоял уединенный дом, вон там, у гор... Мне приказали караулить двери, поручить мне самое дело они не решились. Остальные вошли в комнату, и, когда снова появились из дверей, их руки были в крови... Мы собирались уйти, когда позади нас в доме закричал ребенок. Я чуть не потерял сознание от ужаса, но мне надо было улыбаться, иначе в следующий раз они вышли бы с окровавленными руками из моего дома и мой маленький Фрэд кричал бы так же... По приказу я сделался палачом... Я верующий католик, но патер не захотел и говорить со мной, узнав, что я Чистильщик... Меня отлучили от церкви... Мне ясно, что вы идете по той же дороге, и я спрашиваю вас: готовы ли вы сделаться хладнокровным убийцей?.. Или мы все же можем каким-нибудь способом остановить все это?

— Что вы хотите делать? — резко спросил Макмэрдо. — Ведь не донести же?

— Боже сохрани, — ответил Моррис. — Одна мысль об этом стоила бы мне жизни.

— Ну что ж, — сказал Макмэрдо, — лично мне вы кажетесь просто слабохарактерным человеком. К тому же вы придаете всему этому слишком много значения.

— Слишком много! Поживите здесь дольше, тогда узнаете! Посмотрите в долину, какую тень бросают на нее клубы дыма? Поверьте, тень преступлений куда мрачнее. Мы живем в Долине ужаса. С заката до утренней зари сердца мирных жителей трепещут от страха. Скоро, молодой человек, вы сами убедитесь в этом.

— Поживем — увидим, — беспечно сказал Макмэрдо. — Придет время, и я скажу вам, что думаю по этому поводу. А теперь мне ясно только одно: вы не годитесь для жизни в долине и чем скорее продадите свою лавочку за любую цену и уедете отсюда, тем лучше. Я не забуду, что вы сказали. Надеюсь, вы говорили с добрыми намерениями. Прощайте.

— Погодите, — остановил его Моррис. — Нас могли заметить вместе, и кто знает, не пожелают ли они узнать, о чем мы разговаривали.

— С вашей стороны предусмотрительно подумать об этом.

— Скажем, я предлагал вам место у меня в магазине.

— А я отказался. Ну что ж, договорились. Прощайте, брат Моррис, и желаю, чтобы в будущем вам жилось легче.

В тот же вечер Макмэрдо в задумчивости сидел у себя в гостиной возле печки и курил. Неожиданно дверь распахнулась и в комнату ввалился мастер ложи. Он сел против молодого человека и несколько секунд молча смотрел на него. Макмэрдо выдержал этот взгляд совершенно спокойно. Наконец Макгинти сказал:

— Я редко хожу в гости, брат Макмэрдо, так как посетители отнимают у меня слишком много времени. Тем не менее я решил навестить вас.

— Горжусь этим, — ответил Макмэрдо и поднялся с места, чтобы достать из буфета бутылку виски. — Не ожидал такой чести.

— Ну как рука?

Макмэрдо скривился.

— Дает о себе знать, но ничего: стоит помучиться.

— Да, — ответил Макгинти, — стоит для людей, преданных ложе и готовых работать на нее. О чем вы толковали с братом Моррисом на Мельничном холме?

Вопрос прозвучал неожиданно, но у Макмэрдо был наготове ответ.

— Моррис добрый парень. Ему показалось, что я нуждаюсь, и, желая мне помочь, он предложил мне место в своем магазине.

— И вы отказались?

— Ну, конечно. Я могу, не выходя из комнаты, занять за четыре часа больше, чем он дал бы мне за месяц.

— Верно. Но на вашем месте я не стал бы часто встречаться с Моррисом.

— Почему?

— Потому что я советую вам это. Для всех оказалось бы вполне достаточно моего слова.

— Может быть, но не для меня, — смело возразил Макмэрдо.

Глаза смуглого исполина гневно вспыхнули, однако в следующую секунду выражение его лица изменилось, и он громко засмеялся неискренним смехом.

— Я всегда говорил, что вы странная карта в игре. Ну, если вам нужны объяснения, извольте, я их вам дам. Разве Моррис не отзывался плохо о ложе?

— Нет.

— А обо мне?

— Тоже нет.

— Значит, он просто не доверяет вам. В душе же он неверный брат. Мы это знаем и ждем только случая наказать его. В нашем загоне нет места для паршивой овцы. А если вы будете вести знакомство с неверным человеком, подозрение в неверности падет и на вас. Понятно?

— Я не могу подружиться с ним, потому что этот человек мне не нравится, — ответил Макмэрдо. — Что же до моей неверности, так заговори о ней не вы, а кто-нибудь другой, ему бы не пришлось произнести следующую фразу.

— Хорошо, сказано достаточно, — заметил Макгинти. — Я пришел, чтобы вовремя предупредить вас, что и сделал.

— Но как вы узнали о моем свидании с Моррисом?

Макгинти засмеялся.

— Я должен знать все, что происходит в городе, — сказал он, — и советую помнить, что я все знаю. Ну, мне пора, я только добавлю, что...

Но он не успел закончить прощальную фразу: дверь распахнулась, и настороженные лица трех полицейских заглянули внутрь. Макмэрдо вскочил и вытащил было револьвер, однако тут же снова спрятал его в карман, увидев наведенные на себя дула винтовок. Четвертый человек, тоже в мундире, вошел в комнату, и Макмэрдо узнал в нем капитана Мервина из Чикаго. Капитан подошел к нему и покачал головой.

— Я так и думал, что нам еще предстоит встретиться. Одевайтесь и пошли.

— Вам придется за это ответить, — прогремел Макгинти. — Как вы смеете врывать в частный дом и оскорблять честных людей?

— Это вас не касается, советник, — ответил Мервин. — Мы пришли не за вами, а вот за этим молодчиком, и вы обязаны помогать полиции исполнять ее долг.

— Он мой друг, и я отвечаю за него.

— Смотрите, мистер Макгинти, как бы вам не пришлось отвечать за собственные дела. Ну а этот Макмэрдо был негодяем еще до приезда в Вермиссу, негодяем он остался и теперь... А ну-ка давайте сюда револьвер, молодчик.

— Вот он, — хладнокровно сказал Макмэрдо. — Будь мы с вами с глазу на глаз, капитан Мервин, вы бы разговаривали иначе.

— Где приказ об аресте? — спросил Макгинти. — Ей-богу, пока в полиции служат такие господа, как вы, в Вермиссе будет все хуже. Вы нас оскорбили и ответите за это.

— Исполняйте ваш долг, как вы его понимаете, советник, — сказал Мервин, — а мы будем исполнять свой.

— В чем меня обвиняют? — спросил Макмэрдо.

— В том, что вы участвовали в нападении на редактора Стейнджера в помещении «Гералда». Можете радоваться, что вас не обвиняют в убийстве.

Макгинти грубо рассмеялся.

— Если дело в этом, то советую вам бросить его: Макмэрдо был в Доме союза и до полуночи играл в покер. Человек двенадцать свидетелей подтвердят мои слова.

— Все выяснится на суде. А пока пошли, Макмэрдо. Отойдите, мистер Макгинти, в сторону: во время исполнения своих служебных обязанностей я сопротивления не допущу.

В голосе капитана прозвучала такая решительность, что Макмэрдо и Макгинти осталось только подчиниться. На прощание мастер успел шепнуть несколько слов арестованному.

— А как же?.. -он указал большим пальцем через плечо, и Макмэрдо понял, что он имеет в виду фальшивые доллары.

— Все в порядке, — шепотом ответил Макмэрдо: у него был тайник под полом в спальне.

— До свидания, — громко сказал Макгинти, пожимая ему руку. — Я поговорю с адвокатом Релаем и все издержки возьму на себя. Можете быть уверены: вас скоро освободят.

Капитан подозрительно посмотрел на них.

— Вы двое, — обратился он к полицейским, — сторожите арестованного и стреляйте, если он надумает бежать. А я обыщу дом.

Но обыск ничего не дал, и Макмэрдо повели в полицию. Стемнело, дул резкий ветер, поэтому людей на улицах было мало. Но встречавшиеся прохожие, ободренные темнотой и присутствием полиции, осыпали арестованного оскорблениями.

— Судите проклятого Чистильщика! — крикнул кто-то. — Линчуйте его!

После короткого допроса Макмэрдо поместили в общую камеру. Там он увидел Болдуина и других участников нападения.

Но длинная рука ложи дотянулась и сюда. Ночью какой-то полицейский вошел в камеру с охапкой соломы и вынул из нее две бутылки виски, еду и колоду карт. Арестованные провели ночь не скучно.

Утром стало ясно, что им действительно нечего опасаться. С одной стороны, свидетели нападения — метранпаж и наборщики — признали, что освещение было слабое, а они волновались и потому не могут теперь клятвенно удостоверить личности нападавших; к тому же ловкий адвокат, приглашенный Макгинти, совсем их запутал. Пострадавший, который дал показания в больнице, помнил лишь, что первый ударивший его человек был с усами. Стейнджер, правда, добавил, что убежден в причастности к нападению Чистильщиков, потому что из всех окрестных жителей только они одни его ненавидят и он уже не раз получал от них угрожающие письма. Но, с другой стороны, шестеро граждан, в том числе и муниципальный советник Макгинти, заявили, что все обвиняемые в момент нападения играли в карты в Доме союза и ушли очень поздно. В результате обвиняемых отпустили, сказав им несколько слов, похожих на извинение, а капитану Мервину и всей полиции сделали замечание за неуместное усердие.

Когда огласили решение, в зале раздались крики одобрения. Макмэрдо глянул и увидел много знакомых лиц. Братья ложи улыбались и махали шляпами. Остальные присутствующие, сжав губы и сдвинув брови, молча смотрели на оправданных, когда те выходили из суда. Только один рабочий с черной бородой крикнул им вслед:

— Проклятые убийцы!.. Мы все же засадим вас!

5. САМЫЙ ТЕМНЫЙ ЧАС

Если что-либо и могло еще больше увеличить популярность Макмэрдо среди братьев Чистильщиков, то лишь этот происшедший арест и последовавшее оправдание. Он уже заслужил репутацию веселого гуляки, человека гордого и вспыльчивого, неспособного снести оскорбление ни от кого, даже от самого мастера ложи. Лишь некоторых старших братьев, в том числе и Болдуина, явно раздражало столь быстрое возвышение новичка. Но они держались осторожно, потому что Макмэрдо так же легко вступал в драку, как смеялся и шутил.

Зато старик Шефтер теперь вообще не желал иметь с ним никакого дела и категорически запретил появляться у него в доме. Однако любящая Этти не могла отказаться от Джона, хотя здравый смысл и ей подсказывал, к чему повело бы замужество с таким человеком. Как-то утром, проведя бессонную ночь, девушка решила повидаться с Джоном и уговорить его отказаться от всяких темных дел. Она отправилась к нему и незаметно проскользнула в комнату, где, как она знала, жил Макмэрдо. Тот сидел за столом и что-то писал. Шагов Этти он не услышал. Внезапно ее охватил порыв шаловливости. Она на цыпочках подкралась к Джону и неожиданно положила руку ему на плечо.

Намерение Этти испугать его более чем удалось. Джон мгновенно вскочил, точно подброшенный пружиной, и резко повернулся. Левая рука его одновременно смяла лежавшую на столе бумагу, а правой он едва не схватил девушку за горло. Секунду он смотрел на нее бешеным непонимающим взглядом, потом на лице изобразились облегчение, удивление и, наконец, радость.

— А, это вы, Этти, — сказал Джон, вытирая мгновенно вспотевший лоб. — Подумать только, что вы пришли ко мне, а я вас так встречаю! Ох, Этти, позвольте мне заглазить мой поступок! — И он протянул к ней руки.

Но она еще находилась под сильным впечатлением от увиденного выражения смертельного страха, которое в первый миг отразило его лицо.

— Почему вы так сильно испугались меня? О Джон, если бы ваша совесть была чиста, вы не посмотрели бы на меня таким взглядом!

— Я думал о другом, и когда вы бесшумно подкрались...

— Нет, Джон. — В ней вдруг вспыхнуло подозрение. — Дайте мне письмо, которое вы писали!

— Этти, я не могу исполнить вашей просьбы.

— Вы писали другой женщине! Иначе вы не стали бы скрывать от меня письмо. Может быть, вы писали своей жене? Я даже не знаю наверняка, что вы холосты. Ведь вас здесь никто не знает!

— Я не женат, Этти. Клянусь, вы для меня единственная женщина в мире!

— Тогда почему вы не хотите показать мне письмо?

Он посмотрел на нее с нежностью.

— Дорогая, я дал клятву не «показывать его и, как не нарушил бы слова, данного вам, так сдержу и обещание, взятое у меня другими. Дело касается логи, и это тайна даже от вас. Если я испугался прикосновения вашей руки, неужели вы не понимаете, почему? Ведь это могла быть» и рука врага.

Он привлек ее к себе, и поцелуи окончательно разогнали ее сомнения и страхи.

— Скажите, теперь вы снова спокойны? Да?

— О каком спокойствии вы говорите, Джон, когда в любой день я могу услышать, что вас судят за убийство? Макмэрдо — Чистильщик! Эти слова каждый раз болью пронзают мое сердце.

— Мы стараемся своими средствами отстоять принадлежащие нам права.

Этти прижалась к нему.

— Оставьте их, Джон! Ради меня! Я пришла просить вас об этом. О Джон, видите, я умоляю вас на коленях!

Он поднял девушку и, прижав ее к груди, постарался успокоить.

— Право, Этти, вы сами не знаете, чего просите. Могу ли я бросить начатое дело? Это было бы нарушением клятвы, изменой! Знай вы обстоятельства, в которых я нахожусь, вы не просили бы об этом. А потом — разве логично так просто отпустить человека, посвященного в ее тайны?

— Я уже все обдумала, Джон. У отца есть кое-какие сбережения, и ему тоже надоел этот проклятый город. Мы вместе сбежим в Филадельфию или в Нью-Йорк и спрячемся там.

Джон горько рассмеялся:

— У логи длинная рука! Она легко протянется отсюда и в Филадельфию и в Нью-Йорк.

— Ну так уедем в Англию или в Швецию, на родину моего отца. Уедем куда хотите, только бы очутиться подальше от этой Долины ужаса!

Макмэрдо вспомнил о Моррисе.

— Вот уже второй раз при мне так ее называют. Действительно, многие из вас подавлены страхом.

— О Джон, все минуты нашей жизни омрачены. Может, вы думаете, что Болдуин простил? Он только боится вас, иначе — что было бы уже с нами! Если бы видели, какими глазами он смотрит на меня...

— Поймите, милая, я не могу сейчас уехать. Зато, если вы мне доверитесь, я найду сам хороший, честный выход из положения.

— Из такого положения не может быть честного выхода.

— Да, с вашей точки зрения. Но дайте мне шесть месяцев, и я, не стыдясь ничьих взглядов, смогу уйти из долины.

Девушка недоверчиво взглянула на него.

— Шесть месяцев? Вы обещаете?

— Ну, может быть, семь или восемь... Во всяком случае, раньше чем через год мы отсюда выберемся.

Больше Этти ничего не добила. Но и это было уже кое-что. Отдаленный свет несколько рассеял мрак безнадежного будущего. Когда Этти вернулась домой, на душе у нее было легче, чем когда-либо за все время, что она знала Джона.

Поскольку Макмэрдо сделался полноправным членом ложи и стал получать более подробные сведения, он вскоре выяснил, что деятельность Чистильщиков отнюдь не ограничивалась одной долиной, а была гораздо обширнее и сложнее. Даже Макгинти, видимо, не был осведомлен о ней полностью. Брат высшей ступени, именовавшийся областным делегатом и живший в Хобсоне, ведал многими отдельными ложами и самовластно распоряжался ими. Макмэрдо только раз видел его — маленького седого человека, похожего на крысу, который не ходил, а скользил, исподтишка бросая взгляды направо и налево. Его звали Иване Потт. Сам мастер триста сорок первой ложи явно испытывал по отношению к этому человеку что-то вроде уважительного трепета.

Однажды Сканлейн, живший в одном доме с Макмэрдо, получил от Макгинти письмо, к которому была приложена записка Иванса Потга. Тот сообщал главе ложи Вермиссы, что присылает к нему двух хороших ребят, Лоулера и Эндрюса, которым предстоит поработать в окрестностях города. Не потрудится ли мастер хорошенько спрятать их до того времени, когда им пора будет действовать? И Макгинти просил Сканлейна и Макмэрдо приютить у себя приезжих.

В тот же вечер явились Лоулер и Эндрюс, каждый со своим дорожным мешком. Лоулер, человек пожилой и замкнутый, в черном сюртуке и мягкой шляпе, с седой растрепанной бородой, походил на священника. Второй же, Эндрюс, почти еще мальчик, с открытым лицом и развязными манерами, наоборот, казался школьником, который беззаботно наслаждается каникулами. Оба они не пили ничего спиртного и, в общем, вели себя крайне примерно. Впрочем, они более или менее охотно рассказывали о своих прошлых поручениях. На счету Лоулера их было четырнадцать, Эндрюса — три. Лишь о том, что им предстояло сделать, они помалкивали.

— Нас выбрали потому, что ни я, ни этот мальчик не пьем,

— только и сказал Лоулер. — Значит, ничего лишнего не сболтнем.

— Всем нам одинаково близко дело, — ответил ему Сканлейн.

Все четверо усаживались за ужин.

— Верно, и мы охотно потолкуем о том, как был убит Чарли Уильямс, или Симон Берд, или еще кто-нибудь.

— Здесь у нас живет с полдюжины людей, с которыми я с удовольствием свел бы счеты, — запальчиво произнес Макмэрдо.

— Не собираетесь ли вы побывать у Джека Нокса из Ирландии? Я с радостью услышал

бы, что он получил должное.

— Нет, нас занимает не он.

— Может, Герман Штраус?

— И не он.

— Ну, мы не настаиваем. Тайна есть тайна. Просто мы хотели бы помочь вам.

Лоулер с улыбкой покачал головой. От него ничего нельзя было выведать.

Однако Сканлейн и Макмэрдо все же твердо решили присутствовать при «потехе», как они выражались. Когда Макмэрдо услышал на лестнице тихие шаги, он разбудил Сканлейна, и оба быстро оделись. Наружная дверь была открыта. Еще не рассвело, но при неверном свете уличных фонарей Макмэрдо и его спутник разглядели две быстро удалявшиеся фигуры и осторожно двинулись за ними.

Их дом стоял на самом краю города. Очень скоро Макмэрдо и Сканлейн очутились в поле, неподалеку от перекрестка двух проселочных дорог. На перекрестке Лоулера и Эндрюса ждали еще трое приезжих братьев. Очевидно, предстояло важное дело. Братья направились к Вороньей горе, где находились шахты крупной компании. Ими ведал энергичный и бесстрашный директор, уроженец Новой Англии, который даже в долгие годы террора сумел поддерживать необходимую дисциплину и порядок среди своих подчиненных.

Светало, по черной тропинке двигались шахтеры поодиночке и группами.

Макмэрдо и Сканлейн смешались с ними, не теряя из виду приезжих братьев. Над землей висел густой туман. Вдруг прозвучал резкий свисток: это был сигнал, который означал, что минут через пять — десять начнется спуск в шахту.

Когда Сканлейн и Макмэрдо дошли до открытой площадки около шахты, там столпилось около сотни шахтеров. Ожидая спуска, чтобы как-то согреться, они топали ногами и дули себе на руки. Приезжие братья стояли в стороне. Сканлейн и Макмэрдо взобрались на груды шлака поодаль. Из машинного отделения вышел бородатый управляющий Мензис и снова засвистел в свисток: начинался спуск в шахту. В это мгновение откуда-то со стороны подошел директор, высокий худощавый человек. Сделав несколько шагов, он заметил группу молчаливых и неподвижных незнакомцев. Они были в рабочей одежде и все в надвинутых на глаза шляпах.

— Кто вы такие? И зачем здесь находитесь? — спросил директор, подходя к ним.

Вместо ответа молодой Эндрю шагнул вперед и выстрелил ему в живот. Сотня ожидающих шахтеров замерла, словно парализованная. Директор обеими руками зажал рану, поднялся с земли и шатаясь побрел прочь, но тут выстрелил второй убийца. Директор упал на бок, подергивая ногами и хватая руками обломки руды. При виде этого из груди Мензиса вырвался вопль ярости, и он с большим болтом в руках кинулся на убийц. По нему тоже выстрелили несколько раз, и он мертвый упал к ногам убийц. Несколько шахтеров двинулось было вперед, слышались голоса сострадания и гнева. Но двое из приезжих выпустили несколько зарядов, пули просвистели над головами рабочих, и те быстро отступили. Убийцы сразу растворились в утреннем тумане. Все произошло очень быстро. Свидетели этой сцены едва успели опомниться, как все было кончено, и вряд ли кто-нибудь из них мог бы описать наружность людей, только что на глазах целой толпы совершивших двойное убийство.

Сканлейн и Макмэрдо отправились домой. Сканлейн притих, он в первый раз видел «настоящее дело», и оно показалось ему менее забавным, чем ему описывали. Макмэрдо тоже шел молча, погруженный в свои мысли.

В эту ночь в Доме союза братья ложи праздновали новый успех. Мрачная тень над долиной сгустилась еще больше, ужас еще сильнее охватил жителей.

И как умелый полководец закрепляет плоды своей победы, не давая врагу собраться с духом и оправиться после недавнего поражения, так и Макгинти в ту же ночь задумал новую операцию. Когда пьяные Чистильщики расходились, он дотронулся до плеча Макмэрдо и повел его за собой в ту самую комнатку, где состоялся их первый разговор.

— Вот что, милейший, — сказал он, — наконец-то у меня есть достойное вас дело. Поручаю его вам.

— Я горжусь этим, — ответил Макмэрдо.

— Можете взять с собой Мандерса и Релая. Они уже предупреждены. Пока мы не разделаемся с Честером Уилкоксом, у нас не будет покоя, а если вам удастся покончить с ним, вы заслужите благодарность всех лож долины.

— Приложу все усилия. Кто он и где его искать?

Макгинти вынул изо рта наполовину изжеванную сигару и, объясняя, стал одновременно рисовать грубый план на листке из записной книжки.

— Он твердый орешек. Полицейский сержант, из цветных. Стреляный воробей, и старых рубцов на нем не счесть. Мы дважды пробовали с ним покончить, но неудачно. В последний раз мы потеряли Джима Карнавэ. Теперь попытайтесь вы. Вот дом, видите, он стоит одиноко у дороги в Дайк. Так что шума никто не услышит, разве что случайные прохожие. Днем не стоит и пробовать. Уилкокс всегда при оружии, и стреляет он метко. Так что главное — это застать его ночью, врасплох. В доме, кроме него, живут трое детей, жена и служанка. Если вы будете слишком деликатничать, дело провалится. Я думаю, лучше всего подложить взрывчатку под входную дверь и взорвать...

— А что сделал этот человек?

— Разве я не сказал вам, что он застрелил Джима Карнавэ?

— А почему застрелил?

— Вам-то что за дело? Карнавэ бродил вокруг его дома, и он застрелил его. Этого достаточно для меня и для вас.

— Там две женщины и дети. Их тоже надо уничтожить?

— Необходимо, иначе вы не доберетесь до него.

— Но они никого не застрелили.

— Что за разговоры? Вы что, отказываетесь от поручения?

— Нет, советник! Разве я когда-нибудь давал повод думать, что склонен к неповиновению? Разумно поручение или нет, это вам решать.

— Значит, вы готовы все исполнить?

— Ну, конечно.

— Когда?

— Ну, ночи две мне нужны, чтобы разведать местность, осмотреть дом и составить план. Так что на третью ночь...

— Отлично, — сказал Макгинти, пожимая Джону руку. — Действуйте. Это будет хороший день для нас, когда вы сообщите, что дело сделано. После такого удара они все станут на колени.

Дом Честера Уилкокса стоял уединенно милях в пяти от Вермиссы. На следующую ночь Макмэрдо отправился на разведку и вернулся, когда уже рассвело. Днем он обсудил план с двумя своими подчиненными, Мандерсом и Релаем. Это были совсем еще молодые парни, которые говорили о предстоящем убийстве, точно речь шла об охоте на оленя. Макмэрдо еще раз сходил на разведку. На третью ночь все трое встретились за городом. Кроме оружия, у них была с собой взрывчатка, которую достали на каменоломнях. Часов около двух ночи Чистильщики добрались до места. Дул резкий ветер, и рваные облака быстро неслись по небу. Макмэрдо и его сообщники подкрались к дому бесшумно. Внутри дома, как и вокруг, царил полная тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в деревьях. Макмэрдо осторожно подложил мешок со взрывчаткой под порог дома, прикрепил фитиль и поджег его. Чистильщики отбежали на безопасное расстояние и спрятались в канаве. Маленький огонек побежал по шнуру, добрался до взрывчатки — и оглушающий взрыв поднял в воздух обреченное строение. Задача была выполнена.

Однако утром выяснилось, что операция Макмэрдо, так хорошо продуманная и выполненная, провалилась. Уилкокс оказался слишком предусмотрительным. То ли судьба многих других жертв, то ли предчувствие заставили его как раз накануне перебраться с семьей в другое, более безопасное жилище... Взрыв разрушил пустой дом.

— Все равно, — сказал Макмэрдо, — он моя жертва, и я доберусь до него, хотя бы мне пришлось ждать целый год.

Собрание ложи выразило Макмэрдо доверие. А несколько недель спустя газеты сообщили, что Уилкокс убит выстрелом из засады.

Таковы были «подвиги» Чистильщиков, превратившие долину Вермиссы в Долину ужаса. В старых газетах можно прочесть и о том, как двое полицейских, Иване и Хент, были застрелены, когда пытались арестовать двоих Чистильщиков; как застрелили миссис Лерби, сидевшую у постели своего мужа, до полусмерти избитого по приказанию Макгинти; как сперва убили старшего Дженкинса, а потом его брата; как изуродовали Джемса Мердока; как взорвали дом Стенхауза, уничтожив целую семью; как предали жестокой смерти Стендалса — и все это в течение одной зимы.

Эта страшная зима кончилась, но весна, снимающая оковы с природы, не принесла избавления жителям Долины ужаса.

6. ОПАСНОСТЬ

К весне Макмэрдо уже получил звание дьякона братства и стал одной из самых видных фигур в совете ложи. Его мнения спрашивали, его помощи просили едва ли не в каждом новом деле. Но чем популярнее становился он среди Чистильщиков, тем более мрачные взгляды горожан провожали его, когда он проходил по улицам Вермиссы. Чаша терпения их, казалось, переполнилась, и ужас постепенно сменялся отчаянием. До ложи доходили слухи о тайных собраниях в редакции «Гералда», о том, что жители решили создать отряд самообороны и запасаются оружием. Однако Макгинти и его подручные всего этого не опасались. В их рядах насчитывалось достаточное число людей, связанных круговой порукой, чтобы бить тревогу из-за запуганных до смерти горожан. Все сведется, как и до сих пор, к пустым разговорам и, может быть, к нескольким безрезультатным арестам.

Но однажды в мае, когда Макмэрдо собирался идти на обычное субботнее заседание ложи, к нему зашел Моррис, слабый и трусливый человек.

— Можно мне откровенно поговорить с вами, мистер Макмэрдо? — спросил он.

— Конечно, — ответил Макмэрдо.

— Я не забыл, что как-то излил перед вами свои сомнения, и вы не выдали меня.

— Есть о чем говорить! Я ведь сказал вам тогда, что я не доносчик. Но это не значит, что я с вами заодно.

— Я это знаю, и все-таки лишь вам почему-то могу открыть душу и знать, что вы меня не выдадите. — Он помолчал несколько секунд. — Здесь, — продолжал он, прижав руку к груди, — хранится тайна, и она жжет меня. Мне необходимо ею поделиться... Если я смолчу, возможно, погибнем мы все.

Макмэрдо пристально посмотрел на дрожавшего Морриса и налил ему виски.

— Выпейте, — сказал он. — Это поможет вам взять себя в руки.

Моррис выпил, и щеки его слегка порозовели.

— Я могу объяснить все одной фразой: на наш след напал сыщик.

Макмэрдо посмотрел на него с удивлением.

— Вот новость! Разве вся округа не кишит полицейскими и сыщиками? А какой от них толк?

— Нет, это не местный сыщик. Здешних мы действительно знаем, и бояться их нечего. Но тут другое дело. Слышали вы об агентстве Ната Пинкертона?

— Что-то такое читал.

— Поверьте, если люди Пинкертона нападают на чей-нибудь след, то их песенка спета. От них не спастись. Это вам не местная полиция и даже не федеральная. Им слишком хорошо платят, и вопроса «поймаю или не поймаю» для них не существует. У них бульдожья хватка. Так что если один из этих пинкертонов за нами следит, то мы пропали.

— Не поднимайте паники! Его можно уничтожить.

— Вот ваша первая мысль! То же скажут и в ложе. Опять дело кончится убийством!

— Убийство — подумаешь! Здесь это самая привычная вещь.

— Конечно, но не мне бы наводить убийц на след... Да после этого я не буду знать ни минуты покоя! А между тем речь идет о наших жизнях. Ради Бога, скажите, что мне делать? — И, охваченный муками нерешительности, он стал покачиваться на табурете из стороны в сторону.

Схватив Морриса за плечо, Макмэрдо сильно встряхнул его.

— Послушайте, вы не поправите дела, завывая, как баба на похоронах. Перечислите факты. Кто он? Где он? Как вы о нем узнали?

Моррис поднял голову.

— Помните, я говорил, что до приезда сюда у меня на востоке был магазин? Там остались друзья, один из них служит на телеграфе. Вчера я получил от него письмо. Читайте вот в этом месте.

Макмэрдо прочел следующее: «Как поживают у вас Чистильщики? Мы часто слышим о них из газет. Между нами, я надеюсь скоро узнать о важных событиях. Несколько крупных компании, в том числе и железнодорожная, серьезно взялись за дело. Можете быть уверены, что они доберутся до этих парней: дело поручено Пинкертону, и занялся им лучший сыщик агентства Барди Эдвардс...»

— Теперь прочтите на обороте, постскриптум.

«Обо всем этим я узнал у себя на телеграфе, так что сообщения моего не распространяйте. Согласитесь, дружище, было бы глупо, если бы через руки человека ежедневно проходили шифрованные депеши и он не научился их расшифровывать. Это мое лучшее развлечение и моя тайна».

Некоторое время Макмэрдо сидел молча.

— Кто-нибудь еще знает о письме? — спросил он наконец.

— Что вы! Конечно, никто.

— А как вы думаете, ваш друг сообщил об этом еще кому-нибудь?

— Кажется, у него есть двое-трое близких приятелей.

— М-да... Жаль, что он не описал внешность Барди Эдвардса. Тогда нам было бы легко напасть на его след.

— Помилуйте, Макмэрдо, ведь он узнал о сыщике из шифрованных депеш!

Глаза Макмэрдо блеснули.

— Я придумал! Как глупо, что не сообразил сразу! Мы поймем его, прежде чем он успеет повредить нам. Вот что, Моррис, согласны вы отдать дело в мои руки?

— О Господи, конечно, только избавьте меня от него.

— Ну и отлично! Вы будете совершенно в стороне. Не придется даже упомянуть вашего имени. Я все беру на себя, как если бы письмо прислали мне.

— Но что вы задумали?

— Чем меньше будете знать, друг Моррис, тем вам будет спокойнее. Ничего не спрашивайте и предоставьте событиям идти своим чередом.

Моррис сокрушенно покачал головой.

— Я чувствую на себе его кровь, — сказал он почти со стоном.

— Самооборона — не убийство, — сказал Макмэрдо, мрачно улыбаясь. — На войне как на войне! Или ему погибать, или нам! Ему нельзя позволить долго оставаться в долине, не то он и впрямь нам здорово навредит! О брат Моррис, боюсь, нам скоро придется избрать вас мастером, потому что вы, конечно, спасли ложу.

Макмэрдо расхохотался.

Но когда Моррис ушел, он, прежде чем отправиться на заседание ложи, разобрал какие-то бумаги и часть из них сжег. По дороге он задержался у дома Шефтера. Вызвал Этти, постучав в окошко. Лицо Макмэрдо было, против обыкновения, крайне серьезно и напряженно.

— Что случилось, Джон? — спросила Этти. — О милый, вам грозит беда?

— Право, пока ничего особенного, дорогая. Но, может быть, лучше исчезнуть отсюда раньше, чем дело дойдет до крайностей.

— Исчезнуть?

— Ведь я однажды обещал вам, что наступит день, когда я уеду. Теперь этот день, наверное, близок. Сегодня я получил известие, и не очень хорошее. Надвигается опасность.

— Полиция?

— Хуже. Помните, вы сказали, что, если я уеду, поедете со мной?

— Конечно, помню.

— Тогда выслушайте меня и сделайте все, что я вам скажу,

— в этом единственное спасение для нас с вами. В этой долине произойдет немало событий. Многие из нас вынуждены будут о себе позаботиться. Я — в любом случае. Если мне придется отсюда бежать, днем ли то будет или ночью, вы должны уехать со мной.

— Я поеду вслед за вами, Джон.

— Нет, нет! Не вслед за мной, а со мной. Долина Вермиссы навсегда закроется для меня, и я никогда не смогу сюда вернуться. Как же я оставлю вас здесь, хотя бы и ненадолго? Едете вы со мной?

— Да, Джон.

— Благослови вас Бог за ваше доверие. Когда я дам вам знать, Этти, вы должны тотчас все бросить и спешить на вокзал. Я явлюсь туда за вами.

— Днем или ночью я приду по первому вашему слову, Джон.

Члены ложи собрались уже у Макгинти. Гул приветствий встретил Макмэрдо, когда он показался в зале. Сквозь табачный дым Макмэрдо разглядел черную гриву мастера, жестокое недружелюбное лицо Болдуина, похожего на коршуна секретаря и других вожаков ложи.

— Мы рады видеть вас, брат, — сказал председатель. — Нам предстоит решить спорный вопрос.

— Он говорит о споре Лендела с Геном, — негромко объяснил сосед Макмэрдо. — Оба они требуют главной награды за убийство старика Креббе в Стайлстоуне, а как узнать теперь, чья именно пуля его прикончила?

Макмэрдо встал и поднял руку. Наступило молчание.

— Достопочтенный мастер, — сказал он торжественно, — прошу слова для сообщения особой важности.

— По правилам ложи в таких случаях откладывается все остальное, — произнес председатель. — Мы слушаем вас, брат Макмэрдо.

Тот вынул из кармана письмо.

— Достопочтенный мастер и братья, — сказал он, — сегодня я принес дурные вести. Нам нужно немедленно обсудить их и принять меры, не то мы дождемся неожиданного удара, который истребит нас всех. Меня известили, что несколько крупнейших компаний объединились с целью нас уничтожить. Сейчас в долине действует сыщик Пинкертон Барди Эдвардс. Он собирает улики, которые, возможно, накинута петли на шеи многих из нас.

— Какие у вас есть доказательства, брат Макмэрдо? — спросил Макгинти, нахмурясь.

— Так написано в письме, попавшем в мои руки. Чье это письмо, неважно. Но заверяю вас своей честью, что оно достойно доверия.

— Я слышал имя Эдвардса, председатель, — сказал один из старших братьев. — Говорят, это лучший сыщик Пинкертон.

— Знает ли его кто-нибудь в лицо? — спросил Макгинти.

— Да, — сказал Макмэрдо. — Я знаю его в лицо.

По залу пробежал гул удивления.

— И мне кажется, он у нас в руках, — с ликующей улыбкой продолжал Макмэрдо. — Действуя быстро и решительно, мы можем предупредить опасность. Если вы доверите это дело мне...

— А в чем заключается опасность? — спросил Макгинти. — Что он может знать о нас?

— Не все братья обладают вашей твердостью, советник. Среди них могут найтись и слабые люди. Что, если Эдвардсу удастся кого-нибудь подкупить? Может быть, это ему даже и удалось! Существует только одно верное средство...

— Не дать ему покинуть долину, — подсказал Болдуин. — Между нами существовали недоразумения, но сейчас я с вами полностью согласен.

— Как же мы его разыщем? — спросил Макгинти.

— Достопочтенный мастер, о наших планах не следует говорить при всех. Я не подозреваю никого из присутствующих, но если Эдвардс что-нибудь пронюхает, нам до него будет не добраться. Надо избрать специальный комитет. Предлагаю ввести в него вас, мистер председатель, брата Болдуина и еще пятерых.

Предложение Макмэрдо приняли, и комитет был тут же избран. В него вошли Макгинти, Болдуин, похожий на коршуна секретарь ложи Гарвей, профессиональный убийца Тигр Кармак, казначей и двое братьев Уилбэй.

Собрание ложи на этот раз не затянулось, ужин прошел без обычного шумного возлияния, и вскоре Чистильщики разошлись.

— Говорите, Макмэрдо, — сказал мастер, когда в зале остались только члены нового комитета. Макгинти был мрачен, как туча.

— Я сказал, что знаю Барди Эдвардса, — ответил Макмэрдо.

— Но здесь он, конечно, живет под другой фамилией. Он выдает себя за Стива Уилсона.

— Откуда вы знаете?

— Я видел его и даже говорил с ним. Правда, тогда я еще не сообразил, в чем дело, и, не будь письма, даже не вспомнил бы об этой встрече. Но теперь я уверен, что Стив Уилсон и есть Эдвардс. Я наткнулся на него в вагоне, когда в среду ездил по линии. Он назвал себя журналистом и старательно выведывал все о Чистильщиках. Он сказал, что пишет для «Нью-Йорк пресс». Я, понятно, ничего не рассказал ему, кроме нескольких небылиц. Он их записал и сказал. «Подумайте, мистер, я заплачу хорошо, если только мне дадут материал, который пригодится для газеты».

— А что вы ему рассказали?

— Я же говорю — разные небылицы.

— Не очень-то он большой ловкач, если им поверил.

— А кто вам сказал, что он поверил? Он мог просто сделать вид, что записывает. И потом — одни рассказывают небылицы, другие могут рассказать правду. Во всяком случае, это хороший подход к людям.

— Почему вы уверены, что он сыщик?

— Сейчас объясню. Он вышел в Хобсоне, я тоже. Потом я зашел на телеграф. Он как раз выходил оттуда. Телеграфист там

— мой знакомый. «Ей-богу, — говорит он мне, — надо брать двойную плату за такие телеграммы». И показывает телеграфный бланк, заполненный какой-то абракадаброй, вроде головоломки. Я говорю: «Это шифр». — «Но мне-то от этого не легче — ведь он каждый день отправляет по такому листку». — «Он журналист, — сказал я, — и боится, как бы другие не перехватили его факты». По правде говоря, я и сам не очень в это верил, но ничего подозрительного мне тогда в голову не пришло...

— Вы, пожалуй, правы: это он и есть, — сказал Макгинти.

— Но что делать?

— Почему бы попросту не отправиться к нему и не прикончить эту ищейку? — сказал один из Чистильщиков.

— Да, — подхватил другой, — и чем скорее, тем лучше.

— Во-первых, мы не знаем точно, где его искать, — сказал Макмэрдо. — Хоть он и в Хобсоне, но там не один дом. Во-вторых, мы не знаем, что именно он успел сообщить своим хозяевам. Не исключено, что он уже кое-что разнюхал, но что? Это нам не мешало бы узнать. Так что у меня другой план.

— Какой? — спросил Макгинти.

— Завтра утром я отправлюсь в Хобсон и попробую его найти. Надеюсь, это мне удастся. Не исключено даже, что телеграфист знает, где он живет. Когда я найду Эдвардса, я ему выскажу, что и сам Чистильщик, и за известную цену предложу открыть тайны ложи. Можете

быть уверены, он попадет на эту удочку. Ну а затем я скажу, что у меня есть даже документы и все они спрятаны дома, но, дескать, если бы я привел его к себе днем и кто-нибудь нас увидел, это стоило бы жизни нам обоим. Поэтому я предложу ему прийти часам к десяти вечера.

— А дальше?

— Что дальше, по-моему, ясно и так. Дом, где я снимаю комнату, стоит уединенно. Кроме меня и Сканлейна, в доме нет ни души. Если я выманю у него согласие, вы все семеро соберетесь у меня к девяти. Мы его впустим, и тогда, клянусь чертом, ему живым от нас не уйти.

— Ну что ж, будем надеяться, что в агентстве действительно появится вакантное место, — сказал Макгинти с усмешкой. — На том и порешим, Макмэрдо. Завтра в девять мы соберемся у вас. Пусть только дверь за ним захлопнется, остальное предоставьте нам.

7. БАРДИ ЭДВАРДС В ЗАПАДНЕ

На следующее утро Макмэрдо поехал в Хобсон. По странному совпадению именно в этот день полиция проявила к нему интерес. Капитан Мервин, тот самый, что знал его со времен Чикаго и уже арестовывал однажды в Вермиссе, подошел к нему на станции. Макмэрдо отвернулся и отказался разговаривать с ним.

Возвратившись из поездки, Макмэрдо зашел в бар и шепнул Макгинти:

— Он приедет.

— Отлично, — сказал Макгинти. Он был в жилете, украшенном золотыми цепочками, а сквозь его косматую бороду прорывались сверкающие лучи бриллианта. Но лицо его было мрачно. — Как вы думаете, много он знает? — тревожно спросил Макгинти.

Макмэрдо пожал плечами.

— Он прожил здесь довольно долго, по крайней мере, недель шесть. Деньгами его наверняка снабдили вдоволь, а с их помощью, сами понимаете, можно добиться многого.

— В ложе нет предателей, — с жаром сказал Макгинти. — Все ее члены надежны, как сталь. Хотя, впрочем, есть этот негодяй Моррис... Если уж кто выдаст нас, так это он. Я не прочь сегодня же послать к нему парочку молодцов, они бы выколотили из него чистосердечное признание.

— Может, это и разумно, — ответил Макмэрдо. — Но, признаюсь, я симпатизирую Моррису, и мне будет жаль, если с ним что-нибудь случится. Он пару раз говорил со мной о делах ложи. Может быть, они и представляются ему иными, чем нам с вами, но я все же уверен, что он не доносчик.

— Я все-таки займусь этим негодяем, — сказал Макгинти.

— Я следил за ним целый год...

— Поступайте как знаете, — ответил Макмэрдо. — Только это придется отложить до завтра: сегодня у нас есть дело поважнее. К тому же, пока мы не покончим с этим Эдвардсом, надо избегать всякого шума.

— Верно, — согласился Макгинти. — Мы от самого Барди Эдвардса узнаем, кто давал ему сведения, хотя бы для этого нам пришлось вырезать ему сердце. Слушайте, Джон, а он не почуял западни?

Макмэрдо засмеялся.

— Ну нет! Я здорово раздражил эту ищейку! Думаю, он был бы готов прийти даже на собрание ложи, лишь бы получить нужный материал. И к тому же, — тут Макмэрдо с усмешкой вынул из кармана связку кредитных бумажек, — я получил деньги вперед... Правда, он обещал мне еще столько, когда получит документы. Но и это немало. Он придет, советник. Не пропадать же денежкам!

— Да, кстати, какие это документы?

— Да никаких. Но я наговорил ему разных разностей о постановлениях, книгах, правилах и формах братства. Он надеется узнать решительно все, прежде чем покинет мой дом.

— Он недалек от истины, — мрачно сказал Макгинти. — А не спросил он вас, почему вы не принесли документы с собой?

— Конечно, спросил. Но не могу же я таскать их с собой, когда меня и так подозревают — и та и другая сторона, и еще сегодня капитан Мервин подходил ко мне на станции...

— Да, я слышал, — заметил Макгинти. — Боюсь, вся тяжесть этого дела ляжет на вас, Макмэрдо. Конечно, мы можем потом бросить тело в старую шахту, но ведь нельзя будет отрицать, что Эдвардс жил в Хобсоне и что вы сегодня туда ездили.

Макмэрдо пожал плечами.

— Если мы будем действовать умно, убийства не докажут. За моим домом не следят, и ни одна живая душа не будет знать, что он приходил туда. Главное, советник, объясните ребятам подробности плана. Вы все придете вовремя. Он явится в десять и трижды постучит в дверь. Я впусти его и запру дверь. Тогда он наш.

— Легко и просто.

— Да, но следующий шаг требует осмотрительности. Барди Эдвардс не из слабых и хорошо вооружен. Правда, я одурачил его, но он будет, конечно, настороже. Подумайте, я введу его в комнату, которая должна быть пуста — а в ней семь человек! Стрельбы не избежать.

— Конечно.

— Как бы шум не привлек к нам всю округу.

— Вы правы, Макмэрдо. Что вы предлагаете?

— Я вот что предлагаю сделать. Вы все соберетесь в большой комнате. Я открою ему дверь, введу в маленькую комнату, а сам отправлюсь якобы за документами. Это даст мне возможность вас предупредить. Потом я возвращаюсь с какими-нибудь фальшивыми бумажками, он берет их в руки, я бросаюсь на него и выбиваю револьвер. Как только вы услышите мой голос, кидайтесь со всех ног. Чем скорее вы придете, тем лучше. Он не слабей меня, и, возможно, мне с ним не справиться. Конечно, пока вы не прибежите, я его из своих рук не выпущу.

— Хороший план. Ложа будет у вас в долгу.

— Ну, советник, я еще недалеко ушел от новичка, — сказал Макмэрдо, но по лицу было видно, что комплимент ему польстил.

Возвратясь домой, Макмэрдо вычистил, смазал и зарядил свой револьвер. Потом внимательно осмотрел комнату, которой предстояло стать ловушкой. Это было вытянутое в длину помещение с громоздкой печкой в углу. В центре стоял небольшой стол. Три стены были с окнами без ставен. Макмэрдо внимательно осмотрел рамы. Впрочем, дом так далеко отстоял от дороги, что целостность рам существенного значения не имела.

Когда пришел Сканлейн, Макмэрдо рассказал ему о предстоящем дне. Хотя Мик Сканлейн уже давно состоял членом ложи, но трусость мешала ему принять деятельное участие в кровавых делах Чистильщиков или восстать против них.

— На вашем месте, Сканлейн, — сказал Макмэрдо, — я бы ушел отсюда нынче вечером.

— Да, — ответил Сканлейн, — я последую вашему совету. Надеюсь, ложа не осудит меня за это.

Все семеро членов комитета пришли почти одновременно. На первый взгляд, они мало отличались от почтенных, благонамеренных граждан, но среди них не было человека, на совести которого насчитывалось бы меньше дюжины убийств.

Макмэрдо поставил на стол бутылку скверного виски, и все они поспешили выпить. Кармак дотронулся рукой до печи — она была накалена, так как ночи стояли холодные.

— Вот это хорошо, — заметил он, злобно усмехнувшись.

— Да, — согласился Болдуин. — Если мы прижмем к ней молодчика, будет нетрудно выведать от него все, что требуется.

— Не сомневайтесь, мы все узнаем, — сказал Макмэрдо.

Он держался хладнокровнее всех, хотя ему предстояло сыграть самую трудную роль.

— Вы молодчина, Макмэрдо, — сказал Макгинти. — Мы все выскочим, как только вы

крикнете. Жаль только, что окна здесь без ставен.

Макмэрдо старательно задернул плотные занавески.

— Ничего, никому не придет в голову сюда заглядывать. Однако готовьтесь. Время приближается.

— А вдруг он не придет? Вдруг он почуял опасность? — сказал секретарь.

— Не волнуйтесь, придет, — ответил Макмэрдо. — Он так же жаждет прийти, как вы — его увидеть. Тсс! Слушайте.

Все застыли, как восковые фигуры. У некоторых в руках остались поднятые стаканы. Послышалось три громких удара в дверь.

— Ни звука! — шепнул Макмэрдо и вышел из комнаты.

Убийцы ждали, напряженно вслушиваясь и считая шаги своего сообщника. Вот он отпер наружную дверь; прозвучали несколько слов, вероятно, приветственных. Послышались чужие шаги и невнятный звук незнакомого голоса. Потом стукнула дверь и ключ, лязгнув, повернулся в замке. Жертва попала в ловушку. Тигр Кармак издал какой-то звук, похожий на удовлетворенный смех, но Макгинти зажал ему рот рукой. Из соседней комнаты доносились звуки разговора. Наконец дверь отворилась и появился Макмэрдо, прижимавший палец к губам.

Он подошел к столу, остановился и каким-то странным взглядом обвел всех присутствующих. В нем произошла заметная перемена. Глаза за очками горели волнением, лицо было напряжено и казалось высеченным из гранита.

— Ну, — тихо спросил Макгинти, не утерпев. — Здесь он? Здесь Барди Эдвардс?

— Да, — медленно произнес Макмэрдо. — Барди Эдвардс здесь. Барди Эдвардс — это я.

На мгновение наступила мертвая тишина. Семеро убийц от неожиданности даже не сразу осознали то, что сказал Макмэрдо. Внезапно громко зазвенели разбитые стекла, и все окна сразу оцетинились ружейными стволами. Макгинти взревел, словно раненый медведь, и кинулся к полуоткрытой двери. Но там его встретило дуло револьвера. За дверью стоял капитан Мервин. Макгинти отступил.

— В комнате безопаснее, советник, — сказал человек, которого они знали как Макмэрдо. — Если вы, Болдуин, не бросите револьвер... Так, хорошо. Слушайте меня. Дом окружен. Тут сорок солдат. Судите сами, есть ли смысл сопротивляться. Превосходно... Забирайте оружие, Мервин.

Обезоруженные Чистильщики в мрачном оцепенении стояли около стола.

— Выслушайте меня на прощание, — продолжал Эдвардс. — Ибо, вероятно, мы не встретимся до суда. Я хочу дать вам пищу для размышлений — у вас будет время подумать. Я Барди Эдвардс из агентства Пинкертона. Мне поручили разоблачить вашу шайку. Это была опасная игра. Теперь все кончено: я выиграл.

Чистильщики вышли из оцепенения, глаза их были обращены к Эдвардсу, в них горели ненависть и угроза.

— Кому-то кажется, что игра еще не кончена? Может быть. Но, во всяком случае, многим из вас участвовать в ней больше не придется. Кроме вас, арестовано еще шестьдесят человек. Сознаюсь: когда мне предложили это дело, я сперва не поверил в его реальность и думал, что это газетная болтовня. Узнав, что Чистильщики связаны с масонами, я поехал в Чикаго и вступил в братство. Все же, только прибыв в Вермиссу, я понял, что правда страшнее любых газетных статей. Между прочим, я никого не убивал в Чикаго, а доллары, которые вы от меня получали, — настоящие. Вы до этого не додумались так же, как не разгадали моих поступков, совершенных у вас на глазах. Я начал с того, что спас старика Стейнджера, которого едва не прикончил Болдуин; я предупредил Честера Уилкокса, и, когда взорвал его дом, он и его семья уже были в безопасности. Многих преступлений мне не удалось остановить. Но вспомните, как часто намеченные вами жертвы возвращались домой неожиданной дорогой или не оказывались на месте, когда вы отправлялись к ним домой, или сидели взаперти, когда вы ждали их на улице! Сознаюсь, это дело моих рук. А что до преступлений, которые я сам

предлагал ложе, так это всегда были только такие, какие я сам мог вовремя предотвратить.

— Проклятый предатель, — прошипел Макгинти.

— Называйте меня, как вам нравится, Джек Макгинти. Вы бы лучше подумали, как люди называют вас самого. Подумайте — это полезно перед смертью... Ну, Мервин, все, не буду больше вас задерживать...

В тот же вечер Этти Шефтер получила запечатанную записку, а на рассвете она вместе со своим другом вошла в вагон поезда. Этти и ее жених навсегда покинули Долину ужаса. Десять дней спустя они обвенчались в Чикаго, и старый Джейкоб Шефтер присутствовал при брачной церемонии.

Чистильщиков судили в столице штата. У них оказалось немало покровителей, но усилия их ни к чему не привели. Не помогли и деньги, выжатые некогда ложей из жителей Вермиссы. Ясным и исчерпывающим показанием человека, который знал все подробности жизни «братьев», все тайны их организации и их преступлений, не могли противостоять никакие доводы или уловки защитников. Макгинти перед казнью хныкал и просил о пощаде. Восемь главных сподвижников мастера были казнены вместе с ним, около пятидесяти человек оказались в тюрьме.

Однако, как и предвидел Эдвардс, игра еще не окончилась. Тед Болдуин, братья Уилбэй и еще несколько членов шайки избежали виселицы. На десять лет они были упрятаны за решетку, но когда срок их заключения истек, наступил конец мирной жизни Эдвардса. Бывшие Чистильщики поклялись отомстить ему. После двух неудачных покушений Эдвардс вынужденно покинул Чикаго: трудно было сомневаться в том, что третье — удастся. Сменив фамилию, он перебрался в Калифорнию. В это время умерла его жена. Под именем Дугласа он работал в затерянном каньоне и там вместе со своим компаньоном, англичанином Бэркером, приобрел состояние. Наконец, узнав, что убийцы вновь напали на его след, он бежал в Англию...

ЭПИЛОГ

Состоялось полицейское расследование, и дело Джона Дугласа было передано в высшую инстанцию. Он был оправдан как человек, действовавший в целях самозащиты.

«Во что бы то ни стало увезите его из Англии, — написал Холмс жене Дугласа. — Здесь задействованы силы более опасные, чем те, от которых он ускользнул в Америке».

Прошло два месяца. Мы уже начали забывать о бирлстоунской истории, занятые другими делами, но однажды утром в нашем почтовом ящике оказалась загадочная записка. «Боже мой, мистер Холмс! Боже мой!» — гласило странное послание. Мы не нашли ни адреса, ни подписи. Странное письмо меня рассмешило, Холмс же отнесся к непонятному случаю с необычайной серьезностью.

— Дьявольские штучки, Уотсон, — заметил он и долго сидел с омрачившимся лицом.

Поздно вечером наша квартирная хозяйка, миссис Хадсон, постучала к нам и сказала, что какой-то джентльмен хочет немедленно видеть мистера Холмса по важному делу. Тотчас вслед за нею вошел Сесил Бэркер, осунувшийся и бледный.

— Я получил дурные вести, ужасные вести, мистер Холмс, — сказал он.

— Я этого боялся, — ответил Холмс.

— Бедный Дуглас! Говорят, его фамилия Эдвардс, но для меня он навсегда останется Дугласом из каньона «Бенито». Три недели назад он и его жена отправились в Южную Африку на пароходе «Палмира». Вчера вечером пароход прибыл в Капштадт, а сегодня утром я получил эту телеграмму. «Джон упал через борт и погиб во время шторма близ острова Святой Елены. Никого из очевидцев происшедшего не было. Иви Дуглас».

— Ага! Вот как это произошло, — задумчиво протянул Холмс. — Ну, конечно, сцену хорошо обставили.

— Я тоже так думаю. Эти адские Чистильщики, проклятое гнездо мстительных

негодяев...

— Нет, дорогой сэр, — заметил Холмс. — В данном случае действовала более искусная рука. Теперь вы не услышите о спиленных ружьях или неуклюжих револьверах. Художника узнают по манере. Это работа Мориарти. Истоки преступления ведут в Лондон, а не в Америку.

— Но во имя чего?

— Мориарти не признает поражений. Он не мог вынести мысли, что его мощная машина не сработала.

— Господи, но какое отношение имеет он к той американской истории?

— Могу только сказать, что первое известие пришло к нам от одного из его помощников. Американцам, видимо, посоветовали обратиться к нему за помощью. Сначала он удовольствовался тем, что нашел их жертву и разработал план убийства. Но, узнав о неудаче, занялся делом сам. Помните, я предупреждал Дугласа в Бирлстоуне, что будущая опасность страшнее минувшей? Был ли я прав?

В порыве бессильной ярости Бэркер ударил себя кулаком по голове.

— И вы хотите сказать, что мы должны спокойно сидеть? Что никто не может справиться с этим сатаной?

— О нет, — ответил Холмс, и его глаза как бы заглянули куда-то вдаль. — Я не говорю, что его нельзя победить. Но дайте мне время, дайте мне время!..

Мы замолчали, а глаза знаменитого сыщика, казалось, все еще пытались проникнуть взглядом через густую завесу будущего.